

ФОРУМ

22

1990

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

22

1990

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

22

1990

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Сергей МАКСУДОВ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauere-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» s. v., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

Михайло Горынь,
Председатель Секретариата «Руха»

ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ

Малинкович: Каковы предварительные результаты выборов в Верховный Совет Украины?

Горынь: Делать выводы о результатах выборов в ВС Украины трудно, потому что у нас нет информации из многих областей, но считаю, что мы должны набрать 25% депутатских мест в нашем парламенте, и таким образом немножко поменять его цвет — из черного сделать хотя бы серый парламент.

В Верховном Совете республики довольно много мест будут занимать люди, которые не относятся ни к партаппарату, ни к демократическому блоку, и есть надежда на то, что при определенной активности и четкой идейной позиции мы сможем блокироваться с кем-то из них и принять нужные для Украины решения.

Я лично не являюсь сторонником жестких блоков. Если мы создадим жесткий блок, то и нам будет противостоять такой же блок. Я думаю, что мы должны в определенных направлениях идти разрозненно, просачиваясь в их структуры и таким образом увлекать тех людей, что хотели бы сделать доброе дело. Противостояние — это не наилучший способ решения сложных проблем, но, если нам не удастся ничего другого, тогда придется использовать трибуну депутатскую как трибуну пропагандистскую. Но это лишь самый крайний случай и наименее эффективный.

Сейчас мы, впервые за много сотен лет, можем прийти к новому качеству — вместо того, чтобы разрушать, мы будем создавать. Мы должны заняться созидательной деятельностью — создавать украинское государство. Это принци-

пиально новое качество, и нам надо к нему привыкнуть.

Малинкович: Даже среди партаппарата есть люди, для которых интересы Украины, суверенитет Украины — это вещи очень важные. К примеру, один из таких людей — секретарь райкома Иван Салий — сейчас выдвинут депутатом. Не допускаете ли вы, что в какой-то ситуации «Рух» и другие демократические силы смогут привлечь на свою сторону часть партаппарата, а также людей, которые еще не определили свою позицию.

Горынь: Я считаю, что задача политики состоит в том, чтобы из врагов нашего народа делать его друзей, а не наоборот. Для того, чтоб делать из друзей врагов, много ума не надо. И поэтому я считаю, что мы будем блокироваться и с разными людьми, и с разными группами для того, чтобы решить вопросы суверенности украинской республики; мы переходим от митинговой дипломатии к конкретной парламентской работе. И это решает все. Прежде, чем решить определенный вопрос, мы будем внимательно присматриваться к тем людям, которые готовы пойти на контакт с нами и готовы решать вопросы так, как мы их понимаем. И мы будем с ними контактировать.

Малинкович: Недавно, 8 марта, «Рух» заявил о том, что намерен стать партией после выборов и эта партия будет оппозиционной. Не совсем понятно, почему? Ведь в «Рух» объединены люди различных идеологических позиций — одни из них коммунисты, другие — антикоммунисты, а есть люди, которые видят путь Украины и вовсе иным. Как же может из «Руха» образоваться одна партия? По всей вероятности, из «Руха» выйдет несколько партий. Не так ли?

Горынь: Я считаю, что партия, которую предлагают люди, подписавшие Заявление в «Литературной Украине», должна быть центристской партией демократического характера, которая должна четче определить свои функции, быть более строго организованной, должна быть целенаправленной политической силой. Но я лично, подписывая это заявление, имел в виду, что из «Руха» выделится партия, а сам «Рух» как таковой должен и впредь существовать, потому

что это, я считаю, — знамение времени. Нам для консолидации всего украинского народа нужна организация, в которой бы маятниковая дуга была от КПСС до УХС. Я не вижу другой силы, которая бы могла решать вопросы всеукраинского характера. Отпраздновать 21 января День Соборности Украины могла только такая организация как «Рух». Вывести на шоссе и на улицы приблизительно миллион человек мог только «Рух». И один из наших туристов сказал мне очень интересную фразу: Мы уверены в том, что компартия Украины не могла бы вывести на шоссе от Ивано-Франковска до Киева миллион человек. Это под силу только «Руху». Поэтому я буду отстаивать позиции сохранения «Руха» как многопартийной организации, которая должна решать вопросы суверенности Украины.

Малинкович: Иными словами, вы понимаете «Рух» как объединение различных партийных организаций и партий, то есть, как единый фронт, а не как одну партию?

Горынь: По нашему статуту «Рух» не объединяет ни партий, ни организаций. В него входят представители разных партий, но как отдельные члены. И поэтому было бы ошибочно считать, что «Рух» — это объединение разных партий. «Рух» — объединение представителей разных партий, исповедующих основные принципы «Руха», принципы демократии, свободы, гласности и, что самое главное, суверенности Украины.

Малинкович: Сейчас в Москве избран Президент Советского Союза, введено президентское правление. Каким образом Украина в этой ситуации сможет отстоять свой суверенитет? Возможно ли сейчас в украинском парламенте избрание собственного президента — Президента Украины, который обладал бы, скажем, правом вето на действия всесоюзного законодательства, на действия Президента СССР?

Горынь: Считаю, что избрание Президента очень усложняет нашу позицию. Мы были категорически против, считая, что необходимо ставить задачу создания не союзного государства, а, в крайнем случае, союза государств. В союзе

государств институт президентства абсолютно не нужен. Нужен, видимо, какой-то координатор. И потому мы вообще против президента Советского Союза как союза государств. Очевидно, это усложняет нашу борьбу. Но мы будем идти оптимальным — не максимальным, а оптимальным темпом, — отстаивая пункт за пунктом вопросы суверенитета.

Это может быть сначала принятие закона о приоритете республиканского законодательства над всесоюзным. Это может быть закон о собственности украинского народа и изгнании всесоюзных министерств с Украины, о передаче предприятий, земли, вод, ресурсов и т. д. в руки нашего народа. Постепенно мы будем таким образом, как партократия говорит, «наполнять реальным содержанием» наш суверенитет, т. е. нашу независимость.

Я считаю, что важнейший вопрос — это чувство меры. И если мы постоянно будем держать руку на политическом пульсе нашего народа, мы сможем понемножку отвоевать наши права. Большого оптимизма я не проявляю, но считаю, что мы получили шанс и должны использовать его до конца. Независимая Украина — это не прихоть экстремистов, это условие выживания нашего народа накануне экономической катастрофы. Если мы не переведем нашу экономику с имперских рельсов на рельсы национальной экономики, мы через десять лет можем очутиться перед неизбежной катастрофой. Мы больше не можем поставлять на всесоюзный рынок 50% чугуна, 50% железной руды, 40% стали, потому что это не только сталь и не только руда, а это и электроэнергия и вода, и загрязнение воздуха и территории, и многое другое. Поэтому сокращение добывающей промышленности (а нас когда-то величали «всесоюзной кочегаркой»), переориентация на промышленность, которая меньше потребляет электроэнергии, тогда возможно будет сокращение атомных электростанций, — это путь к выживанию. И мы должны убедить в этом народ. Если мы этого не сделаем, погибнут все, не только украинцы, но все, кто живет на нашей земле. И поэтому все мы должны держаться вместе.

Малинкович: Молдавское руководство уже сейчас пред-

лагает на ближайшей сессии ввести пост Президента Молдавии. А как вы к этой идее относитесь? Я имею в виду пост Президента Украины.

Горынь: Мы уже думаем о кандидатах в президенты. Нам нужен президент, который бы имел на территории Украины больше прав, чем всесоюзный президент. Мы также уже думаем о том, кто должен быть таким президентом. При хорошем стечении обстоятельств, если будут максимальные для нас условия, мы хотели бы видеть президентом руководителя УХС Левка Лукьяненко. Если уже условия будут для нас не совсем удачными, президентом мы хотели бы видеть лидера «Руха» Ивана Драча, который мог бы удовлетворить обе части политической амплитуды.

19. 03. 1990

От редакции:

4 марта 1990 г. Михайло Горынь избран депутатом Верховного Совета Украины.

Интервью у председателя секретариата «Руха», члена руководства Украинского хельсинкского сообщества (УХС), бывшего политзаключенного, депутата ВС Украины Михаила Горыня, редактор журнала «Форум» взял по телефону сразу после окончания второго тура выборов в Верховный Совет УССР.

Иван Драч

ЕВРОПЕ НУЖНА СВОБОДНАЯ УКРАИНА

Иван Драч — председатель «Руха», поэт, писатель, кинодраматург, первый секретарь Киевского отделения Союза писателей Украины. 4 марта Иван Драч избран депутатом Верховного Совета Украинской ССР.

Вопрос: Иван Федорович, как вы себе представляете будущее Украины с учетом всего происходящего в стране и мире?

Ответ: Я не принадлежу к тем наивным людям, которые считают, что сегодня можно принять какой-то определенной группе людей или, допустим, даже всем народам — украинцам, русским, евреям, живущим на Украине, всему конгломерату народов, — решение об отделении и вот уже существует независимая, свободная, суверенная Украина. Я думаю, что все гораздо сложнее, и для всех нас будущее связано с событиями не только Литвы и Баку, но и другими событиями, которые сейчас происходят в мире. Я думаю, что все республики идут к самостоятельности, к независимости и к суверенности. И если возможен

будет союз государств, то этот союз возможен будет только тогда, когда будут самостоятельными, независимыми и суверенными прежде всего Россия, Белоруссия, Украина, ну и, может быть, Узбекистан, т. е. какие-то главные составные этого непостижимого имперского конгломерата, что именуется сейчас Советским Союзом.

Но каким образом прийти к независимости, самостоятельности, суверенности Украины? Я думаю, что здесь будет довольно сложный набор всяческих механизмов. Трудно себе представить, чтобы Украина могла жить без Белоруссии, России, без той же Грузии, без той же Польши, Чехословакии, Румынии и т. д. Все это естественно, и мы должны стремиться к тому, чтобы как можно более самостоятельной была каждая из этих республик. Мы будем добиваться всеми силами, чтобы была самостоятельной прежде всего Россия. На Украине много как раз тех сил, что готовы будут бороться за самостоятельность Украины только после того, когда Россия не то что позволит отделиться, а когда она оттолкнет ту же Украину к ее самостоятельности. Настолько этот «хохлацкий» синдром жив во многих представителях моего племени! Я так считаю, так думаю.

И еще один вопрос. Для нас очень важно существование Украины среди блока народов и государств, которые когда-то принадлежали к так называемой Речи Посполитой. Я имею в виду поляков, белорусов и украинцев. Мы недавно говорили с руководителями «Саюдиса» и договорились о воссоздании «Литовского статута» как основы для контактов между тремя народами — литовцами, белорусами и украинцами. Разговор с «Солидарностью» у нас еще не происходил, но я думаю, что такой разговор возможен. Это будет и «Литовский статут» как основа определенного блока народов, и журнал «Литовский статут», который будет пропагандировать в Советском Союзе все достижения современной политической мысли Литвы и те исторические ценности, которые были в опыте существования наших народов. Для нас это очень дорого.

Нельзя забывать о том, что все-таки на Украине

географический центр Европы, и Украину отделить от Европы невозможно. А потом, и для той же Польши, и для той же новой Румынии, которая только формируется, и для Чехословакии и т. д. — для них Украина просто необходима. Если представить себе, что Украина останется в положении колонии, как сейчас, то это будет чревато очень тяжелыми последствиями для каждого из наших ближайших соседей. Потому создание свободной, независимой, суверенной Украины необходимо для всех в европейском доме, особенно в восточноевропейской части этого дома. И думать о том, что Украина будет только атомным саркофагом или атомным кладбищем этого европейского дома или будет каким-то колониальным придатком империи — это и кощунственно, и просто невообразимо.

Вопрос: Сейчас Горбачев предлагает *федерацию* на основе широкой автономии республик, но тут же прозвучала мысль Эдуарда Шеварднадзе и первого секретаря ЦК КП Молдавской республики Петре Лучинского о том, что в данный момент было бы разумно превращение СССР в *союз государств*, т. е. в *конфедерацию* на основе нового союзного договора. Республики будут самостоятельны почти полностью, и они сами должны обусловить, какие и на каких основаниях функции передадут центру. Ваше мнение?

Ответ: Если говорить о том, что возможна федерация, то, конечно, конфедерация здесь предпочтительнее. Но есть прекрасное слово «союз», которое в какой-то мере объемлет и понятие федерации, и в какой-то мере, понятие конфедерации. Я думаю, что об этом слове не надо забывать.

Дело в том, что протест против колониального господства, против имперского центра настолько мощный и настолько разрастается во всех республиках, и потому, я думаю, союз в каких-то размерах и в каких-то рамках все-таки возможен будет. Но только после того, когда эта независимость и суверенность уже будет достигнута в каждой из его составных частей.

Вопрос: Какую позицию нужно занять по отношению к русскоязычному населению Украины? Как предотвратить

возникновение «Интерфронта» и каким образом неукраинское население республики могло бы активно включиться в движение за суверенитет Украины? Почему им это может быть интересно?

Ответ: В своих выступлениях предвыборных я говорил о том, что русские на Украине должны жить лучше, чем они живут в Москве, Ленинграде и Нью-Йорке. Для нас важно, чтобы здесь был развит прекрасный русский театр, прекрасное русское кино, прекрасные русские журналы, газеты и так далее, чтобы они были на более высоком уровне, чем в Москве и в Ленинграде. Тогда и сила будет, тогда та же русская культура и еврейская культура, и польская культура будут подхлестывать украинскую культуру, чтобы она вышла на уровень передовых европейских культур.

Вопрос: Но пока что Украина — провинция. И это для всех неприятно и неудобно быть провинциалами, быть второстепенными. А как только Украина станет самостоятельным европейским государством, то все меняется. И любая, даже малая, культура будет первична. И, видимо, экономически это будет намного интереснее. Как вы считаете?

Ответ: Я думаю, что это будет подхлестывать и Украину. Чтобы она равнялась на передовые культуры. Хорошо было бы (и мы пытаемся бороться за это), чтобы, например, в Киеве были центры культуры — центр польской культуры, центр японской культуры, центр итальянской культуры. И чтобы Киев стал интересным культурным центром Европы, а не был бы какой-то там отдаленной провинцией, неизвестной для многих: «Где это она, Украина? Где-то посредине Сибири или же где-то в Экваториальной Африке?»

Вопрос: Коммунистическая партия отказывается сейчас от монополии на власть, открыта возможность формирования политических партий. Каким вы видите свое место в этом процессе?

Ответ: Я свое место вижу в «Рухе». Даже при том, что

будут существовать партии, «Рух» все-таки должен быть. И он во многом сможет оказать какое-то корректирующее влияние на разные партии.

А то, что многопартийная система уже приближается на Украине, — это естественно. У нас есть тенденции, которые ведут к созданию украинской самостоятельной коммунистической партии, типа литовской компартии Бразаускаса, хотя здесь, наверное, будет соотношение обратное тому, что в Литве. Наверное, лишь меньшинство коммунистов будет стоять на позициях украинской самостоятельной коммунистической партии, а большинство, может быть преобладающее, останется на позициях КПСС.

Наверное, партии будут формироваться из состава «Руха», из состава компартии. Будет социал-демократия, естественно, а также партия типа «зеленых», крестьянская партия, которая бы заботилась о селе.

Вопрос: В чем причины, с одной стороны, нетерпимости в обществе, а с другой стороны, его аморфности, бездеятельности?

Ответ: Здесь много причин. Эта бацилла покорности какой-то, неучастия в общественных делах, наверное, заложена уже в самом типе «гомо советикус», который долго считал, что за него думает коммунистическая партия, за него думает вождь. Тут надо просто делать вид, что работаешь, и красть, что можно украсть, и как-то жить, и как-то стараться, чтобы дети твои жили нормально, и... лишь бы не было войны.

С неба звездочка упала
Прямо милому в штаны,
Пусть бы все там разорвало,
Лишь бы не было войны.

Наверное, знаете эту прекрасную позицию советского человека, советской женщины. По-моему, она отлично выражена в этой частушке. Я думаю, что многое зависит от этого.

Потом неверие — неверие в демократические силы и тенденции. И еще срабатывает все-таки пропаганда, срабатывает вся пропагандистская система: газеты, телеви-

дение, радио. Например, «Рух» обвиняют в национализме, обвиняют в бандеровщине, петлюровщине. А это связано со стереотипами в сознании человека, с погромами, с кровью, с резаниной и так далее.

А с другой стороны, в том же «Рухе» есть определенные силы, которые считают, что важнее всего помахать знаменами. Они думают, что таким образом могут зажечь небеса этими сине-желтыми знаменами. Небеса, увы, не зажигаются, с небес идут жуткие наши дожди, которые падают на наши головы, на наши леса... Они несут нам радиацию.

И наверное, важнейшая наша задача — это конкретная, многослойная, многотерпеливая работа. Знамена — это хорошо, мы это поддерживаем и, когда надо, встаем под эти знамена. Например, массовой была акция соединения западной части Украины с восточной частью Украины. Но на этом далеко не кончается работа «Руха».

Февраль, 1990

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕСТИ

Мы, граждане Украины, бывшие члены КПСС, заявляем, что наш разрыв с партией как с механизмом тоталитарной власти, виновной в создании антигуманного общества, где реставрированы с некоторой модификацией государственные основы российской империи, обусловлен осознанием того, что процесс перестройки оставил этот механизм нетронутым. История КПСС насыщена фактами политического террора, демагогии и лицемерия. Республиканские органы партии были организаторами и исполнителями запланированного геноцида украинской нации 1932-33 гг. Под руководством партийных идеологов проводилась жестокая политика русификации, лишения народа основ духовности, разрушения исторического наследия, уничтожения интеллекта Украины.

В результате деятельности КПСС идея социализма дискредитирована и извращена. Теория, которая освящала унитаризм во всех сферах человеческого бытия, монополию государственной собственности на основные средства производства, одной партии в политической жизни, одной идеологии в обществе, оказалась нежизнеспособной в контексте прогрессивного развития общественных систем современности. Пророчество Ивана Франко о том, что государство, построенное по рецептам Энгельса, станет тюрьмой страшнее любых полицейских режимов, осуществилось.

Наш шаг не означает пренебрежения к членам партии. Мы сделали его по велению совести, потому что не верим в возможность обновления общества, основой политической системы которого остается КПСС.

Некоторые из нас исключены из партии за инакомыслие без соблюдения уставных требований, что лишний раз подтверждает верность аппарата старым методам, хотя, впрочем, этот акт только убедил нас в своей правоте.

Выйдя из рядов КПСС, мы не изменили общечеловеческим идеалам, напротив — они стали для нас чище и яснее.

Дмитро Павлычко, Иван Драч, Александр Лавринович, Волеслав Гейченко, Павло Гановский, Михайло Земляный, Виталий Волохонович, Виталий Дончик, Михайло Слабошпицкий, Сергей Гречанюк, Юрий Цеков, Владимир Яворивский, Галина Антонюк, Василь Яременко, Владимир Мулява, Мария Влад, Катерина Зеленская, Павло Кислый, Юрий Ильенко, Роман Лубкивский, Виктор Терен, Роман Иванчук.

5 апреля 1990 г.

Виктор Линчевский,
секретарь «Руха» по вопросам внешних связей

О ЗАДАЧАХ «РУХА»

«Рух» как структура работает с сентября 1989 года — после того, как 8-10 сентября состоялся съезд, были избраны рабочие органы.

Перед «Рухом» стоят огромные задачи в той ситуации, что сейчас сложилась в республике и во всей империи. Идет очень важный процесс. Происходит ломка сознания. На смену «гомо советикусу» приходит человек гуманистический, человек европейский в самом лучшем понимании этого слова. 70 лет советская идеология работала над тем, чтобы убить в человеке человеческое, чтобы сделать из него винтик в имперской машине. И есть у империи определенные достижения, у многих людей вытравлено самосознание, задавлена социальная активность, человек политически индифферентен. Мы дошли до такой черты, когда либо мы сумеем резко все поменять, либо обществу грозит катастрофа. Я имею в виду не только нашу имперскую ситуацию, я считаю, что и во всем мире положение не намного лучше. Хотя мы, конечно, являемся эпицентром маразма. И я разделяю точку зрения Рейгана, когда он назвал нашу империю империей зла, — так оно и было. И хотя он после, когда был с визитом в Москве, пытался как-то смягчить это свое высказывание (того требовала конкретная ситуация), но определение это очень объективно отражает то состояние идеологии, то социальное бытие, в котором мы барахтаемся, мы — 290 миллионов советских граждан.

«Рух» — это не политическая партия и поэтому нет у нас каких-то четких программных установок, вернее нет их однозначности. Ведь в «Рух» входят и члены КПСС, и члены УХС, как я, например. Да мы и не ставили перед собой такую задачу — создать партию. Путь создания партии в той

ситуации, которая у нас была в прошлом, позапрошлом году, да и сейчас, — это не самый оптимальный путь. «Рух» и задумывался как структура, которая объединяла бы всех честных людей. И водораздел проходит не по партийной принадлежности, а просто по совести. Мы оцениваем человека как своего или не своего по тому, насколько он проникнут идеей демократических преобразований в государстве. Если человек за демократические преобразования, это наш человек, и мы будем за него голосовать на выборах, потому что мы хотим видеть таких людей в парламенте.

Что может произойти в будущем? Все под лунной не вечно, и, может быть, пройдет небольшое время и «Рух» распадется. Но если он и перестанет существовать, то вовсе не как неоправдавшая себя структура. Просто из «Руха» может выйти одна или несколько партий.

Еще год назад даже видные политические деятели демократического направления очень недоверчиво относились к идее многопартийности, защищали однопартийную систему, мотивируя это тем, что мы, дескать, еще не имели возможности испробовать надлежащим образом все прелести однопартийной системы. Сейчас уже почти все понимают: если и дальше продолжать испытывать возможности однопартийной системы, то это может обернуться еще в 70 лет застоя и 70 лет реакции. Сейчас весь народ приходит к убеждению, что нам нужна многопартийная система. «Рух» поддерживает эту идею и одну из своих задач видит в том, чтобы внедрять эту идею в сознание всего народа. Если нам это удастся, значит мы не зря работаем.

Если говорить о более практических и актуальных вещах, то от того, какой парламент мы избираем, зависит наше социальное бытие на ближайшие пять лет. Мы уже многое потеряли, потому что поздно организовались к предвыборной кампании. Когда мы только начинали думать над вариантами альтернативного проекта закона о выборах, партаппарат уже имел списки своих кандидатов. Более того, партаппарат уже собирал компромат на наших возможных кандидатов. Есть, конечно, причины нашего отставания. Мы пришли в «Рух» с самых разных мест, мы работали на самых

разных работах, мы не профессиональные политики, кое-чего мы не умеем, чего-то не понимаем, в чем-то нам недостает опыта. Но у нас есть твердое убеждение, что то положение дел, которое мы имеем сейчас, надо менять, и есть уверенность, что нам это удастся. Это дает нам силы работать, хотя работаем мы в невероятно трудных условиях. Ту работу, которую у большевиков делают десятки тысяч, у нас выполняют десятки людей. И если у нас есть какие-то успехи, то не потому, что мы так хорошо работаем, а потому, что уж очень сильно народ не любит коммунистическую партию, — вот основной момент, помогающий вести нам агитационную работу. В самом деле, нужна ли лучшая агитация, чем события в Румынии. Я не хочу, чтобы это прозвучало как святотатство, там было много жертв, и никакие жертвы нельзя оправдать большой выгодой. Но это уже случилось, случившегося не изменить. Я хочу сказать, что коммунистическая партия в Румынии показала свое лицо. У нас в империи были аналогичные события — в Тбилиси. Но в средствах массовой информации было много такого, что мешало обычному гражданину понять суть событий. Многие люди думают, что это была какая-то случайность, недоразумение, хотя и понимают, что это — обыкновенный фашизм.

На данном этапе одна из главных задач «Руха» — это предотвращение таких событий, как в Румынии. Работники КГБ и партаппарата постоянно подбрасывают нам работу. Распространяются слухи о якобы готовящихся погромах.

Когда по Киеву прокатились эти слухи, особенно после бакинских событий, руководство «Руха» обратилось к народу с заявлением, чтобы опровергнуть всякие слухи и антисемитские заявления. Секретариат «Руха» выпустил листовку. Мы сделали ее тиражем в 15 тысяч экземпляров, и она разошлась в два дня. Люди доверяют нам, люди черпают из наших листовок, из наших заявлений надежду стабильности. Сейчас, когда «Рух» выступил с двумя заявлениями, ситуация стала спокойнее, но нам предстоит еще много работать, потому что аппарат не спит.

На Украине были попытки создать «Интерфронт» — они провалились. Позиция «Руха» по отношению к русскоязычному населению Украины четко зафиксирована в наших программных документах. Мы считаем, что все народы, а их более сорока на Украине, должны иметь нормальные условия для культурного развития. Должны иметь свои школы, театры, должны чувствовать себя уверенно, не должны чувствовать никакого национального ущемления. Мы, украинцы, очень хорошо знаем, что это такое, — мы триста лет живем под колониальным гнетом и поэтому мы не хотим быть колонизаторами. Это декларировано в наших документах, это мы утверждаем каждым днем своей деятельности.

Что касается будущего государственного статуса Украины и ее отношения к СССР, то еще полгода назад, когда «Рух» работал над своими программными документами, больше всего муссировался вопрос о федерации. И было много сторонников федерации, но были и сторонники конфедерации. Мне же кажется, что только через независимость лежит путь к демократии. Существующий союз, существующая структура фальшива, она неправильно создана. Лучше разъединиться и дать каждой республике стать на ноги и в политическом, и в экономическом смысле, а потом уже можно будет говорить о каких-то образованиях, о союзе государств. Но надо, чтобы у нас были не колонии, а государства. Для того, чтобы Украина сформировалась как государство ей нужна независимость. А культурные, экономические связи, проникновения ничего хорошего Украине не приносили — только вред. Что касается конфедерации, то, по-моему, мир не знает ни одного удачного примера конфедерации. Я не хочу сказать, что не надо искать, — надо, все может быть, но в конфедерацию ведь входят государства, а Украине, да и не только Украине, надо еще стать государством (Украина таковым является только на бумаге) и только потом уже думать, в какие структуры объединяться с другими братскими народами, братскими республиками, с другими братскими государствами.

Свою главную задачу «Рух» видит в том, чтобы будить народ. 21 января этого года мы проводили живую цепь воссоединения. И надо сказать, что мы, организаторы, даже те из нас, кто был оптимистом (а были и пессимисты, которые говорили, что из этой затеи ничего не выйдет), не думали, что это будет так грандиозно. Это был праздник для всего народа. Это была первая акция, когда на площади вышла не только политизированная передовая часть общества, а вышел средний гражданин — тот, что всю жизнь держался в тени, вдали от политики. И в этом наша победа.

Февраль, 1990 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ УКРАИНЫ

Еще не высохли слезы Чернобыля, а в наш дом вошла новая беда — Сумгаит. Еще не оплакали мы жертв землетрясения в Армении, как постигли нас новые несчастья — трагедии Тбилиси, Ферганы. Мы понимаем социальную неоднозначность этих трагических событий, понимаем и то, что спрятанную пружину межнациональных конфликтов следует искать не на границах наших братских республик.

У нас нет иллюзий и относительно того, кому выгодно посеять национальный разброд, кто боится нашего единства, единства народов как гарантии демократического переустройства общества.

В то время, когда политические черносотенцы «в штатском» расклеивают по городам Украины листовки антиеврейского, антиармянского и антиазербайджанского содержания, распространяют слухи о том, что будто бы «Рух» готовит погромы, работники милиции выгоняют с киевских базаров продавцов — граждан Закавказья, а идеологи этих акций пугают доверчивого гражданина «экстремизмом» и «национализмом» ненавистного им «Руха».

Не скрываем, да, «Рух» является противником тех сил, которые сегодня контролируют политическую ситуацию в стране, сил, которые пытаются жить по законам вчерашнего дня.

Но мы выступаем за открытую парламентскую борьбу без подтасовок, инсинуаций и провокаций.

Мы категорически заявляем о непричастности «Руха» к любым акциям, сеящим межнациональное недоверие.

В этот драматичный период нашего существования «Рух» снова и снова осуждает действия, направленные на нагнетание межнациональной напряженности. Об этом

свидетельствуют наши программные документы, это подтверждаем мы своей практической деятельностью.

Мы, как и весь наш утомленный, измученный народ, — за стабильность, за межнациональное согласие, за мир и единство! Иного пути нет.

Председатель «Руха»

Иван Драч

Зам. председателя «Руха»,
народный депутат СССР

Владимир Яворивский

Председатель Секретариата

Михайло Горынь

Юрий Щербак

СТРОИТЬ, А НЕ УНИЧТОЖАТЬ

Юрий Щербак — писатель, народный депутат СССР, лидер ассоциации «Зеленый мир».

О логике происходящего.

История вообще логики не имеет. Есть такая интеллектуальная игра рационалистов — они думают, что во всем есть логика и страшно удивляются, когда действие развивается не го их усмотрению. Я боюсь, что и перестройка не имеет логики. Более того (еще древние знали, что в каждом добром деле сидит дьявол), дьяволы сейчас обступают Горбачева буквально со всех сторон. А ведь его начинания искренни, и он рассчитывал, что все будет хорошо. И то, что была начата борьба с алкоголизмом, и то, что стала развиваться гласность, и попытка создания правового государства, и демократические выборы... Каждое из этих начинаний было искажено, и какой-то дьявол, находящийся рядом, превращал каждое доброе дело в его отрицание. Если говорить о диалектике — это и есть пример отрицания. Но в нашей стране эта диалектика слишком дьявольская, потому что добрые начинания при всех условиях должны приводить к добрым результатам, а здесь, что ни начинание (например, попытка кооперативов оживить экономику, когда все уже увидели первые результаты: скажем, уютные семейные кафе), то все сплошь извращается. Борьба с алкоголизмом при помощи дураков, сидящих на

низовом уровне, превратилась в борьбу с виноградниками и т. п. Иными словами, прямой логики здесь быть не может — мы в каком-то потоке. Не знаю, чем это все закончится, не знаю, куда нас занесет. Убежден, что Ленин не знал в 1917 году, куда унесет этот поток, не мог представить логику 1920 года или 1921-го. Он бы страшно удивился, если бы ему тогда сказали, что будет, к примеру, восстание в Кронштадте. Он всего этого не знал. Нам только кажется, что мы управляем потоком истории.

М. С. Горбачев, конечно, вошел в историю, но все равно, мне кажется, есть какая-то сила, определяющая логику нынешнего процесса. Это слагаемое миллионов различных факторов, каких-то случайностей, алогизмов. Все вместе это и есть история. Потом уже приходят историки, начинают проводить логические линии: вот, мол, была такая-то расстановка сил. Если историки — марксисты, то они начинают их исследовать. В общих словах можно заключить: если не будет благосостояния (а его не видно на нашем горизонте), то социально-политическая обстановка будет ухудшаться. В общих чертах это можно предсказать, но предвидеть реальный ход событий никак нельзя.

Горбачев — очень талантливый политик, но приведу такую метафору: два человека садятся играть в шахматы, один уже знает теорию, знает элегантные комбинации, а его партнер только и умеет играть «в Чапаева», и он щелчками сбивает фигуры, — ничего из этой игры не выйдет. Горбачев — прирожденный политик, живи он на Западе, ему бы цены не было. Он вполне мог бы стать президентом США, и был бы великим президентом. Здесь же он опирается на партию, которая на мифологии, на лжи держалась. Этот огромный аппарат, не знавший настроений народа, просто поражает. Ведь для аппаратчиков мартовские выборы прошлого года были шоком, холодным душем. Горбачев опирается на этот аппарат, лавируя между различными его группами. С другой стороны, он и с левыми, с Межрегиональной депутатской группой поддерживает какие-то отношения, выполняет какие-то их положения, в чем-то идет им навстречу. В отношениях с Сахаровым он был достаточно гибким. Но реальной ситуации он все-таки не понимал и потому не

всегда принимал правильные решения. Потому что опирался на силу, которая уже и силой-то не была.

Несчастье еще и в том, что нет доверия к власти, нет веры в ее справедливость. Это надо признать. Процесс эрозии власти и, соответственно, потери доверия к ней приводит к тому, что люди не верят уже милиционеру, не верят, что он защитит справедливость, не верят, что райисполком справедливо распределяет квартиры. И они перестают уважать закон. Это страшная ситуация. Страна постепенно потеряла уважение к власти, доверие к идейным, политическим, юридическим основаниям ее 77-летнего правления и в то же время не обрела каких-то новых основ. Это вакуум власти.

Теперь Горбачев при всем своем желании уже не сможет пойти на прямой союз, скажем, с «Рухом». Его крупная ошибка, на мой взгляд, в том, что в свое время ему нужно было опереться на новые народные движения и в Армении, и в Азербайджане, а он этого не сделал. Я не знаю во всех тонкостях ситуацию в этих странах, но во всяком случае, опора на устаревший партийный аппарат до добра не доводит. А аппарат, конечно, вводит в заблуждение, создает иллюзии. Я прекрасно психологически понимаю, как все происходит — человек приходит в удобное здание райкома или горкома, или ЦК партии, он заходит в кабинет, где в трудах и заботах секретари и его помощники, звонят телефоны, — аппарат этот работает. И создается впечатление, что этой отлаженной машиной можно управлять. Но это не так, она уже не управляема.

Что надо делать на Украине?

Трудно сейчас представить, как будет выглядеть общедемократическое движение. Много сложностей на Украине замешано на национальных мотивах. Есть уже барьеры национальные. Т. е., человек, который говорит по-украински, который жил украинской культурой, историей, что называется «свідомий українець», — он уже самоопределился в «Рухе», он себя прекрасно чувствует в западных областях Украины. Я только что возвратился из Ивано-Франковской

области и я очень органично там себя чувствовал — не было этого неестественного двуязычия. Там я говорил только по-украински и это было прекрасно. Я видел, что народ на Западной Украине самоопределился, они были под синезелеными знаменами, они кричали — «слава Украине и героям слава!». И я представляю себе такую ситуацию, такой митинг, предположим, в Донецке — тут уже будет все по-другому. У меня возникает вопрос, как соединить столь разные вещи? Хотя есть люди, которые хотят это сделать, они есть и в украинском движении, и в русскоязычном движении, их объединяют общедемократические позиции. Но как их совместить и может ли возникнуть общая платформа? Этого я не знаю.

Я сейчас делаю попытку создать партию «зеленых» Украины, но это тоже только начало и нельзя предсказать ее судьбу. Во всех возникающих партиях начинается сразу же яростная борьба за власть и это неминуемо; видимо, это логика всех движений. Лично меня это не волнует, я не собираюсь драться ни за какую власть. Но я попытаюсь собрать человек десять народных депутатов, поддерживающих идею создания партии «зеленых». Обязательно надо будет сбалансировать состав — должны быть депутаты из Восточной Украины, Западной, Центральной — из Одессы, допустим, из Киева, из Харькова, Днепропетровска, Донецка. Может быть, это удастся сделать, потому что и на Восточной и на Западной Украине очень привлекательны идеи «зеленых». Но как знать, насколько мощным будет это движение в политическом смысле. Опыт Запада показывает, что больше 15-20% голосов избирателей «зеленые», как правило, не получают, а в ФРГ сначала было менее 5% голосов.

Но очень важно, что компартия отказалась от монополии на власть и согласилась с «крамольной» идеей многопартийности. И сейчас очень важно создать на Украине предпосылки функционирования многопартийной системы. Мы не знаем, как это сделать. Вот так же мы открываем «железный занавес» и не знаем, с какими проблемами столкнемся при этом, мы не знаем, как открыть

страну. Так же мы не знаем, как перевести страну на рельсы многопартийности. Мы не можем перевести страну на рельсы многоукладной экономики. Это очень трудно сделать — все было железно запрограммировано в этом сталинском социалистическом мире.

В восточноевропейских (они себя называют центрально-европейскими) странах появляется огромное количество партий, а на Западе такая пестрота уже пройденный этап. Там есть две-три устоявшиеся партии. Ведь это же очень дорогое дело и сложное. А у нас пока не понятно, никто не знает реальной силы новообразованной партии. Компартия на наших глазах постепенно распадается, в пределах этой партии люди стоят на разных позициях.

Я выступал на митинге и говорил о создании партии «зеленых», вы не можете себе представить, какая была реакция народа. Восторженная. Люди кричали «Слава!». Это было в Станиславе. Я себе представляю, что такая же реакция могла бы быть и в Донецке, и в Днепропетровске. Но удастся ли создать реальную политическую силу — это трудно сказать. Поэтому нам придется идти путем проб и ошибок.

Ирония судьбы, что мне пришлось быть кандидатом в депутаты в одном избирательном округе с Левком Лукьяненко — руководителем Украинского хельсинкского союза. Он однозначно стоит на позициях немедленного отделения и прямо об этом говорит. Это встречается с неопишуемым восторгом и энтузиазмом на Западной Украине. А как воспринимала бы это Восточная Украина — мне трудно сказать. Я выступал с Лукьяненко в одном диспуте (скорее — турнире), и нам задавали один и тот же вопрос. Он отвечает — овация, я отвечаю — тоже овация.

Я убежден в том, что сейчас нужно говорить об Украине как о государстве. Если мы этого не добьемся, Украина погибнет. Конечно, можно на любой площади организовать эффектное зрелище, можно собрать два миллиона людей и прочитать универсал или декрет об отделении Украины. Но потом придется сесть и думать о том, что же делать дальше. Сколько вырабатывает Украина электроэнергии, сколько

получает газа, нефти? Сегодня наша экономика абсурдна. В принципе свободный рынок может исправить положение. Но чем Украина начнет торговать? Когда она была аграрной, она торговала зерном, сельскохозяйственными продуктами. Сейчас она производит 55% всей железной руды в СССР. Идут эшелоны в Польшу, Чехословакию, но и во внутренние регионы Союза. Цены на сырье, очевидно, установлены несправедливые, и Украина ежегодно должна различным республикам 6 миллиардов рублей, потому что продукция, поступающая на Украину (автомобили, станки, приборы), стоит дороже сырья. При запущенном состоянии нашей промышленности трудно предположить, что Украина сейчас могла бы конкурировать на уровне мировых цен. Мы должны прямо об этом говорить, открыто спрашивать о том, будет ли кто-либо нам дарить деньги или нефть.

Республиканский депутатский клуб Украины обсуждал проблему: что сегодня самое важное для решения политических проблем? И мы пришли к выводу, что самое важное — реформирование Союза. Каким должен быть Союз? Мы подготовили политическую резолюцию о судьбе Союза. В ней несколько постулатов.

Во-первых: каждый народ имеет право на самоопределение, вплоть до отделения и утверждения своего суверенитета в приемлемой для народа форме.

Во-вторых: добровольный характер Союза.

Третье: каждое государство (республика) должно само определять, какие полномочия оно делегирует союзным органам.

Четвертое: принцип консенсуса, без которого нельзя создать Союз добровольно.

Пятое: новое политическое мышление.

И еще один, лично для меня очень важный принцип: Украина должна быть неотъемлемой частью Европы. И в европейском общем доме она должна занять достойное место, а не быть закрытой ото всех комнатой.

В резолюции содержится требование уже в 1990 году подготовить новый союзный договор.

На третью сессию Верховного Совета СССР наши депутаты приехали с так называемых «парламентских

каникул» злыми, неудовлетворенными, с обострившимся чувством горечи (страна уже горела — в Баку шли бои) и решительно заявили: давайте немедленно обсуждать самый принципиальный вопрос — вопрос о федерации. Горбачев тогда согласился: да, будем обсуждать.

Союз — это хорошее слово. Ни федерация, ни конфедерация ничего не решают — Швейцарская конфедерация, хотя и блестящее государство, но гораздо более единое, чем Советский, единый и неделимый, Союз. Разговор о федерации или конфедерации — схоластика. Я бы употреблял слово: Союз государств.

Латыши говорят: мы сами создадим свою конституцию, нужен лишь союзный договор. Мы работаем в Верховном Совете СССР, разрабатываем новые законы для Союза, а прибалты говорят: «Какое вы имеете право за нас решать?» Мы все-таки исходим из того, что очень уж неравномерно идут процессы демократизации в республиках. Если прибалтийцы оторвались от нас на три корпуса вперед, то некоторые азиатские республики еще далеки от нашего уровня. Какой-то средний уровень демократии, видимо, нужен, и принятие во всесоюзном масштабе какого-то закона определяет уровень, ниже которого республики не могут опуститься. Хотя в принципе я согласен: нужен только союзный договор, я все же считаю, что бесполезно принимать какие-то всесоюзные демократические законы — ну, скажем, закон о печати. Мы создаем совершенно новое образование, и балтийский снобизм мне не нравится.

О движении «зеленых»

Наше движение «Зеленый мир» началось в конце 1987 года. Тогда очень небольшая группа писателей, ученых, общественных деятелей Украины (всего 20-25 человек) пришла к выводу, что экологические проблемы на Украине достигли уже такого критически опасного уровня, когда молчать уже невозможно. В организации движения сыграли большую роль ученые из института Госплана республики, который называется Советом производительных сил Украины. Они располагали достоверной информацией, — для

большинства эта информация была недоступной. И это была инициатива этой группы, которую мы поддержали. Получилось так: их знания и наша возможность быть рупором с выходом на массовые каналы. Слово писателей и авторитет ученых все это объединили. Массовое осознание грозящей опасности, конечно, появилось после Чернобыля. Не сразу это пришло. Сначала был шок 1986 года — была боль, был страх, но осознание причин пришло позже, где-то через год. Люди стали понимать, что с ними произошло не только что-то страшное и непостижимое, но и недопустимое. Тут и возник «Зеленый мир». Олесь Гончар решительно стал на нашу сторону. Он предоставил нам помещение от Комитета защиты мира, и аппарат этого движения стал нам помогать. Нас в чем только не обвиняли: и экстремисты, мол, мы, и демагоги, крикуны — все было. Я считаю, что нужны и крикуны, и экстремисты — люди должны где-то выражать свои эмоции. Такие люди есть во всяком движении, есть они и у нас, но не это главное. Главное — были люди достаточно информированные, были ответственные ученые, были честные и хорошие люди. Движение работает на основе принципа ассоциации: никто никому ничего не навязывает, никаких догм, никакой централистской политики. Единственно — координационный центр в Киеве и региональные организации. Удобно.

Нас стали признавать. Достаточно было написать, что кто-то хочет войти в «Зеленый мир» и признает нашу программу, и их принимали. Потом уже сложился коллектив активистов — людей, что более глубоко занялись экологическими проблемами. Конечно, нас всех сплотил Чернобыль. Мы провели целый ряд очень серьезных конференций по Чернобылю. Были и конференции научные, конференции на уровне митингов протеста. В 1988 году мы начали создавать организации во многих областях Украины. У всех назрели проблемы экологические, всем было больно за свой родной край. И люди шли к нам. В прошлом году мы уже были зарегистрированы в качестве официальной организации.

Мы не столь политизированы, как, скажем, «Рух». Так и должно быть у «зеленых». Но все-таки и экологическое

движение имеет политическую основу. Экология в нашей стране превратилась в политику. Избирательная кампания сыграла большую роль в формировании нашего движения и нашего понимания того, кто мы есть и кем мы хотим быть. Все время мы натыкались на политику. К примеру, нельзя решить какую-либо проблему с заводом, если этот завод всесоюзного подчинения. Поэтому в нашем движении все сильнее стала выявляться струя политическая.

Осенью прошлого года состоялся наш первый съезд. Было 350 делегатов со всех областей Украины, были представители «зеленых» из Голландии, ФРГ, Чехословакии. У нас уже к этому времени установились интересные отношения с разными международными организациями и с «зелеными» движениями разных стран. Мы приняли очень серьезную программу и устав. Двенадцатый пункт этой программы гласит: немедленно приступить к созданию партии «зеленых» на Украине. Пока эта идея пользуется поддержкой.

О возможности перемен

Боюсь, что сейчас патовая ситуация. Судя по тому, что происходит в восточных республиках, можно говорить о яростно непримиримом отношении ко всем коммунистам, а это неправильно. Хотя бы потому, что милиция, армия и прочие чиновники в большинстве своем — члены партии, и они, быть может, и плохие, но все же профессионалы. Работники горисполкома, хоть и плохо работают, но как-то в проблемах города разбираются. Это дикий принцип — взять все уничтожить и набрать новых людей.

По-моему, возможна все же демократизация компартии, но я боюсь, что настроения сейчас настолько радикально антипартийные, что эта волна может вообще все снести. Я очень бы не хотел разгула толпы, черни (в политическом смысле черни, а не в социальном), которая способна лишь безумствовать и сводить личные счеты. Почему я стал поддерживать Ивана Салия, хотя меня за это проклинают и я получаю оплеухи и справа, и слева? Потому что я считаю, что в партии есть здоровые силы, которые нужно поддерживать. В сущности они эту партию не

создавали, они были где-то пятым поколением. Нужно быть реалистом: если мы хотим перестроить эту страну, а не перестрелять опять несколько миллионов человек, мы должны поддерживать тех, кто готов перейти на демократические позиции. Нельзя относиться отрицательно ко всем, кто в аппарате, без учета их деловых качеств. Это смешно, совершенно новый аппарат из новых людей — это ленинский принцип. Когда неграмотный матрос приходит командовать министерством финансов. Мы уже проделали этот чудовищный путь, зачем же ошибки повторять. В каждой структуре есть хорошие специалисты умеренных взглядов. Нужно быть прагматиками. Если в министерстве здравоохранения есть хороший врач, то что мне до того, есть ли у него партийный билет. Нужна деидеологизация. Министерство здравоохранения должно играть свою прямую роль, а есть ли там члены партии или нет — это не имеет значения.

Может быть, еще не поздно попытаться объединить все прогрессивные силы в партии и госаппарате с прогрессивными силами вне его? Но я не уверен, что те и другие готовы пойти на это. Возможно, нужен комитет национального спасения, возможно, гражданский форум.

Трагедия Украины (и загадка для меня) в том, что нет организованного рабочего движения и независимых профсоюзов. Все раскололись по группам, движениям. Сейчас нужны неординарные решения. Сейчас воюют с обкомами. Валят первого секретаря, на его место приходит другой человек, но его деловые качества никому неизвестны. А время истекает.

Мой почти годичный опыт работы в парламенте убедил меня в том, что Горбачев и Лукьянов совершили большую ошибку, втянув нас в «демократические игры». Мы, как настоящий парламент, рассматривали поправки к параграфам, а надо было решать проблемы федерации и передачи власти государственным структурам. Этот путь гениально, на ход вперед, предвидел А. Д. Сахаров. А так, год прошел и не принят ни один важный закон, не закреплен ни один фундаментальный принцип, и власть государственная, власть Советов, до сих пор не укрепились.

Февраль, 1990.

Мыкола Горбаль

НЕЗАВИСИМОСТЬ — СВЯТОЕ ДЕЛО

Мыкола Горбаль — член руководства Украинского хельсинкского сообщества и «Руха», поэт, музыкант, правозащитник, бывший политзаключенный

То, что перестройка уже дала результаты, — бесспорно. На глазах меняются политические структуры Восточной Европы. Резко меняется политический климат в Советском Союзе. Уже для большинства стало очевидным, что СССР — это ни что иное, как огромная колониальная империя.

Власть имущие, что начали перестройку, желали оживить экономику, сделать СССР богатой и сильной державой, но оказалось, что это невозможно сделать без раскрепощения труда и мысли. Появилось куцее понятие «гласность». Но даже она дала возможность выявить столько болячек и проблем, к решению которых не только консервативное правительство, но и сам Горбачев не готовы.

Ни правительство, ни Горбачев никак не хотят развала империи. Трудно предвидеть, как будут развиваться события в дальнейшем, но ясно одно: так, как было раньше, уже не будет.

Украинское хельсинкское сообщество, к которому я

принадлежу, делает все возможное, чтобы процесс развивался в направлении демократизации, без каких бы то ни было катаклизмов и насилия.

Что касается самоопределения Украины, то она до тех пор не сможет сформироваться как европейское государство, пока не станет независимой. Готова ли Украина к независимости? Уместнее было бы спросить: готова ли Москва к независимости Украины? Ведь понятно, что на сегодняшний день судьба Украины решается не на Украине. Есть огромные силы, не заинтересованные в отделении Украины в самостоятельное государство. Но и на самой Украине силы, стоящие не на стороне народа республики, а на стороне центра, тоже очень весомы. Всё, в конечном счете, будет решать уровень гражданского сознания всех тех людей, для кого Украина стала родиной, — и русских, и евреев, и поляков, и др. Все должны осознать: от того, что Украина станет независимым государством, всем нам станет лучше. Мы станем хозяевами в собственном доме. Сейчас мы — колония, и нас неслыханно обдирают. Независимое государство — святое дело, этого следует добиваться. А какие пути ведут к этой цели — экономическая независимость сначала, федерация, конфедерация и т. д. и т. п. — это уже дело тактики.

Русскоязычное население, если хочет быть богатым и свободным, должно идти следом за сознательным украинством в процесс создания независимого украинского государства. Объединив усилия, мы приблизим день независимости. И среди русских, и среди евреев, живущих на Украине, слава Богу, достаточно людей разделяющих мое мнение и надеюсь их будет с каждым днем все больше. А «Интерфронт» на Украине может состоять только из откровенных сталинистов, а их не так уж и мало. На эту категорию людей не действуют факты, они не признают демократических структур. Ситуация на Украине отличается от той, что есть в Молдавии, Прибалтике. Это объясняется хотя бы близостью украинского и русского языков — русским не представляет большого труда перейти на украинский. Обычно трудности возникают на почве неприятия закона о языке народа, на территории, которого

они живут. Так было и в Молдавии. Это объединяет все русскоязычное население (обычно это и русские, и украинцы, и кавказские народы, и среднеазиаты — они объединяются на почве языковой проблемы). На Украине же ситуация, как я уже говорил, несколько иная, здесь в «Интерфронт» пойдут только сталинисты. Большинство этих людей из аппарата и из КГБ. Но и среди партийных, и среди кагебистов есть уже тенденции к размежеванию, к расколу. И будем надеяться, что им не удастся создать «Интерфронт», хотя им очень хотелось бы противопоставить «Интерфронт» стремлению республик к независимости. «Интерфронт» — это сила чисто имперская, такого открытого явления на Украине нет, есть только тенденция к его появлению. И нам не так опасен «Интерфронт», как появление очагов «Памяти».

Работа «Руха» проходит по всем направлениям, ведущим к консолидации всех демократических сил. Об этом свидетельствует и то, что неделю тому собирался комитет межнационального единства (Рада наций), и все те акции, что проводит «Рух», направлены на объединение всех демократических сил.

Что касается компартии, то отмена статьи 6-ой в конституции свидетельствует о том, что партия эта видит невозможность сохранения своей монополии на власть. Однопартийная система не только себя не оправдывает, она просто себя компрометирует. Коммунистическая партия должна поступиться властью. Теперь, безусловно, появятся разные партии. На Украине есть пока только одна такая действующая объединенная сила — это Украинское хельсинкское сообщество. Я считаю, что это вполне уже состоявшаяся партия, только мы себя так еще не называем, потому что само слово «партия» вызывает аллергию. Как бы то ни было, я думаю, что скоро появятся новые партии.

У нас в УХС еще не было учредительного съезда, и та программа, по которой мы действуем, — это декларация принципов, это временный документ, действующий до учредительного съезда, который мы проведем после выборов. Сначала мы проведем теоретическую конференцию, а затем и наш съезд. Я думаю, что из правозащитной организации мы превратимся в политическую партию. Я не

знаю, как мы будем себя называть, но знаю, что в названии должно быть слово «демократия», «демократический».

Мы уже и сейчас вышли за рамки хельсинкской организации и потому не можем войти в Хельсинкскую федерацию. Наша деятельность много шире, чем только деятельность по защите прав человека. Мы перешли от защиты прав человека к защите прав нации. Мы понимаем, что не может быть прав нации без соблюдения прав отдельного человека. Но есть проблемы, которые надо уже решать парламентским путем, и это уже задача партии.

Мы привыкли думать, что только партии могут иметь власть. Но есть такая сила, которая готова прийти, в случае необходимости, на смену компартии. Сила эта потом, может быть, будет формироваться из каких-то партий, объединенных вокруг каких-то платформ. Сила эта — народный парламент, кто бы его сейчас не представлял. Если бы мы имели сейчас действительно демократические выборы, если бы не было давления, не было фальсификаций в предвыборных комиссиях и действительно народ мог выдвинуть своих представителей, — это был бы довольно действенный законодательный орган, который мог бы удержать власть в своих руках. Это то, что когда-то задумали большевики, — власть Советов. И власть должна быть у Советов.

Я отношусь положительно к тем силам в компартии, которые готовы принять новую демократическую платформу партии, но дело в том, что среди русской интеллигенции понятие демократии часто начинает искажаться, когда речь идет о том, что России надо чем-то поступиться. Россию они часто отождествляют с СССР. И было уже не раз, когда прекрасные люди с демократическими взглядами, как только речь заходит о распаде империи, начинают думать совсем по-другому. Я не знаю, как будет думать завтра тот же Ельцин, когда начнет меняться ситуация, — ведь имперская психология формировалась сотнями лет.

Хотим мы или не хотим — процесс демократизации партии и, в частности, на Украине уже идет. Посмотрите, какие предвыборные платформы предлагают сейчас представители того же партаппарата. Может быть, они лукавят, но они иногда говорят такие вещи, что мне уже не надо

читать декларацию принципов Хельсинкского сообщества. Лукавят они или нет, но уроки, которые им преподает жизнь сейчас, в частности, в Восточной Европе, не могут не возыметь какого-то действия. Нельзя не сделать выводы.

Аморфность нашего общества — это такой уровень сознания масс. Хорошо было бы если бы этот уровень поднялся настолько, чтобы все стали активными гражданами, но за один день этого добиться невозможно. Более 70 лет из человека делали ничтожество, не позволяли ему мыслить, и порой он уже просто не умеет этого делать.

Сейчас часто говорят об экстремизме, а я считаю, что это повышенное чувство ответственности личности за происходящее. Иногда со стороны то, что может казаться экстремизмом, — это просто нетерпимость ко злу. И это здоровое явление. Я тоже был нетерпим, когда все общество сидело и молчало. Мы тогда сидели в тюрьмах, а здоровое это явление или не здоровое, не нам судить. Но я думаю — это здоровое нетерпение.

17. 2. 1990 г.

От редакции: Мыкола Горбаль избран депутатом Киевского горсовета.

Олесь Шевченко

УКРАИНСКОЕ ХЕЛЬСИНКСКОЕ СООБЩЕСТВО БУДЕТ ПАРТИЕЙ

Олесь Шевченко — руководитель киевского отделения Украинского хельсинкского сообщества, член политико-правовой комиссии «Руха», бывший политзаключенный, журналист.

Вопрос: Олесь Евгеньевич, расскажите, пожалуйста, о Хельсинкском сообществе.

Ответ: Хельсинкское сообщество — это организация, которая трансформировалась из Украинской хельсинкской группы. Как известно, в 75-м году состоялось совещание тридцати пяти стран в Хельсинки по вопросам сотрудничества в области военной, экономической, а также в области прав человека, культуры, информации. После этого совещания впервые в Советском Союзе люди получили надежду открыто говорить о своих человеческих правах, о защите прав человека. Но поскольку это была только надежда, а в реальности осуществить это было весьма и весьма трудно, если не безнадежно, то стали стихийно возникать хельсинкские группы.

В Москве возникла Московская хельсинкская группа во главе с член-корреспондентом армянской академии наук, профессором физики Юрием Федоровичем Орловым, а в Киеве Украинская хельсинкская группа, которую возглавил украинский писатель Мыкола Руденко. Кроме него вошли также такие правозащитники со стажем, как Оксана Мешко, которая сейчас — слава Богу! — еще продолжает в свои 85 лет общественную деятельность в Киеве, и еще более 30 человек. Все эти хельсинкские группы — Московская, Украинская, Литовская, Грузинская — были репрессированы, десятки людей были перемещены в лагеря, тюрьмы, ссылки. Когда началась перестройка, в 1987 году, было выпущено из тюрем, концлагерей и ссылок около трехсот политзаключенных. Возвратившись, люди попали в новую демократическую атмосферу, когда уже появилась возможность открыто высказывать свое мнение, не боясь попасть в заключение или в спецпсихбольницу. Украинская хельсинкская группа никогда не объявляла о прекращении своей деятельности, в отличие от Московской, и поэтому, как только люди получили возможность сгруппироваться, то группа стала так разрастаться, что она превратилась в общенациональную политическую организацию.

Сейчас в рядах Украинского хельсинкского сообщества около полутора тысяч официальных членов и во много раз больше людей, поддерживающих его, но официально не зарегистрированных. Наши отделения есть почти в каждой области Украины. Есть наши представительства в Москве, в Прибалтике и за рубежом. В частности, наше зарубежное представительство в Нью-Йорке возглавляет тот же Мыкола Руденко.

И основным результатом деятельности нашего Украинского хельсинкского сообщества я лично считаю то, что нам удалось повести за собой людей, жаждущих избавиться от страха.

Вопрос: Изменится ли деятельность УХС после того, как КПСС вынужденно согласилась признать многопартийность?

Ответ: Сейчас начинается переход к многопартийной системе. Это не подарок КПСС, Горбачева или Политбюро. Просто они почувствовали, что дальнейшее сохранение статуса единственной правящей руководящей силы просто уже невозможно. Этот статус будет сметен силами снизу, если не будет никаких изменений сверху. Они решили, что лучше произвести такую конституционную реформу сверху. Безусловно, это они рассудили правильно. Это дает им некоторые шансы. Ну, что касается платформы, утвержденной на пленуме ЦК КПСС, то не настолько она демократична, как они хотят ее выставить. Там, например, нет слов о равноправии партий, говорят только о своей готовности сотрудничать с другими партиями, а это разные вещи. Кроме того, соглашаясь, что нужно регистрировать другие политические партии и организации, они тем не менее записали в этой платформе, что можно регистрировать только те партии, которым не свойственны экстремистские и антиконституционные устремления. Спрашивается, кто будет определять, в чем состоит экстремизм или антиконституционные устремления таких новых партий, если даже КПСС можно сегодня обвинить в антиконституционности, хотя бы в связи с принятием этой платформы? Поэтому мы считаем, что это только первый шаг со стороны партийных руководящих кругов, и нужно продолжить давление снизу для того, чтобы партия шла на дальнейшие уступки. Наша цель — многопартийная парламентарная система демократического государства европейского образца.

Что касается преобразования Украинского хельсинкского сообщества в партию, то здесь голоса членов УХС разделяются. Часть людей считает, что хельсинкское сообщество должно остаться в качестве надпартийной структуры, объединяющей людей своей национально-политической программой.

Вопрос: Вы считаете, что Хельсинкские соглашения могут иметь какое-то отношение к национальным политическим задачам, стоящим сейчас перед такой специфической организацией, как ваша? Нет ли здесь некоторого противоречия?

Ответ: Я считаю, что как Всеобщая декларация и Пакты о правах человека ООН, так и все документы Хельсинкского совещания и тех последующих, что продолжили этот процесс, как раз и направлены на защиту права человека и права наций. И поэтому мы в своих стремлениях защитит как гражданские права, так и право народа на свободное независимое существование, на свободное развитие, имеем все основания опираться на документы Хельсинкского процесса. Я считаю, что деятельность Украинского хельсинкского сообщества не замыкается только на национальных проблемах, только на проблемах самоопределения. Конечно же, нет. Построение демократического общества это сегодня проблема для всех народов Советского Союза. Центр не должен распределять компетенции республик сверху вниз.

Вопрос: Не кажется ли вам, что именно Украина должна стать инициатором нового союзного договора?

Ответ: В свое время Ленин говорил: если мы потеряем Украину — мы потеряем все. Действительно, это так. На Украине сосредоточена одна четвертая часть промышленного потенциала СССР. Можно считать, что во всех отношениях, как в экономическом, так и в других областях жизни общества, Украина является такой частью отживающей империи, без которой ее существование невозможно. Понятно, что централисты никогда не пойдут на разбазаривание империи, на слом так называемой «федерации», хотя я считаю, что никакой федерации никогда не существовало, как и не существовало никакого Союза никаких советских никаких социалистических никаких республик.

Вопрос: Но Украина настолько тесно связана и исторически, и экономически, и культурно с Россией, что ей не так просто будет отделиться, как Прибалтике, в одну минуту. И в то же время, наверное, могли бы быть для Украины и какие-то выгоды в этом союзе, но только, если он будет основан совершенно на новых условиях.

Все-таки, должна быть Украина инициатором нового

союзного договора или ей, как Прибалтике, достаточно отделиться?

Ответ: Прежде всего я хочу заметить, что для меня неприемлем термин «отделение». Я заменил бы его термином «суверенитет». А стремление к суверенитету, к самоопределению нации, народа — это естественное и вполне законное стремление. Другое дело, что мы должны считаться с реальностями сегодняшнего дня, и каждый человек, идущий в политику, должен видеть перед собой какие-то реальные пути решения тех или иных проблем.

На пути самоопределения народов я считаю вполне реальной формой конфедерацию. Это и есть то, что называет Горбачев реальным наполнением понятия суверенной республики. Я считаю, что любые разговоры о федерации — это разговоры несерьезные, даже если они исходят из уст генерального секретаря.

Но что касается того, кто должен быть первым, то, конечно же, на Украину смотрят народы Прибалтики и народы Закавказья, и я слышал неоднократно от представителей этих народов такие слова:

— Мы никогда не сможем стать свободными, пока не станет свободной Украина.

Вопрос: Межнациональные отношения на Украине, чреваты ли они серьезными конфликтам?

Ответ: Я уверен в том, что самая благоприятная атмосфера в области межнациональных отношений сейчас именно на территории Украины. У нас пока что нет филиалов профашистской антисемитской организации «Память», у нас нет «Интерфронта», как в других республиках, у нас пока не было забастовок на почве межнациональных конфликтов, не было и крупных столкновений на этой почве. И я считаю, что их и не может быть, если только они не будут спровоцированы правыми антиперестроечными силами, которые в подобных конфликтах заинтересованы.

Что касается демократических организаций на Украине, то они остро заинтересованы в сохранении атмосферы добрых взаимоотношений между всеми национальностями.

Все заинтересованы в том, чтобы сохранить стабильность в обществе, потому что стабильность в обществе для нас — это гарантия продвижения по пути перестройки, а любые массовые беспорядки — это повод для правых сил ввести войска, ввести военное положение, расправиться с демократическим движением. Поэтому понятно, что демократическое движение заинтересовано в сохранении достоинства любого национального меньшинства на Украине и в обеспечении в республике комфорта для человека любой национальности. Я считаю, что чем больше национальностей в государстве, чем больше национальных культур, тем богаче и красивее в культурном отношении, в духовном отношении это общество. Только та страна, которая способна обеспечить комфорт для человека любой национальности, может считаться цивилизованной страной.

Февраль, 1990 г.

Митинг в Киеве.

Выступает руководитель киевского отделения «Руха», народный депутат СССР, писатель Владимир Яворивский, февраль 1990 г.

Импровизированный митинг в центре Киева.

«Неформалы». В подземном переходе на Крещатике, Киев.

Киевский клуб народных депутатов СССР.
На трибуне В. Яворивский.
В президиуме Ю. Щербак, С. Рябченко, В. Грищук.

И. Драч, Згурский и О. Шевченко на митинге.

Работает Киевский депутатский клуб.

Народные депутаты СССР от Украины О. Гончар, Ю. Щербак, Сандуляк.

Андрей Куликов

КОММУНИСТЫ ОТВЕЧАЮТ ЗА ПРОШЛОЕ

Андрей Куликов — зам. председателя киевского координационного совета «Руха», член Главного Совета Общества украинского языка, зам. редактора газеты «Новини України».

Ситуация на Украине однозначна. Люди хотят поменять старые органы власти, но, к сожалению, не знают как это сделать. Здесь, в сущности, существуют некоторые стереотипы восприятия, когда в первую очередь начинает играть роль биография кандидата. Не все еще понимают: чтобы парламент был дееспособным, туда должны прийти профессионалы или хотя бы полупрофессионалы. Полупрофессионалами я называю людей, которые, может быть, и не имеют юридической или иной научной подготовки, но уже активно занимаются определенное время политической деятельностью в новых условиях.

Сейчас на Украине распускаются слухи (правда, не во всех регионах, а именно там, где официальные органы власти боятся потерпеть сокрушительное поражение) о грядущих погромах, о возможных межнациональных столкновениях. Делается это, по-моему, для того, чтобы в преддверии выборов склонить людей голосовать за адептов «сильной руки», воспользовавшись «синдромом Фантомаса». Людям с низким культурным уровнем занимательно распускать страшные слухи, пугать своих ближних и нагнетать такую

обстановку, когда легко ввести если не военное, то, по крайней мере, чрезвычайное положение. А уже в тех-то условиях властям предрержающим будет значительно легче. Такие слухи характерны для Киева, Харькова, для западных областей Украины. А вот недавно я говорил с другом из Днепропетровска, там, как он мне сказал, и в соседних областях таких слухов нет.

Мне кажется, что верхушка коммунистической партии, сознательно или несознательно, делает очень много для того, чтобы компартия потерпела поражение. Да, идейным инициатором многопартийной системы, отмены статьи 6-ой конституции компартия уже не может выступать ни при каких условиях, потому что вести речь об этом начали некоммунисты (или в большинстве своем некоммунисты). Но пойти на это нужно было бы давно. И если бы сейчас не было четкого деления на коммунистов и беспартийных, а все беспартийные были бы действительно беспартийными или членами разных партий — СДП, УХС и т. д., то тогда бы шансы у кандидатов-коммунистов были бы повыше.

То же с поднятием заработной платы партийным работникам — шаг совершенно неоправданный. И ведь что поражает больше всего в ответах работников партийного аппарата на вопрос об этом повышении? Они говорят: «Да, решение было несвоевременным». Вот что заботит их прежде всего. И это, конечно, раздражает любого думающего человека. Сейчас руководство компартии воспринимает так называемых «мятежных коммунистов» как своих противников, как людей с другого конца политического спектра. Есть, конечно, работники партийного аппарата с достаточно прогрессивными убеждениями, и у них есть желание (может быть, не до конца осознанное, но формирующееся) вырваться из жестких рамок нынешней структуры. Они способны почувствовать вкус действительной политической борьбы — ведь только на равных можно спорить.

Политический спектр я определяю по мировому образцу, где коммунисты — все-таки левые, и Егор Кузьмич — левый ортодокс, а не правый деятель, как его многие у нас называют. Размежевание же внутри компартии, тем не менее, очевидно. В Днепропетровске, например, состоялся

пленум обкома, продемонстрировавший монолитное единство консервативных сил. Там речь шла о неправильной политике Горбачева, о неправильной политике Политбюро и, естественно, о его просчетах во внешней политике. А в Москве состоялось совещание представителей политических клубов. На совещании приняли проект демократической платформы КПСС. Давно назревшая необходимость, благородный порыв. Но мне кажется, что платформа имеет существенный недостаток — она больше относится к области теории. Там не разработаны некоторые практические вопросы.

Сейчас коммунистов — сторонников демократической платформы называют новоявленными социал-демократами. Я не думаю, что это справедливо. Дело в том, что я знаком с киевскими социал-демократами — это в большинстве своем люди, работавшие в условиях полуподполья, и именно они имеют право сейчас претендовать на роль социал-демократической партии. Я надеюсь, что они скоро и создадут ее на Украине. Призывы же части коммунистов (в том числе занимающих в партийной иерархии не последнее место) к тому, чтобы изменить название партии или провозгласить себя социал-демократами — это, я думаю, попытка уйти от моральной ответственности, попытка перекраситься. Считаю, что на какой бы платформе мы не стояли сейчас, люди имеют право знать, с кем они имеют дело. Потому что каждый, кто пробыл в партии пусть даже год или два, или, как я, восемь лет — несет ответственность за все то плохое и хорошее, что происходило в партии за это время. Необходимо честно смотреть в глаза согражданам.

Что, на мой взгляд, должна делать компартия для того, чтобы помочь осуществить мирный переход к демократическому устройству общества. Прежде всего необходимо прекратить сопротивляться многопартийности, не говорить о политическом плюрализме, как о чем-то отдаленном, а признать его существование. Можно внести даже определенную материальную лепту для становления плюрализма, какой-то взнос. Во-первых, это мог бы быть отказ от монополии на печать, в том числе на издательства и

типографии. Те из них, что принадлежат партии, могли бы быть переданы в собственность государства, и тогда компартия, наравне с другими политическими партиями и движениями, могла бы их арендовать. Это было бы справедливо. Давно уже у всех навяз на зубах разговор о необходимости сокращения партийного аппарата. Несомненно, его сокращать надо, хотя бы для того, чтобы вновь возникающие партии не претендовали на право иметь такой же аппарат. Ведь это же десятки тысяч людей, не участвующих в сфере материального производства. Конечно, в наших условиях трудно ставить вопрос о полном отсутствии партийного аппарата. Сопротивление этому будет жесточайшее, но я думаю, в конце концов мы к этому придем. Я не специалист в данном вопросе, но три человека на район — этого вполне должно хватать, если партия, любая, будет заниматься только, своим партийным делом. А власть должна перейти к Советам, к новым Советам. В одном Совете будут преобладать, предположим, коммунисты, в другом — Украинский народно-демократический союз, а в третьем — социал-демократы. А где-то будет паритетное наполнение Советов, и они смогут работать в коалиционных каких-то образованиях. Я считаю, что любой имеет право высказывать свою точку зрения, участвовать в формировании общей политики. Это относится и к политическому спектру, и к национальному спектру, и, в том числе, к такому вопросу, как предоставление или непредоставление гражданства республики, а значит и прав участия в голосовании. Ведь если на территории республики живет много лиц, которые, не будь им предоставлено гражданство, не смогут принимать участия в выборах, то кто же будет защищать их интересы. Вот в чем проблема. Точно так же, как раньше беспартийные имели минимальные рычаги влияния на политику на любом уровне. Сейчас, вполне возможно, будут обойдены интересы коммунистов, а, может быть, и других групп по идеологическому признаку. Все, что я говорю, может выглядеть так: «он коммунист и цепляется, отстаивает свои интересы». Да, я свои интересы отстаиваю, я этого не скрываю, но и интересы других людей тоже.

Поскольку я считаю, что нужно нести моральную ответственность за дела партии, постольку вопрос о выходе из компартии для меня не стоит. Однако компартия должна преобразиться. Как можно скорее нужно провести перевыборы всех руководящих звеньев партии — только на этой основе можно осуществить какие-то перемены. Нельзя их откладывать до чрезвычайного или внеочередного съезда. Это тезис сторонников старых методов — примем новый устав, новую программу, тогда проведем выборы. Но кто же будет принимать новый устав и новую программу, если в руководстве останутся старые люди? Нам необходимо уже сейчас этим заняться. Необходимо пойти на ликвидацию оплачиваемых должностей партийных работников на предприятиях, в учреждениях и организациях. Я не сторонник того, чтобы партийные организации уходили с предприятий вообще. Конечно, пока они там в единственном числе (коммунистические организации, комсомольские), то это выглядит дико, нелепо. Но в условиях, когда любой рабочий и инженер может стать членом любой партии, поскольку большую часть нашего времени мы проводим на работе, производственная партийная организация вполне допустима. Но не обязательна партийная иерархия — горизонтальная структура, я уверен, имеет большие перспективы. Не секрет, что во многих партийных организациях преобладают сторонники старых подходов. И там есть два или три коммуниста, которые бьются из последних сил, чтобы эту стену неприятия нового пробить. Конечно, они делают полезное дело и кого-то на свою сторону привлекают, но, будучи постоянно в меньшинстве, они лишены возможности делегировать кого-то из своих представителей на партийные форумы. Если же преобладают в организации прогрессисты (назовем их так условно), то и отдельные консерваторы имеют право на создание горизонтальных структур, объединений по территориальному принципу. И они тоже должны получить право делегировать куда-то своих представителей — допустим, на конференции, на пленумы. Я считаю, что мятежным коммунистам надо быть посмелее в своих действиях. Не просто, как это было раньше, бомбардировать высшие партийные инстанции

резолуциями, письмами. Надо издавать альтернативную коммунистическую прессу и создавать альтернативные партийные комитеты, сотрудничать с широким спектром иных политических течений.

Вопрос о самостоятельности Украины непростой. Немедленно отделяться, конечно же, нельзя. Я себе, например, место в будущей полностью независимой Украине пока не нахожу. И многие среди моих ближайших друзей (а я знаю, что по республике таких людей миллионы) тоже своего места там совершенно не могут себе представить.

В идеале Украина, как и любая другая республика СССР, должна быть такой же равноправной частью общеевропейского дома, как, скажем, Франция или Норвегия, но учитывая то, что в Союзе еще сильны имперские амбиции, а Украина имеет огромное значение для Союза, вести речь о немедленном отделении, я думаю, нельзя — это может спровоцировать очень тяжелые последствия. Да и внутри республики общественное мнение очень не однозначно. Я думаю, что граждане республики не очень хорошо себе представляют, что это такое — федерация, конфедерация. Многие считают, например, Швейцарию конфедерацией, но если бы они хорошо ознакомились с швейцарской конституцией, они, может быть, изменили бы свое мнение. Важно, чтобы отношения строились не между республиками и так называемым «центром», а между самими республиками на договорной основе. Союзный договор необходим, его нужно изменить, и это сейчас уже признают все. Но должно быть что-то, что будет объединять все республики, которые того пожелают. Было бы совершенно естественно и логично, если бы отношения между Украиной и Белоруссией или Молдавией, между Украиной и Узбекистаном (если все эти республики останутся в составе Союза) регулировались отдельными договорами плюс договорами общесоюзными. Должно быть что-то вроде Союза государств, объединенных тремя принципиальными общими сферами, (мне кажется, что это был бы разумный выход): общность направлений внешней политики, общность финансовой политики и общность направления оборонной политики. Ближайшая

перспектива — это перезаключение союзного договора и значительное расширение компетенции республик, там где речь идет об экономической жизни, о культурной политике, внутренней и частично, внешней политике.

Республиканский Верховный Совет имеет право законодательной инициативы на Союзном уровне. Насколько я знаю, идея выступить Украине инициатором нового союзного договора активно разрабатывается сейчас, и депутаты от Украины будут пытаться выступить с этой инициативой.

Я не думаю, что требование немедленного или скорого отделения Украины популярно. Нет, оно не популярно в большинстве регионов Украины. Возможно, это лозунг момента, подогреваемый шутками некоторых московских товарищей о том, что и Россия отделится от Советского Союза. Никто не задумывается, насколько глубоки или неглубоки все эти заявления. Брошен лозунг: надоело нам жить всем в этой стране — давайте отделяться! Но это необходимо просчитывать, надо не только нашу сегодняшнюю ситуацию изучать или наше прошлое, необходимо анализировать и просчитывать наше будущее развитие, необходимо прогнозировать.

Сейчас широко обсуждается вопрос о президентском правлении в СССР и в республиках. Я за избрание президента, если президент избирается общенародным голосованием. Если президент избирается голосованием парламента, который не отражает общего настроения в стране, то такой президент должен обладать чисто символической властью — быть представительной фигурой и в переговорах символизировать государство. Но президент, наделяемый большими полномочиями, может быть избран только всеми гражданами страны. Я и за то, чтобы на Украине был свой президент, но на Украине последний вариант особенно необходим, во-первых, потому, что, боюсь, парламент республики не отразит настроений избирателей, а во-вторых, там будет не слишком много работоспособных людей. Туда могут пройти искренние демократы и очень хорошие честные люди, но они не готовы столкнуться со стеной, они готовы работать на митингах,

они готовы даже сидеть в тюрьме, но быть втянутыми в бюрократическую машину и пытаться изменить ее изнутри — вот к этому многие из них не готовы. Я считаю, что нам на Украине нужно правительство национального или общественного согласия. Туда войдут представители всех политических партий при условии, что они будут являться специалистами. И возможно, что это правительство, его члены должны будут отказаться от своей партийной принадлежности. Может быть, это будет коалиционное правительство, скажем, партий и движений, стоящих на левых, лево-либеральных и даже лево-центристских позициях. Но тогда за бортом его окажутся правые радикалы, среди которых есть люди разумные, способные внести определенный вклад в процесс перехода.

Убедить людей, что это необходимо не так уж просто. Конфронтация в обществе очень сильна — кого-то пугает «Рух», кто-то ненавидит коммунистическую партию, кого-то трясет при одном упоминании УХС. Очевидно, надо прежде всего убедить людей, что человек сам по себе — какая-то ценность, что человек может принимать любые решения, соотнося их с волей своих сограждан. Тогда мы все научимся лучше понимать друг друга.

20. 02. 1990 г.

Иван Салий

ПРОЙДУ ПУТЬ ДО КОНЦА

Иван Салий — первый секретарь Подольского райкома КПСС г. Киева, с 18 марта 1990 г. депутат ВС Украины.

В ходе перестройки мы увидели, как много проблем, которые нужно срочно решать, стоит перед нами. Нужна была бы определенная очередность. Сначала мы говорили о том, что нельзя решить вопросы экономики без политических реформ. А теперь, занявшись бесконечными политическими реформами, мы как будто забыли об экономике. И у меня возникают противоречивые чувства при размышлении о том возможном варианте, когда политическое противостояние, поляризацией сил вызванное, будет продолжаться и ни у кого не будет времени заниматься повседневными нуждами людей. Я имею в виду прежде всего экономические и социальные вопросы.

Мне нравится то, что теперь и секретари райкомов должны отвечать на вопрос о самоопределении республики. Раньше этим занимались только на более высоком уровне руководства.

Что касается меня, то я считаю: компартия Украины и

республиканское руководство просто-напросто отстали в разработке концепции политического, экономического и культурного суверенитета Украины. Немедленных решений без больших жертв не бывает, и я не вижу никакой необходимости в таких жертвах. Я думаю, достижение суверенитета — это процесс, и, по-моему, подавляющее большинство народа высказалось бы за то, что мы должны жить в суверенной республике, оставаясь в рамках построенного на основе нового договора федеративного государства. Мы еще никогда не жили в условиях подлинной федерации. Я думаю, что вопрос о конфедерации — это вопрос далекой перспективы. Видимо, люди, которые придут после нас, будут этим заниматься. Сегодня же достаточно других дел и забот и много еще нерешенных проблем. Возможность наполнить федерацию новым, демократическим содержанием, сделать ее такой, какой она должна быть на самом деле, есть. О том, что федерация должна предусматривать самую широкую автономию республик, сказано в новой платформе КПСС, принятой на февральском пленуме. Республики делегируют какие-то полномочия (нужно только определить, какие) союзным органам. То же, что должна республика оставить себе, — это я точно знаю. В связи с выборами, в которых я участвую в качестве кандидата в депутаты в Верховный Совет республики, пришлось осмыслить.

Я полагаю, что у нас должна быть собственность на землю, недра и воздух. Это и будет означать, что мы станем в рамках Союза суверенным государством. Кроме всего прочего, это даст нам и экономические преимущества.

У нас должна усилиться муниципальная власть, начиная с районов города.

В республиканскую собственность должна перейти и большая часть промышленности. Мы должны заявить о своем праве иметь собственный хозяйственный механизм. Усилия центра предложить единый хозяйственный механизм для всей страны, для всех республик, которые находятся в самых разных климатических, политических, демографических и всяких прочих условиях, — это тщетные попытки, заранее обреченные на неудачу. Мы ведь этим занимались

давно и безрезультатно. Нам нужны самостоятельные хозяйственные механизмы. И тогда наше правительство, наши органы советской власти не смогут все время показывать наверх: у них, мол, все права. Мы будем знать: у нас в республике есть все полномочия — так пусть же принимают такой закон, какой народ считает правильным.

Мы должны обладать правом вето — прежде всего в вопросах экологии и здравоохранения. Ни одно союзное ведомство ни в коем случае без согласия республиканских органов власти не должно принимать решений. Я считаю, что без достижения консенсуса с республиками, без согласия республиканских органов власти, вопрос об использовании вооруженных сил вообще не должен рассматриваться. Украинцы и все жители Украины пусть служат везде, где необходимо, в пределах СССР, но когда стоит вопрос о вводе куда бы то ни было советских войск, его решать без нас нельзя, потому что в армии есть наши люди.

Что же касается идеи превращения Советского Союза в конфедерацию, то я не считаю это дело бесспорным. Не надо всех ставить в одинаковые условия. У нас то сплошная коллективизация, то теперь сплошное: фабрики — рабочим, землю — крестьянам, т.е. сплошь и рядом огульные решения, а они никогда не дают положительных результатов. Должно быть многообразие форм. У Прибалтики своя судьба, а у нас — на Украине, в Белоруссии, в России — вопрос о выходе из Союза, думаю, не стоит.

Партия сейчас отказывается от монополии на власть, но, думаю, нужно быть объективным: другой так хорошо организованной силы сегодня нет. Есть иное — есть общественное мнение, те большие ошибки, что были допущены партией. И сегодня люди будут голосовать не столько против партии, сколько против партаппарата. Не буду говорить о том, чем это закончится для меня лично, но скажу: партия — это организованная мощная политическая сила, и, если говорить честно, без политического романтизма, другой такой силы пока нет. В рамках «Руха» вырастает несколько партий, они проявляют себя тем, что критикуют нынешнее положение, критикуют прошлое, предлагают какие-то решительные меры, привлекательные на сегодняш-

ний день, но реальных конструктивных решений много-
сложных проблем предложить они пока не могут, и они не
всегда знают, что надо делать.

А будущее компартии зависит от самих коммунистов.
Наши коммунисты не должны просить Горбачева приехать в
Киев, чтобы им помочь, как-то их защитить. Они сами
должны добиться доверия народа к себе. В Киеве, в
университете и в политехническом институте, намечается
разработка демократической платформы компартии Укра-
ины. Секретари парторганизаций на горизонтальном уровне
собираются обсуждать эту платформу. Там тоже не все
можно принять. Воспринимая содержащиеся там демокра-
тические принципы, надо сказать, что не разработаны еще
механизмы их реализации. После выборов, может, этот
вопрос будет решаться более ответственно. Нынешняя
платформа КПСС уже многое в себя вместила из
демократической платформы. Даже много больше, чем
можно было ожидать, хотя само обсуждение на Пленуме
ЦК КПСС не давало оснований рассчитывать, что будет
такая платформа. Другой вопрос, что платформы бывают
всякие — плохие или хорошие, — а зависит многое от тех,
кто ими будет заниматься. Сейчас больше нужно думать о
личностях.

В обществе сейчас есть люди, которые хотят получить
все сразу. Есть и нетерпимость, которая, конечно же, имеет
место, но не является массовым явлением, а проявляется у
кучки людей. Они одни и те же на митингах — свистят,
шумят. Я большинство из них даже в лицо знаю — не так уж
их и много. Они не делают чести ни «Руху», ни УХС. Честь
своим организациям и всему нашему народу делают те
серьезные люди, что есть в этих альтернативных объедине-
ниях, — люди, думающие взвешенно и ответственно. А
вокруг них, как, впрочем, и в компартии, есть разные люди.
Я не хотел бы их называть экстремистами — это скорее
политические новички. Они в своей жизни ни за что никогда
не отвечали, им все кажется легко и просто. А те, кто много
принимал решений, знает, что всегда, когда их принимаешь,
делаешь какие-то ошибки. Сейчас насчитают пять-шесть
ошибок за десять лет и это, оказывается, может быть

достаточным, чтобы перечеркнуть все эти десять лет работы.

Как ни жаль, наблюдается сегодня, накануне выборов, и некоторая пассивность населения. Я думаю, этому есть объяснение. Хотя в общем-то наш народ не так уж и пассивен, но сегодня пресса столько дает информации, что ее трудно усвоить. Раньше люди искали информацию, теперь же средства массовой информации, пресса (и с другого берега тоже) дают ее столько, что люди кажутся полностью информированными. Они могут вступить в любые подходящие для них политические образования, они могут сделать свой выбор. Но все-таки они довольно пассивны.

Во время предвыборной кампании у кандидатов было много встреч с избирателями, но много людей эти встречи не собирают. Потому что нужно и с кандидатами в райсовет встретиться, и с кандидатами в горсовет, и с теми, кто хотят стать депутатами Верховного Совета республики. И все хотят встретиться, как минимум, по два раза — им надо, чтобы у них разные люди побывали. А в горсовет и Верховный Совет претендуют по десять человек на одно депутатское место. Я думаю, что со временем это уладится, надо только лучше все организовать. А на выборы, я полагаю, народ все же пойдет. Жаль, что много людей конкурирует за место в Верховном или городском Совете и большинство (9 из 10) отпадет. А они могли бы (многие из них) хорошо работать в районных Советах. Так что механизм еще не отрегулирован.

Для общественного развития, для прогресса нужно откуда-то черпать силы. Но единственный резерв перестройки — это сам человек, его культурный и политический уровень.

Мы сегодня не говорим уже комплиментов партии, не говорим уже комплиментов аппарату. Нам нужно научиться делать друг другу замечания и правильно их воспринимать. И учиться организации труда в обществе. Мы пока еще не отдаем себе отчета в том, что митинговая демократия, демократические выборы — это все, конечно, очень хорошо, но есть еще наука управления, наука управления обществом, производством, всей экономикой. Нам нужно ее осваивать. Работать должны не дилетанты, попавшие в систему власти

по номенклатурному принципу, а специалисты. Вот когда мы передадим руководство специалистам (не забывая, правда, что Чернобыль нам именно специалисты подложили), когда специалисты займут повсюду достойное положение в обществе, вот тогда и будет новая ситуация.

Теперь о вопросах социальной справедливости. Я не свожу их все только к номенклатурным привилегиям. Нужно, конечно, немедленно все это убрать — все привилегии — все отдать жертвам чернобыльских бедствий. Но не только в этом дело. Социальная справедливость, на мой взгляд, состоит в том, что должен быть небольшой разрыв между максимальной зарплатой и минимальной, а пенсии, возможно, должны быть вообще одинаковыми — перед старостью все равны. И независимо от того, где — на предприятии ли ведущей отрасли или в легкой промышленности — работает человек, получать он должен по труду.

Очень болезненный вопрос у нас на Украине — вопрос экологии. И его, как и вопрос социальной справедливости, придется решать новому парламенту.

У меня нет иллюзий, что меня выберут в Верховный Совет республики, но я свой путь пройду до конца. Я считаю, что сейчас действительно революционная ситуация, когда верхи не могут, а низы не хотят. Хотя верхи и делают еще вид, что могут, а низы не знают, как добиться того, чего хотят. Эта острая ситуация должна как-то разрешиться, и я хотел бы, чтобы она разрешилась демократическим, парламентским путем и чтобы наступила стабильность и началась наконец нормальная жизнь в обществе. В этой ситуации один из самых важных пунктов моей предвыборной программы — это разработка политического, экономического и культурного суверенитета Украины в рамках нового союзного договора и новой федерации.

Украина находится в зоне экологического бедствия — преодолеть это возможно, но для этого необходимо провозгласить приоритет здоровья человека, охраны природы.

Богатство Украины и бедность ее народа — это несовместимо. Как несовместимо то, что наш народ трудолюбивый и образованный в достаточной мере, а

бесхозяйственность повсюду вопиющая. Поэтому я предлагаю антимонопольное законодательство, разные формы собственности. И бюджет советских органов должен формироваться снизу, а не сверху, чтобы максимум оставался на местах, — тогда будут наверху знать, за что, на какие средства реки поворачивать (может, и не будет больше авантюрных планов).

Обновленному обществу нужна обновленная политическая система. Я еще во время прошлых выборов предлагал закон о партии, говорил, что нам не нужна статья 6-я, нам нужно моральное и политическое доверие народа. И конечно же, я за равные права для всех перед законом и равноправие всех общественно-политических организаций.

В отличие от многих других кандидатов, я много работаю в районе и считаю, что нельзя серьезно разрабатывать законы, концепции, программы, если не знаешь реальной жизни людей. Проблемы моих избирателей, проблемы Киева, Подола — это мои проблемы. Самое главное — жилье, медицинское облуживание, народное образование. Для Подола очень важно, чтобы была восстановлена Киево-Могилянская академия. Я буду способствовать этому. Буду добиваться создания украинской национальной картинной галереи. Я хотел бы, чтобы проекты восстановления исторической части Киева рассматривались только на конкурсной основе. Слишком много было архитектурных ошибок — город поделили, как дети лейтенанта Шмидта, на зоны и никого не пускают. Все раньше решалось в кулуарах, неквалифицированно. Теперь все должно быть по-иному.

21. 2. 1990.

От редакции: 18 марта 1990 г. Иван Салий избран депутатом Верховного Совета Украины.

Виталий Карпенко

ПЕРЕСТРОЙКА В ГАЗЕТЕ

Корреспондент журнала «Форум» Галина Малинкович беседовала с главным редактором газеты «Вечерний Киев» Виталием Карпенко 23 февраля 1990 г. В беседе принимала участие сотрудник газеты Валентина Писанская.

Малинкович. Виталий Афанасьевич, когда для вас — редактора популярной газеты «Вечерний Киев» началась перестройка? Как вы ее почувствовали?

Карпенко. Галина Ивановна, я неоднозначно к этому вопросу отношусь, однозначно ответить на него невозможно. Для меня лично перестройка началась тогда, когда я ушел из аппарата ЦК в газету, начал заниматься тем делом, которое мне поручили. А в газете этот процесс шел очень медленно, постепенно. Поэтому назвать какую-то конкретную дату трудно. Можно было бы по шишкам считать — когда, допустим, мы набивали себе шишки нашими публикациями. И так оно постепенно и шло. Но если честно сказать, то только сейчас, в наши дни, мы почувствовали более или менее свободу выражения. Хотя, конечно, нельзя сказать, что у нас стопроцентная гласность, к этому мы еще не пришли, и, наверное, этого в идеале и быть не может. Хотя это спорный вопрос.

Малинкович. Может, вы более подробно расскажете о каких-то эпизодах, когда вы набивали себе шишки?

Карпенко. Эпизоды можно рассказать, их очень много. Во-первых, нужно знать, что представляла собой газета в то

время. Она выходила тиражом в 210 000 экземпляров. Это был несолидный тираж. Сейчас мы имеем 520 000 экземпляров. Я вам назвал тираж 1986 года и этого года.

Газета была очень официозной. Много официальных материалов публиковалось. Да и материалы о жизни города — они были, как близнецы. И дело в том, что коллектив-то привык к такому «творчеству». Я не могу сказать, что не было у людей желания по-другому писать, но все мы были спутаны еще теми стереотипами, которые сложились, поэтому каждое новшество для нас было, как маленькое открытие.

Ну, допустим, такой факт: никогда же раньше не было, чтобы на первой странице газеты поместили фотографию — труп на улице. Человека машина сбила. Это была сенсация. Для вас это, может быть, странно, но если сравнить, какими наши газеты были «до того», это было очень необычно.

Потом мы начали давать различные мнения людей — то, что мы называем плюрализмом мнений. Это тоже необычно, потому что раньше было одно только мнение — официальное. А потом еще начали писать жалобы на нас, критические письма, и мы их начали печатать — жалобы на себя. Были и справедливые замечания, а были и несправедливые, с которыми мы не согласны. Но мы их все же печатали. Такое мнение существует — пусть люди знают.

И так шаг за шагом мы шли. Мы меняли наши тематические рубрики, мы подключали все новые и новые пласты. Сначала мы делали какие-то маленькие шажки. Я могу назвать сколько угодно примеров. Допустим, мы защитили Голосеевский лес от порубки. Факт очень примечательный.

Малинкович. И тогда вы почувствовали перестройку?

Карпенко. Может быть. Голосеевский лес — заповедный. Там столетние дубы, реликтовые деревья и там расположена Высшая школа агропрома республики. Ну, решили они расширяться. И их руководители, включая тов. Ключа Василия Семеновича, обходили высокое начальство, как мы написали, «обивали ноги о пороги высокие», чтобы получить разрешение. И получили — таки разрешение на вырубку семи гектаров леса. Два с половиной успели

вырубить. Но восстал народ. Это были первые, по сути дела, демонстрации в Киеве. Мы сразу это подхватили в газете. Потом и другие, вслед за нашей информацией, подключились. Была создана правительственная комиссия, наша республиканская, в десятидневный срок ей было поручено разобраться. Она разобралась и закончилось всё тем, что этого товарища Ключа привлекли к ответственности: его освободили от работы. Если считать по большому счету, конечно, это стрелочник пострадал, потому что 39 подписей было под документом, разрешающим вырубку леса. Потом уже и председателя Госкомитета убрали, но не в этом дело. Несмотря на то, что многие газеты писали об этом и телевидение показывало, Ключ подал в суд именно на нас — за оскорбление чести и достоинства. Ну, суд этот — умора. Ключ, например, возражал: он, дескать, не «обивал высокие пороги», а переступал через них. Что не «под топором агропрома рухнул лес», а упал...

Малинкович. Под пилой?

Карпенко. Да, его, значит, бензопилами валили. Вот такая штука. И до сих пор мы еще, при всей нашей демократии, воюем с Ключем. Хотя он и проиграл суд, но решение суда не выполнено до сих пор.

Писанская. Надо сказать, что Голосеевский лес — это не просто деревья, это, собственно говоря, один из своеобразных символов города. Поэтому это было так болезненно общественностью воспринято. И там проходила линия обороны Киева. Очень много песен есть об этом.

Карпенко. «Вечерний Киев» — единственная газета в городе, которая подняла вопрос о номенклатурных привилегиях. Валентина Викторовна — главный герой всего этого, потому что в основном она занималась этими публикациями. У нас очень много писем на эту тему. Мы рассказали о некоторых специальных цехах, которые заготавливали и изготавливали продукцию для номенклатурных работников. Это было тоже, как взрыв бомбы...

Малинкович. Это продукты питания?

Карпенко. Это продукты питания, но не только. Знаете, это безнравственно и потому еще, что у нас, вы видите, очень

сложное положение, а в этих цехах даже хлеб отдельно пекли. Конечно, эта булка хлеба на вес золота получалась, потому что все это делалось вручную. И были очень высокие заработки, т. е. мы уже говорим не только о номенклатурной элите, но уже создалась и элита из тех, кто им служит. А почему так? Потому что рабочие, которые, были на производстве вот этих продуктов для начальства — всех этих булок, конфет и других товаров — они ведь тоже получали зарплату намного выше, чем те же рабочие, которые работали для простых смертных. Так что и с этой стороны безнравственно. Это развращает людей.

Малинкович. Это примечательно, что во время перестройки можно посягать на такое высокое начальство. Очевидно всё это делалось не для какой-то мелкой сошки, это делалось для людей, стоящих очень высоко. Как же они реагировали на публикации?

Карпенко. Реагировали они очень своеобразно. Кстати, никто не опроверг ни один факт, который мы привели, хотя все говорили: «Где вы это увидели? Привилегий у нас (т.е. у них) нет». Шум пошел по Киеву и по республике. По каналам РАТАУ (радио-телеграфное агентство Украины) дали информацию пресс-центра Совмина, где было сказано, что по выступлениям печати, в которых приводились конкретные факты, товарищей министров торговли, агропрома, легкой промышленности попросили отчитаться... Ну, они отчитались и сказали, что ничего такого нет, что всё у них на общих основаниях, дескать. На заводах, мол, тоже есть столы заказов, в которых рабочие могут получить продукты, — вот и у них тоже стол. Но суть-то в том, какие это продукты? Рабочий на заводе красную икру не получит в этих продуктовых наборах. Ну, а там — там есть всё.

Нам пришлось выступить еще раз, назвать вещи своими именами и сказать, что министры говорят неправду. Сейчас это обычно в общем-то, но в то время это было еще не очень обычно.

После этого (по каналом РАТАУ опять же, не нам напрямую) прислал один трудовой коллектив резолюцию, в которой просит опубликовать еще раз всё, что мы по этому поводу писали, и обратиться с призывом — отказаться от

привилегий. Я это письмо переслал первому заместителю предсовмина Кочаловскому, и говорю: «Вот хороший повод рассказать, что сделано по ликвидации номенклатурных привилегий». Он тоже сказал (опять же через РАТАУ), что ничего такого, по сути дела, нет.

Писанская. Не только, что ничего такого нет. Это было просто бессовестное и откровенное вранье. Мне даже удивительно, как мог он, человек ведь все-таки, брать на себя такую ответственность.

Карпенко. Вот поэтому он сейчас и не первый заместитель.

Писанская. Да, но ведь он тогда от имени правительства говорил, я так полагаю.

Карпенко. Потом на некоторое время мы публикации эти прекратили. Нас попросили: «Не тревожьте сейчас людей, работает депутатская комиссия в Москве — она расставит все точки над «і». Ну, комиссия доложила, точки, конечно, не расставила, поэтому мы повторно выступили. Но теперь уже более терпимо к этим публикациям отнеслись. Во всяком случае не было к нам звонков. Уже воспринимают как должное.

Малинкович. Так можно считать, что для вас нет запретных тем? Или все-таки есть?

Карпенко. Теоретически — нет. Практически тоже можно любую тему поднимать, если найти к ней правильный подход. За исключением того, что запрещается в Конституции: пропаганда насилия, фашизма.

Малинкович. Об этом мы даже не говорим, это ясно, во всех демократических странах так. Но неужели у вас больше нет запретных тем?

Карпенко. Есть темы нежелательные, есть темы, которые с большим трудом на страницы газеты попадают, потому что люди не хотят информацию давать, которая нам нужна.

Малинкович. Но централизованно вам ничего не запрещается? Нет таких органов, которые бы вами сейчас

управляли, как это было прежде? Или все-таки вы чувствуете давление?

Карпенко. Давление мы всегда чувствовали и чувствуем теперь, хотя сейчас оно ослабло. Давление аппарата. Сейчас мы больше прислушиваемся к общественному мнению и руководство наше вынуждено считаться с общественным мнением. Сейчас легче стало. Во всяком случае теперь меня уже не вызывают, не предлагают отставки, не угрожают исключением из партии самым демократическим способом: тайным голосованием на пленуме горкома, допустим, хотя они и не в большом восторге от наших публикаций.

Малинкович. Но существует ли цензура как таковая?

Карпенко. Да, цензура существует. Это Главлит, так называемый. Это Управление по охране государственных тайн в печати. Так оно называется, это факт известный, о существовании у нас цензуры говорил Горбачев, по-моему, в интервью газете «Унита». В Главлите есть перечень, что можно и чего нельзя публиковать. Мы сейчас попытались написать в газете о цензуре. Приехал сюда заместитель главного цензора. Всё прочитал, без обид, и говорит: «Нельзя ли, не смогли бы вы помягче сказать? А то нам оскорбительно». А там что-то было в том духе, что цензура, мол, — сторожевой пес административной системы.

Малинкович. Это в газете было?

Карпенко. Это в газете было. Так оно и осталось. Он мне говорит: «Ну какие же мы...» А я отвечаю: «Извините, не о вас речь, а обо всей системе. Так что лично вас это не касается, мы вас очень уважаем». И эта тема появилась у нас в газете.

Так что и цензура сейчас ослаблена намного. Например, раньше у нас запретная тема была чернобыльская. Мы не получали никакой информации, особенно по последствиям аварии, идеологическим в частности. Сейчас свободней стало, больше информации проходит у нас, много послали ограничений, цензурных имеется в виду, но все равно они пока еще существуют.

Малинкович. Может быть, поможет закон о печати?

Карпенко. В законопроекте, который готовится сейчас

(о печати и других средствах массовой информации), по моему, в первой же статье записано, что массовая информация не подлежит цензуре. Это вызвало большие дебаты среди депутатов. Главный цензор возражал против этого.

Писанская. Да, что же им делать-то потом, чем заниматься?

Карпенко. Где-то в 42-й статье сумели завуалировано все-таки цензуру эту протащить, и вот она в проекте есть. Сейчас критикуют это положение.

Писанская. Понимаете, у них в этой цензуре еще что было: они иногда нам запрещали даже то, чего у них нет в перечне. Т.е. у них еще какой-то там внутренний цензор сидел. Они думают: как бы чего не вышло, а вдруг я это пропущу и тогда... Но правда, Виталий Афанасьевич их спрашивал: «А где записано, что это печатать нельзя? Покажите, где записано, что нельзя, тогда мы не будем об этом писать». Таким образом мы, кажется, свою цензуру приучили, и они уже как-то меньше мешать стали.

Малинкович. Очевидно, общественное мнение не всегда готово правильно воспринять какую-то пусть даже самую острую и необходимую тему. Видимо, тут нужна такая работа газеты, которая готовила бы это общественное мнение. Как вы к этому относитесь? Даже тот же вопрос привилегий: может быть, не нужно вызывать у людей только какие-то агрессивные эмоции, деструктивные настроения, а предлагать и конструктивные решения, перспективы на будущее.

Писанская. Да. Дело в том, что, когда я писала, готовила эти материалы (их у меня там шесть или семь, не помню точно, но довольно-таки много), я тоже боялась, что люди обозлятся, будут настроены, как вы говорите, агрессивно. Но меня, с одной стороны, как-то успокоило, а с другой стороны, даже несколько разочаровало (потому что все-таки у нас сейчас очень большие надежды на то, что общественное мнение имеет уже какую-то силу), когда я столкнулась с целым потоком писем, особенно после первых

двух-трех публикаций. Ну, там было так: мы возмущены всем этим и восхищены смелостью газеты. Вроде это приятно, да? Потом второй раз, потом третий. Но ведь кроме того, что они возмущены и восхищены, ведь никто — ни наши неформальные организации, ни депутаты, которые в своей программе ставили эти социальные вопросы, вопросы социальной справедливости — никто ничего не предпринимал. Понимаете? Вот, где проблема.

С одной стороны, я немножко боялась, что могу кого-то подтолкнуть к каким-то антиобщественным выходкам. А с другой стороны, меня удивило, что ничего не происходило, никто ничего не предпринимал. Не было никаких забастовок, не было пикетирования, ничего не было. Т. е. мы еще спим. Наше общественное мнение, я считаю, при всем при том, еще спит. Мы еще возмущаемся на кухне, зная, что наше возмущение дальше кухни и собственной квартиры не уйдет. Я думаю, это плохо. Я не говорю, что надо идти в бой и громить, но надо как-то все-таки реагировать.

Карпенко. Я не могу согласиться с Валентиной Викторовной, что общественное мнение спит. Оно все-таки разбужено, снизу разбужено. Просто люди правильно воспринимают реальность. Это хорошо, что правильно воспринимают. В этом вопросе нужно разобраться. Я думаю, что в вопросе о привилегиях номенклатуры есть как политический, так и экономический смысл, но еще более острый здесь аспект нравственный. И, безусловно, люди этими привилегиями возмущены и в общем-то есть очень конструктивные предложения. Мне кажется, что к общественному мнению просто нужно прислушиваться.

Малинкович. Следующий мой вопрос касается иной темы. Как вы относитесь к суверенитету Украины? Считаете ли вы, что Украина может немедленно, уже сейчас, отделиться, или вам кажется более приемлемой какая-то плавная форма достижения суверенитета, ну, скажем, в составе советской конфедерации, построенной на основе нового союзного договора? Михаил Горбачев, например, предлагает федерацию с широкой автономией для республик. А Эдуард Шеварднадзе, если вы знаете, выступая

на Пленуме ЦК КПСС говорил, что очевидна необходимость превращения СССР в союз суверенных государств, по сути, в конфедерацию. Ваше мнение?

Карпенко. У меня очень четкая позиция в этом вопросе. Решение зависит только от народа. Только народ должен вынести свой окончательный вердикт. Без обсуждения с народом никто не в праве выбирать какую-либо форму государственного устройства. Мое мнение: республике нужен суверенитет — и экономический, и политический. Я не вижу сейчас в наших условиях (а мы все же должны исходить из реальности, из того, что создан народно-хозяйственный комплекс, что все очень связано между собой) возможности отделения. Мне кажется, что мы к суверенитету должны идти постепенно — именно на основе нового союзного договора и расширения самостоятельности во всех сферах. Я считаю, что Украина как государство — член ООН должна иметь примерно такой же суверенитет, как и другие страны, в вопросах экономики, культуры, спорта (нам нужна своя сборная) и во всех других вопросах. Но думаю, что процесс этот длительный. И пока я не вижу Украины вне Союза.

Малинкович. Пробует ли ваша газета выявить общественное мнение по этому вопросу? Не пыталась ли газета, к примеру, провести анкетирование с тем, чтобы определить, какой процент населения Киева выступает за немедленное отделение Украины, какой процент — за конфедерацию, т. е., по сути, за союз суверенных государств, какой — за федерацию, а какой — за статус кво? Был ли у вас такой опрос?

Карпенко. К сожалению, такого опроса не было. Было проведено, совместно с социологами, предвыборное анкетирование, которое выявило неоднозначную реакцию в обществе, но то, о чем вы говорите, мы планируем провести в будущем.

Писанская. Тема эта у нас уже идет. В разделе под рубрикой «Трибуна депутата» депутаты говорят об этом, о своем видении этой проблемы.

Карпенко. Да. Мы предоставили место всем народным депутатам СССР, избранным в Киеве (их 7 человек). Сейчас активно обсуждается проект перехода города Киева на хозяйственную самостоятельность, на самоуправление, что тесно связано с более общими вопросами. Такие выступления у нас печатаются.

Малинкович. Очевидно, также интересно, как реагирует русскоязычное население на то, что республика должна переходить на украинский язык. И здесь были бы важны данные социологического опроса.

Карпенко. Русскоязычное население по-разному на это реагирует. Есть люди, которые высказываются резко против, но есть среди русскоязычных и те, кто считает, что на Украине украинский язык должен быть государственным и все уважающие народ, среди которого живут, должны изучать украинский язык. Мы знаем об этом по письмам в газету.

В нашей газете мы уделяли проблеме языка много внимания всегда — даже тогда, когда об этом было не принято говорить и в защиту украинского языка выступали только радикалы. Кстати, именно статьей Ивана Дзюбы в нашей газете началась дискуссия о языке. Это были первые его выступления в общей печати. Раньше он нигде, кроме «Литературной Украины», на эту тему не мог высказаться.

Сейчас у нас уже принят закон о языке — довольно прогрессивный закон по сравнению с тем, что было, но и в нем есть консервативные элементы. Сроки перехода иногда слишком растянуты, хотя я считаю, что главное в том, чтобы больше работать для развития национального самосознания.

Наша газета двуязычная. В свое время, в 83 году, было принято волевое решение о дублировании, конечно же, «идя навстречу пожеланиям трудящихся». Для журналистов это был большой удар, потому что на этом сэкономили. Нам по сути приходится выпускать две газеты, а штат, творческий состав тот же. Нам добавили лишь переводчиков, машинисток, корректоров, технический персонал, да и то не в полном объеме. Так что мы больше склоняемся к тому,

чтобы выпускать одноязычную газету. Я высказал такое предложение, но потом от него отказался, потому что посыпались письма и по письмам я понял, что большой массив русскоязычного населения протестует.

Писанская. Рано еще. Немного впереди мы побежали в этом вопросе.

Карпенко. Может быть, и так. Сейчас мы целыми полосами давали дискуссию о языке, причем представлены были разные мнения. И Дмитро Павлычко у нас выступал (вызвал большую почту), и его оппонент — кандидат биологических наук Котенко (которая собрала еще большую почту). И всё это мы печатаем.

Общая обстановка у нас в городе и в республике в области языка меняется в лучшую сторону, и наши публикации, думаю, принесли большую пользу. В прошлом году на один экземпляр украинского варианта нашей газеты приходилось три русскоязычных экземпляра «Вечернего Киева», а в этом уже соотношение 1:2. А подписка добровольная — никто никому ничего не навязывает. Если подписка на украинский вариант выросла до 147%, то на русский осталась без изменений, хотя в абсолютных цифрах русскоязычный тираж все еще превышает украинский вдвое. Но наметилась устойчивая тенденция, которая, думаю, будет развиваться.

Малинкович. Представляет ли русскоязычное население все преимущества превращения Украины в нормальное европейское государство?

Карпенко. Затрудняюсь ответить на этот вопрос. Специальных опросов мы не проводили, каких-либо ярких писем на эту тему не было. Думаю, что сейчас еще рано говорить о сложностях или преимуществах такого пути. Будет, вероятно, и то и другое.

Малинкович. В чем вы видите основные резервы, необходимые для дальнейшего развития общества?

Карпенко. Я считаю, что мы не исчерпали еще всех возможностей, которые предлагает социалистическая идея.

Она была деформирована. Мы пошли не в ту сторону и зашли в тупик. Будем говорить откровенно: социалистические идеи все еще привлекательны для многих не только у нас, но и за рубежом. По-моему, потенциальные возможности есть еще и в нашем обществе, и в развитии самой социалистической идеи.

Писанская. Главный резерв, думаю, заключается в том, что люди уже не желают жить так, как раньше жили, они хотят жить лучше. И в этом их стремлении — важнейшая движущая сила.

Малинкович. Коммунистическая партия сейчас отказывается от монополии на власть, готова признать многопартийность. В случае образования новых партий, в какой бы вы хотели состоять?

Карпенко. Я остаюсь в компартии, т. к. верю в ее потенциальные возможности, но она, конечно, должна очиститься и возродиться. Это безусловно.

Что же касается монополии компартии на власть, то мы, как уже говорилось на Пленуме ЦК КПСС, фактически уже живем при многопартийности, хотим того или нет. И ее нужно просто закрепить юридически. У нас на Украине есть уже практически партия «зеленых» (общество «Зеленый мир»), да и «Рух» — это ведь тоже политическая структура. Я, например, считаю, что нужна крестьянская партия, потому что село у нас и в прошлом и сейчас в загоне и никто не защищает интересы крестьян. Я вполне поддерживаю идею многопартийности и думаю, что мы к этому скоро придем.

Малинкович. Какие из последних событий вы считаете наиболее важными?

Карпенко. Февральский Пленум ЦК КПСС, который принял Платформу партии к съезду. Там есть и прогрессивные предложения, но немало и непоследовательных и половинчатых решений. Все это обсуждается сейчас в парторганизациях. Там, в «партийных низах», кипит жизнь. У нас в Киеве созданы параллельные структуры в парторганизациях, партклубы. Недавно я был на собраниях

партклубов в университете и в политехническом институте. Там люди настроены более решительно. У них, по сути, такая же демократическая программа, как и у партклубов Москвы.

И еще одно из важных явлений. Не знаю, заметили вы или нет, но в Киеве сейчас много слухов о предстоящих погромах. Нам в газету об этом постоянно пишут. И мы первыми забили по этому поводу тревогу, собрали «круглый стол», где были представлены различные неформальные объединения: «Рух», «Мемориал», Общество украинского языка, Украинский хельсинкский союз, две еврейские организации и т. д. И все пришли к общему выводу: слухи эти распространяют те, кому не по нутру перестройка. Мы решили организовать «живую цепь единения» по всему городу. К сожалению, горсовет разрешил провести только митинг. Об этом же шла речь на Пленуме ЦК КПУ, но там, увы, единодушия не было. Не однороден наш нынешний состав ЦК, но это уже наша внутренняя проблема.

23 февраля 1990 г.

От редакции: 25 февраля Виталий Карпенко открыл митинг, о котором шла речь в интервью. На этом митинге присутствовало около 70 тысяч человек. 4 марта В. Карпенко избран депутатом Верховного Совета УССР.

Виталий Крюков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА

Виктор Крюков — юрист, специалист в области государства и права, член экспертной группы Киевского клуба народных депутатов СССР, один из авторов альтернативного законопроекта о выборах на Украине.

Политический процесс на Украине находится сейчас в большей мере под воздействием не столько специфических, национально-исторических, сколько общих факторов, предопределенных тем социально-политическим контекстом, в котором республика находится последние 72 года, а также условиями современного мирового развития.

Чаще всего можно услышать об экономическом кризисе советского общества (в неофициальных кругах) или же о предкризисном состоянии экономики (в официальных). Если рассмотреть экономические процессы, происходящие в стране с учетом развития мирового хозяйства и реального экономического состояния государств Восточной Европы, Кубы, Вьетнама и иных стран, идущих «социалистическим путем», то иначе как глубоким и обширным экономическим

кризисом их состояние вряд ли удастся охарактеризовать, не погрешив против истины. Иными словами, есть вполне достаточно оснований видеть за всем этим *всеобщий экономический кризис* советской социалистической модели, или системы «сталинского социализма».

Гораздо реже кризисное (или пусть предкризисное) состояние экономики связывается с современным состоянием политической структуры советского общества, а точнее — с его (общества) политическим кризисом. Признаки такого кризиса — перенапряжение монопольных политических структур (в СССР, например) вплоть до их частичного или даже полного распада (в странах Восточной Европы), стремительное падение авторитета официальных институтов власти, качественные изменения конституционно-законодательных начал и пр. — вполне очевидны, хотя и недостаточно, пожалуй, еще обобщены. Но всякий серьезный и непредвзятый анализ вряд ли и здесь может не закончиться выводом: в своей совокупности все эти явления свидетельствуют о *всеобщем политическом кризисе* той же модели общества.

К сожалению, внимание аналитиков, как правило, как раз и ограничивается дихотомией экономика-политика или политика-экономика. Но все более и более глубокое проникновение в реальность происходящего, накопление все большего числа неразрешимых при данном подходе противоречий неизменно подтолкнет исследователей к единственно возможному и вполне логичному, на наш взгляд, выводу: и политический кризис здесь не первичен, а производен. Но производен вовсе не от экономического кризиса (хотя здесь есть, безусловно, диалектическая взаимосвязь), как это еще и сейчас пытается представить официальная идеология. Необходимо вспомнить о генетической производности политики от идеологии, не ограничиваясь диалектически-функциональной ее связью с экономикой. В самом деле — может ли политический кризис такого масштаба и такой глубины быть вызван только экономическими неурядицами и объяснен хоть и глобальными, но все же «отдельными недостатками и просчетами»?!

Конечно же, нет. А вот если исходить из генетической связи политики и идеологии, то вполне логично увидеть в качестве детерминанты всеобщего политического кризиса кризис идеологический, кризис мировоззренческий, наконец, кризис философии марксизма в его большевистской интерпретации. Иными словами, мы присутствуем при пусть еще и далеко не осознанном, но все же всеобщем кризисе идеологии, в соответствии с которой и на основании которой была порождена и тиражирована в мировом масштабе советская социалистическая модель. Таким образом, печальной реальностью момента является также и *всеобщий идеологический кризис* системы.

Суммировать сказанное нельзя иначе, как утверждением: система «реального социализма» в результате своего масштабного и длительного развития пришла в конечном счете к своему закономерному итогу — *всеобщему кризису*, первопричиной которого и стал кризис идеологии российского левого радикализма. Иными словами: всеобщий кризис, о необходимости которого все время говорили большевики, — свершился, хотя и в непредсказанном типе общественного устройства. Единственный вывод, который здесь возможен, заключается в том, что такой итог никак не является исторической неожиданностью или алогичностью, а напротив — он был изначально, к сожалению, предопределен заложенной в основание этого типа социальной системы идеологией.

Однако из этого совсем не следует, что здесь «виноват» сам марксизм в своем первоизданном, а не переосмысленном и существенно упрощенном левым крылом российской социал-демократии виде. Вполне допустимо, что несмотря на то, что марксизм в его большевистской интерпретации показал свою историческую несостоятельность не только «в отдельно взятой стране», он все же обладает изначально значительной теоретико-методологической потенцией, которая вполне может быть продуктивна в иной его интерпретации. А потому говорить или предполагать его уход с идеологической арены вообще было бы в принципе неверно. Историческая перспектива, видимо, в ином: в

возникновении новой философии, гносеологические корни которой будут именно марксистскими, но реальное содержание будет сформировано в соответствии с уже достигнутым человечеством уровнем цивилизации, в том числе и ее философских воззрений. Это может быть как осовремененный марксизм (неомарксизм), так и весьма существенно, в некоторых аспектах даже концептуально, переосмысленный марксизм (постмарксизм). Тот же марксизм, который был философской основой левого радикализма в XX веке, хотя и будет еще длительное время претерпевать множественные попытки политической реанимации, иступленных заклинаний, догматического «очищения» и «восстановления», исторически обречен. Во многом он, как представляется, повторит историческую судьбу троцкизма (тем более, что в сталинской интерпретации он сущностно мало чем от него отличается).

Поэтому единственно ответственное и достойное поведение любого здравомыслящего и честного мыслителя может состоять в том, чтобы, с одной стороны, дать умирающему спокойно и достойно уйти из жизни в историю, а с другой — способствовать возникновению, развитию и распространению той философии, которая отвечала бы современному уровню и прогрессивным тенденциям развития *всей цивилизации*. Пусть это новое мировоззренческое учение будет не «вечно живым», пусть оно будет не «самым-самым», но пусть именно оно наиболее точно отражает реальности современного бытия цивилизации и объективные тенденции ее развития, пусть, наконец, оно позволяет делать достоверные прогнозы ее эволюции в целом.

И раз уже человечество все более осознает себя как некое *единство* — единство условий, проблем, целей и будущности, оно неизбежно «обречено» на создание его (этого единства) философского начала. У французов есть поговорка: «вся мудрость в одной голове не поместится». По вполне приемлемой аналогии можно заключить, что вся мудрость и в одной теории не поместится. Однако возникновение общих мировоззренческих начал цивилизации — неизбежно.

Украина в известной мере обречена сейчас на заимствование философских взглядов, политических идей и концеп-

ций социального развития, однако достижение необходимой для самостоятельного и продуктивного мировоззренческого развития интеллектуальной концентрации хоть и существенно затруднено, но вполне возможно и исторически весьма вероятно. Многое здесь будет зависеть от степени реальной свободы ее граждан, социальных групп, различного рода общественно-политических образований, в конечном счете — от уровня демократичности ее политических процессов. Реальное же содержание последних предопределяется, как известно, множеством обстоятельств и предпосылок.

Не будем специально останавливаться на анализе политической культуры и гражданского самосознания украинского общества — они, безусловно, возросли в последние годы, однако реальный их уровень косвенно выражается в неожиданно низкой, к сожалению, активности граждан в нынешней избирательной кампании. Но вот общий анализ действительно новых элементов политической жизни украинского общества — так называемых неформальных политических или политизированных ассоциаций и движений — представляет определенный интерес. Надо заметить, что некоторые из них уже получили свое официальное признание, они зарегистрированы государственными органами и потому считать их неформальными в принципе неверно. Это скорее неофициальные, т. е. возникшие и действующие не только в отсутствие инициативы партийных, государственных, профсоюзных и иных конституированных структур политической системы советского общества, но нередко даже и вопреки их однозначно выраженному негативному мнению и отношению.

В настоящее время многим неофициальным политическим движениям — и это в принципе вполне естественно для начального этапа их существования — свойственны низкая организационная интегративность, большая пестрота мировоззренческих позиций, теоретических идей, концептуальных подходов. Их консолидация вполне возможна на моменте отрицания, конфронтации с существующим режимом, но весьма затруднена в отношении позитивного, конструктивного развития общества. Для последнего у них нет пока теоретического единства и общности взглядов на

историю Украины, нет согласованной оценки современного политического состояния украинского общества, нет, наконец, целостного и опять-таки общего видения его исторических перспектив — и желаемых, и реальных.

Если же к этому добавить еще пока более слабую, по сравнению с официальными политическими структурами, организованность и дисциплинированность, то картина получится вряд ли весьма обнадеживающей для демократического политического процесса. Но это лишь моментный срез, картина эта непрерывно меняется, причем во всех своих аспектах, фрагментах. И потому, говоря о прогнозе, необходимо учитывать следующее.

Во-первых, кризис официальной идеологии, с одной стороны, объективно создает благоприятные условия для самостоятельного мировоззренческого поиска и развития, а объективно существующая потребность в новой философии у неформальных политических структур и их фактическая политическая независимость от официальных философских взглядов, будут существенно стимулировать и этот поиск, и это развитие. С другой стороны, официальные политические структуры обречены на чрезвычайно болезненное, противоречивое, а, следовательно, и медленное, малопродуктивное преодоление этого кризиса и именно потому, что это для них есть не «очищение», не «восстановление истинных идей» и «возвращение к принципам», а как раз преодоление самое себя, отрицание своей сущностной качественности. В конечном счете официальные политические структуры обречены на изменение своих сущностных начал — они должны стать в этом процессе своими могильщиками. Пойдут ли они на это в интересах общественного развития не только своего народа, но и всей цивилизации? Хотя неофициальные политические структуры пока недостаточно мировоззренчески зрелы и теоретически обеспечены, они находятся в более благоприятном политико-психологическом контексте, чем официальные, а потому их выход на новый теоретический уровень может быть эффективен и во временном, и в содержательном отношении. Однако эта ситуация неизбежно чревата бескомпромиссным идеологическим противоборством.

Во-вторых, глубокий политический кризис существующего строя, породил возможность активного выхода демократических сил на политическую арену. Если исходить из ленинской мысли, что нет и не может быть никакого политического воспитания вне политической борьбы, вне политических действий, то сейчас как раз и появилась реальная возможность такого воспитания именно посредством такой борьбы и таких действий. Новые политические силы получили не только определенный простор для своего становления и развития, но и возможность практической проверки истинности своего мировоззрения и действенности своих теорий, с одной стороны, активной их пропаганды и распространения, с другой.

В то же время официальные политические структуры, вследствие глубокого идеологического кризиса, испытывают весьма существенные затруднения в ведении политической борьбы и осуществлении политических действий именно идеологическими средствами и методами. Тем более, что эти структуры никак пока не решатся отказаться от следования очевидно уже мертвым постулатам, от попыток реанимировать исторически уже отвергнутые догмы. И дело здесь не только в интеллектуальной импотенции, хотя и это не редкость, а в коренных, жизненно важных интересах этих политических сил. Идеологическое противостояние с неизбежностью должно перейти на Украине в открытую политическую конфронтацию. И, как говорится, дай Бог, чтобы она осталась в парламентских границах и разрешалась исключительно демократическим путем.

В-третьих, организационное преимущество официальных политических структур, о котором говорилось выше (и благодаря которому нынешняя кампания на Украине имеет свое реальное содержание), также обладает тенденцией к изменению. И здесь, с одной стороны, опыт политической борьбы и политических действий выкристаллизовывается в опыт организационный, повышает стабильность организационных структур новых политических сил и движений. Настоящий этап как раз определяется стабилизирующими, конструктивными факторами. А с другой стороны, идеоло-

гический и политический кризис системы оказывает деструктивное влияние на организационную стабильность и даже целостность официальных политических структур. Одновременное действие указанных тенденций в недалекой перспективе должно свести на нет существующее пока организационное преимущество официальных политических структур.

Наконец, в-четвертых, анализируя проходящий сейчас на Украине политический процесс, прогнозируя его тенденции, необходимо обратить внимание еще на одно важное обстоятельство: размежевание политических сил происходит не только по линии раздела официальных и неофициальных структур. Оно становится все более и более реальным и существенным в рамках самих официальных структур. Уже вполне наметилась и прогрессирует тенденция политической дифференциации практически всех традиционных общественных организаций — от комсомола до партии. Подчеркнем — именно политическая дифференциация, хотя проходит она пока еще в организационных рамках этих организаций. Эта дифференциация имеет столь глубокие принципиальные основания (прежде всего идеологические) и число сторонников диаметрально противоположных взглядов столь значительно, что эволюционное изменение качества этих структур в рамках их организационного единства представляется маловероятным. Более логичен и исторически неизбежен видимо все же их организационный раскол (пример — судьба компартии Литвы). Такие тенденции уже наметились и на Украине — в молодежной среде, в профсоюзах, в кругах научной общественности и т. д. Ожидать, что консервативные (прежде всего идеологически консервативные, догматические) силы добровольно «отдадут» официальные политические структуры, было бы слишком наивно. В то же время прогрессивные, демократические силы, которые, безусловно, в этих структурах есть, не смогут принять действительно активное самостоятельное участие в политическом процессе, если организационно не обособятся.

Следовательно, наша перспектива — не биполярная

политическая модель общества, а скорее некий политический треугольник с определенной «любовью» и взаимным тяготением между новыми политическими силами и движениями и организационно обособившимися прогрессивно-радикальными силами традиционных для советского общества политических структур.

Но все это возможно при условии нормального, ненасильственного политического развития общества, вероятность которого вряд ли может быть кем-то сейчас достоверно оценена. И в заключение — о *ближайших* политико-правовых перспективах на Украине (хотя как раз краткосрочные прогнозы — самые опасные: их легко проверить и о них трудно забыть).

В значительной мере эти перспективы зависят от итогов предстоящих выборов в Верховный Совет УССР, а конкретнее — от его реального состава: представительства существующих политических сил, их профессиональной подготовленности именно к политико-правовой деятельности, их юридической грамотности, наконец, их интеллектуального уровня и нравственного начала. Анализ даже корпуса кандидатов уже не дает веских оснований рассчитывать на высокую качественность Верховного Совета республики, выборы же вряд ли существенно скорректируют этот прогноз. Слишком еще организационно влиятельны оказались официальные политические структуры и объективно слабы — теоретически и организационно — структуры новые. Поэтому составить существенную часть Верховного Совета и оказать реальное влияние на его работу последним практически не удастся. Они не могут реально овладеть организационным началом Верховного Совета, его ближайших сессий, осуществить демократические назначения, реализовать прогрессивную программу законодательной деятельности, хотя попытки такие, безусловно, будут. Но вот что они действительно могут и должны — это стать конструктивной оппозицией. Стать сразу и определенно, причем с одним неперемennым условием: акцент в их деятельности должен быть сразу поставлен не на их оппозиционности, а на их конструктивности, демократичности и продуманности позиций по всем вопросам

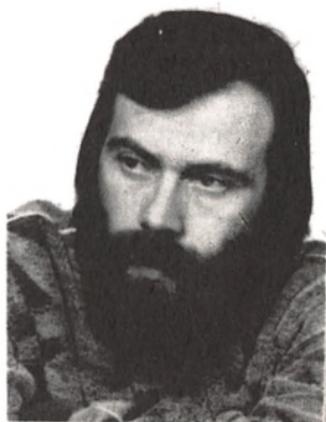
деятельности Верховного Совета УССР. Изначально верное определение своей функции в Верховном Совете УССР позволило бы этим депутатам наиболее эффективно использовать свой статус и свои реальные возможности в политическом образовании, просвещении граждан Украины, в агитации и пропаганде новых, прогрессивных воззрений, идей, теорий и концепций, в активном влиянии (с учетом реально возможного) на развитие политического процесса на Украине в прогрессивном направлении.

23. 02. 1980 г.

Михаил Погребинский

ЭТАП ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ

Михаил Погребинский — депутат Киевского горсовета, физик.

Вопрос: Результаты перестройки многовариантны. Какова логика движения в вашем видении?

Ответ: Вначале по инициативе группы Горбачева была предпринята попытка выхода из экономического тупика путем традиционных «заговоров» в стиле «ускорения научно-технического прогресса» и «приоритет — машиностроительному комплексу». Уже на первом этапе, по-видимому, шел процесс гуманизации политического мышления в группе лидера. Этот процесс вышел на поверхность почти никем не замеченной фразой Горбачева на Иссык-Кульском форуме — фразой, так сказать, на экспорт. Если я не ошибаюсь, фраза появилась только в «Литгазете» в репортаже с форума: «Общечеловеческие ценности имеют приоритет по отношению к групповым, в том числе классовым, интересам».

Итак, было сказано Первое Слово!

Второй этап перестройки — прокламация экономичес-

ких реформ, не затрагивающих, однако, сущности авторитарно-бюрократической системы. Конечно же, попытка косметического ремонта была вполне утопичной. Кажется, даже Лидер не верил в нее. Время для следующего шага (хочется сказать Слова) еще не пришло. Ведь Лидеру необходимо готовить не общество к следующему шагу, а единственную свою опору - аппарат. Слишком монолитен он был в тот момент. Как расшатать этот монолит? Как создать в нем хотя бы трещину? Как лишить его сокрушающей силы? Рецепт найден в «гласности». Этот уродливый, поначалу вполне советский, заменитель свободы слова сделал-таки свое дело. Правда, решая локальную задачу Лидера, «гласность» походя стала крушить устои. Окрики сверху уже не могли остановить лавинный процесс. Именно в этот момент были включены «часы необратимости».

Апогеем второго этапа стала XIX партконференция, провозгласившая необходимость политических реформ. Там же прозвучало, опять мало кем замеченное, Второе Слово: «Праворазе государство». Прошло всего 1,5-2 года и это диковинное сочетание слов стало столь же привычным, как и наше родное «дефицит».

Начало третьего этапа - появление массовых движений. На этом этапе до сих пор не превзойденный в других республиках пример высокой организованности и зрелой политической культуры показали прибалтийские народные движения. Дать интегральную политическую оценку третьего этапа перестройки затруднительно, т. к. слишком важны отличия и особенности массовых движений в различных регионах Союза. Ясно лишь одно: в перестроечные процессы включается более или менее мощный фактор. На фоне квалифицированной дискредитации авторитарно-бюрократических структур, выполненной лидерами левой публицистики, и ухудшающегося положения на потребительском рынке активность относительно больших групп населения вызвала на некоторое время оцепенение в право-консервативных, охранительных слоях общества. Важную роль в политизации общества сыграли первые выборы и первый

съезд народных депутатов СССР, работа Верховного Совета Союза.

Выход консерваторов из оцепенения и первые их попытки «собирания сил» можно связать с ленинградским митингом и последующей активностью среднего звена партаппарата. В этом же ряду — деятельность «интерфронт» и «объединенных фронтов трудящихся».

Третье ключевое Слово было произнесено (точнее — написано) Лидером в одной из его последних теоретических статей и, увы, опять не нашло еще необходимого резонанса. Это Слово: «Гражданское общество».

Позволю себе выстроить эти три Слова в ряд:

«Приоритет общечеловеческих ценностей» — «Правовое государство» — «Гражданское общество».

Что же дальше? Похоже, Лидеру необходимо было осознать, что для того, чтобы не сбиться с пути, ему нужно отказаться от роли ведущего. Полшага в этом направлении сделал февральский Пленум ЦК КПСС. Следующие полшага пройдены на весенней сессии Верховного Совета СССР, где приняты законы о собственности, земле и др. Еще один важный шаг — выборы в Верховные Советы республик и местные Советы.

Вопрос: Каково, по-вашему, ближайшее будущее Украины? Должна ли она непременно отделяться? Какая форма государственности Украины наиболее приемлема?

Ответ: Как это ни парадоксально, но прогноз ближайшего будущего сделать значительно сложнее, чем более отдаленного. Сегодня весь Союз, а с ним вместе и Украина, переживает в высшей степени критический момент. Очень многие люди с тревогой ожидают вечернюю передачу по программе «Время». Все настойчивее звучат опасения возможности государственного переворота. Использование спецвойск на периферии Союза в удалении от Москвы усиливает эти опасения: власть в Москве может рухнуть организованными усилиями одного-двух полков. Я не разделяю столь мрачных прогнозов, но и оснований для оптимизма не слишком много. Сегодняшнее состояние

напоминает мне знаменитый физический эксперимент. На вертикально установленный стержень оказывают строго вертикальное же давление. При некотором критическом значении этого давления произойдет изгиб стержня в одну из сторон — налево или направо. Принципиально невозможно предсказать в какую! Размышления над этим и подобными экспериментами привело к рождению новой дисциплины в естествознании — синергетики. В этой науке есть любопытное понятие — странный аттрактор. Им обозначают состояния, к которому эволюционирует нелинейная система, причем для наблюдателя эта эволюция воспринимается как хаотическое движение. Так вот, я рискну высказать предположение к какому «странному аттрактору» движется политическая ситуация на Украине. Разумеется, я попытаюсь наметить лишь некоторые характерные черты.

1. Украина — суверенное государство в рамках союза, с экономикой, в значительной степени ориентированной на связи с союзными республиками-государствами («Союзный общий рынок»), а в политико-культурной сфере — существенно ориентированное на страны Центральной Европы.

2. В политическом спектре — наиболее влиятельные право-центристские партии (партия?), близкие по идеологии к либеральным партиям Западной Европы. Слева (но близко) от центра — правые социал-демократы с опорой на независимое рабочее движение. Партии левее — социалисты, коммунисты — для украшения спектра. Вполне правые — главным образом в Западной Украине — клерикальные партии.

Почему? Думаю, репутацию социалистических идей восстановить на Украине вряд ли возможно. Что же касается либералов, то мне представляется, что их социальной базой должны стать нынешние 25-30-летние, уже ощутившие на собственном опыте преимущества, которые предоставляют толковым людям условия свободного предпринимательства и, шире, — свободной продажи своих рук, своих творческих способностей, пусть пока — в полутеневой экономике.

Сегодня эти ребята еще не осознали, что свои интересы

необходимо защищать в политической борьбе. Прагматизм пока отвращает их от участия в политической жизни. Но я уверен, что пройдет лет 5 и новая генерация полигиков либерально-демократического толка заявит о себе вполне внушительно.

3. Наиболее приемлемая форма государственности? Я хочу отметить лишь одну деталь, на мой взгляд весьма важную. Фундаторам новой Украинской государственности придется, если они захотят сохранить Украину в ее нынешних границах, осознать, что необходимым условием нормального развития является предоставление максимальной свободы выбора территориальным образованиям — вплоть до права приостанавливать действие государственных (украинских) законов на той или иной территории, если они не поддерживаются большинством жителей, проживающих на ней.

Вопрос: Есть ли опасность возникновения «Интерфронта» на Украине?

Ответ: Пока такой опасности нет. Пока «Рух» декларирует общедемократические принципы, пока нет *действий*, направленных против интересов неукраинского населения (более точно — не ориентированных на приоритет национальных и национально-государственных задач) — «Интерфронт» как серьезная политическая сила невозможен. Он невозможен пока есть враг в лице пресловутого «Аппарата».

В будущем (возможно близком) я предвижу противоречия в лагере прогрессивных сил между национальным (его можно назвать национально-освободительным) движением и движением либеральным, общедемократическим. Это противоречие в латентной форме существует и сегодня, однако — главным образом, в виду слабости общедемократического движения, из-за отсутствия лидеров — оно не было до сих пор ясно артикулировано. Суть этого противоречия: законное требование равенства сегодня гражданских прав всех жителей Украины независимо от национальности входит в конфликт с закономерным же правом той части коренной нации, которая сохранила свою принадлежность к

украинскому этносу или страстно желает украинского самоопределения, на возрождение украинской культуры, создание украинской государственности.

Набравший скорость каток русификации, проводимой насильственными методами на протяжении столетий, не может быть остановлен чисто демократически. Возрождение украинского этноса потребует каких-то насильственных (разумеется на уровне законов) мер. Где допустимый для нормального общественного развития предел насильственной «украинизации»? Каковы должны быть темпы, тактика и стратегия украинизации? Поиск ответов на эти вопросы увенчается успехом, если в нем *на равных* примут участие кроме «национальных сил» также и либеральная интеллигенция, которая должна сочувственно относиться к целям украинского национального возрождения.

Вопрос: Возможно ли, необходимо ли сейчас объединение демократических сил в своего рода «Гражданский форум»? Реально ли ожидать переговоров за «круглым столом» между властью и оппозицией?

Ответ: Постановка сегодня вопроса о «Круглом столе» или «Гражданском форуме» представляется мне преждевременной. Необходимо еще пройти этап политического структурирования той части населения Украины, которая не включена в национально-освободительное движение (последнее в значительной степени уже структурировано). Первые шаги в этом направлении уже пройдены. Это, прежде всего, зачатки независимого рабочего движения (стачкомы). Должно пройти не менее года, чтобы состав участников «Гражданского форума» был более или менее представительным. Возможно также, что будут найдены другие формы диалога.

Вопрос: Может ли сейчас появиться партия, готовая перенять власть у КПСС?

Ответ: Такой партии нет. Не думаю, что скоро появится. По-видимому, нужен некий переходный период от монополии КПСС к многопартийной системе. В этот период передача властных полномочий от КПСС — Советам,

исполнительным органам и судебным властям может происходить под контролем института президентской власти.

Политическая форма, в которой я мог бы занять место, — политклуб либеральной партии, «Гражданский форум». Увы, сегодня этих мест нет.

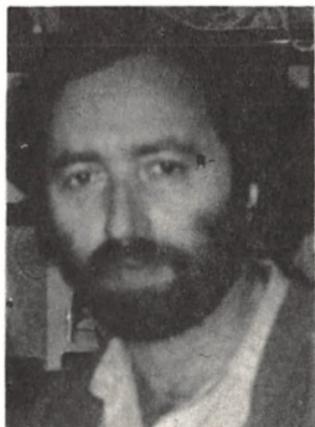
От редакции: 18 марта Михаил Погребинский был избран депутатом Киевского горсовета.

24 февраля 1990

Иосиф Зисельс

АНТИСЕМИТИЗМ СТАЛ ИНЫМ

Иосиф Зисельс — правозащитник, бывший политзаключенный, сопредседатель конфедерации еврейских организаций СССР (ВААД).

Вопрос: Каково сейчас положение евреев на Украине и чем оно отличается от положения евреев в России и других республиках Союза?

Ответ: В последнее время появилось так много мнений на сей счет, так много разнообразных слухов, что все это смазывает реальную картину. Я считаю, что в положении евреев не произошло существенных перемен к лучшему. Но выбор человека — как ему дальше жить, уезжать ему из страны или не уезжать, включаться или не включаться в происходящие сейчас процессы — зависит не столько от реального положения вещей, сколько от субъективной оценки, не всегда адекватной этому положению.

Антисемитизма сейчас не стало больше, но он стал иным. Мы уже привыкли, что антисемитизм четко распределен по всем уровням — на государственном, административном, бытовом, в культуре, науке, повсюду и везде. Мы с этим не то чтобы смирились, мы это постоянно учитываем, зная, что еврею, чтобы достигнуть определенной

ступеньки на жизненной лестнице, нужно затратить в N раз больше усилий, чем нееврею. И мы к этому были готовы.

В этом смысле в течение последних пяти лет ситуация действительно изменилась. Государственного и административного антисемитизма стало меньше. Я об этом говорю на основании фактов. Скажем, в списках поступивших в Черновицкий университет, где раньше в лучшем случае был один еврей на весь поток, сейчас нет группы, в которой не было бы еврея. И это при том что евреев теперь в Черновцах в три раза меньше, чем раньше. Антисемитизм стал другим — он стал открытым. Трудно при этом определить, что в нем стихийного и что привнесено с заранее продуманной целью.

Для меня появление «Памяти» не было открытием. Я еще с 67 или 68 года зацепился краешком своего сознания за клуб «Родина», который возник в те годы в Москве. Вадим Кожинов, тот, что сейчас подпитывает своими идеями «Память», тогда был идеологом этого клуба. То есть сейчас вырвались наружу процессы, которые давно уже зрели в обществе.

На Украине евреи уже как бы привыкли к своему «родному» антисемитизму. Украинцы здесь очень хорошо знают евреев — они их могут любить или не любить, но они давно живут рядом с ними. Даже те, кто не любит, научился терпеть евреев. Так в семье: можно кого-то не любить, но все же жить с ним. В России же евреев знают гораздо меньше. Бытового антисемитизма на востоке России — в Сибири или на Урале — просто не было. И вот парадокс нашего времени — Россия выдала сейчас такую форму антисемитизма (наиболее ярко представляет ее общество «Память»), которую иначе как мистической не назовешь. Люди, до сих пор совсем не знавшие, что такое евреи, вдруг воспылали к ним какими-то очень острыми чувствами. Нет там, в Сибири, евреев, и никуда они там не рвутся, никаких мест не занимают, а антисемитизм там процветает.

Вопрос: По-вашему, русский антисемитизм оторван от реальной почвы. Там евреев мало знают — просто нужно найти врага и они его нашли в лице евреев. А как на Украине?

По пути ли сейчас евреям с участниками украинского национального движения?

Ответ: Да, русский народ сейчас в трудном положении — разрушена экономика, разрушена культура. У других народов есть с кем идентифицировать разрушителя. Это центр, это власть, это партия, для самых неграмотных — это, в конце концов, русские. У самих же русских такого выхода нет. Канализирование их недовольства в сторону евреев, сионистов и прочих врагов славянства, кое-кому пришлось по вкусу.

На Украине нет еще такой ситуации, когда евреям и украинцам оказывается «по пути». Большинство евреев здесь пока не готово к союзу с украинскими национально-патриотическими силами. Они им не доверяют и в массе, по-видимому, еще долго будут недоверять. Есть, конечно, отдельные еврейские активисты, склонные поддержать украинское движение, но их немного (на Учредительном съезде «Руха» их было около десяти человек). И это понятно. Если украинское движение только национальное, то не ясно, что в нем делать евреям. Правда, я знаю евреев, активно включившихся в украинские национальные дела. Например, в УНДЛ (Украинская народно-демократическая лига) есть несколько евреев, как бы полностью растворившихся во всем украинском. По культуре они, по сути, украинцы. Но есть и евреи, которые хотят участвовать в движении именно как евреи. И в «Рухе» пока очень мало евреев, которые бы представляли какие-то еврейские общественные организации.

При развале Австро-Венгерской и Российской империй также были контакты и союзы еврейских групп с украинскими, польскими, литовскими. Но все они были чисто политическими, органичного в них было мало. Суть их была простой: мы вас поддерживаем, мы идем вместе с вами, и после распада империи вы получаете статус государственной нации, а мы культурно-национальную автономию. В Прибалтике, в Литве это реализовалось в наибольшей степени.

Сейчас ситуация несколько иная. Те лидеры украинского национального движения, что прошли через брежневско-

андроповские тюрьмы и лагеря, где они сидели на одних нарах с грузинами, армянами, евреями, естественно, смотрят на вещи по-новому. В их сознании произошел сдвиг от чисто национальных к национально-демократическим идеалам. Мои контакты с ними происходят безо всяких трений и разногласий. Мы прекрасно понимаем друг друга. Я уверен: не дай Бог, что-либо случится, они первыми станут на защиту евреев. Но для большинства украинцев это не более, чем политический союз. Сейчас в «Рухе» около одного процента жителей Украины. Но когда в него войдут новые люди, в том числе и те, кто привнесет свой бытовой антисемитизм (а он есть — этого не отрицают и сами украинцы), нельзя будет с уверенностью говорить, что им удастся удержать массу людей от действий, если их будут на то провоцировать. Не победят ли в этом случае «популисты», которые захотят идти вместе с массой? Это все непредсказуемо. Но до этого, слава Богу, еще далеко.

Вопрос: Почему все-таки на Украине нет общества «Память» или чего-то подобного?

Ответ: Общество «Память» — это шовинистическая организация. По мнению украинцев, она очень тесно связана с великодержавным русским шовинизмом, что для них не приемлемо. Когда года полтора назад «Память» прислала своих эмиссаров во Львов, чтобы объединиться для борьбы с жидо-масонами, украинские греко-католики их выставили за дверь.

Вопрос: Может быть, действия «Памяти» и стали основным побудительным мотивом для эмиграции евреев?

Ответ: По-моему, антисемитизм — это не столько движение против евреев, сколько характеристика уровня развития общества. Социальный кризис порождает антисемитизм.

Сейчас выезжает много больше людей, чем раньше. В чем причины? Мы провели в Риге небольшой социологический опрос. На первом месте среди мотивов был назван вовсе не антисемитизм, а общая политическая нестабильность общества, которую антисемитизм отражает.

Вопрос: Вы имеете в виду прежде всего экономическую нестабильность?

Ответ: Нет, именно политическую. Люди не знают, что произойдет завтра. Они не верят, что здесь в обозримом будущем будет нормальная жизнь. И инстинкт гонит их из этой нестабильной ситуации туда, где вроде бы тоже опасно, но зато все четко просматривается.

Вопрос: Под словом «опасно» евреи разве не имеют в виду погромы?

Ответ: Убежден, что паника вокруг возможных погромов и обстановка высокой конфликтности выгодна только властям. Провокации возможны в любой момент и в любом месте. Другое дело, будут ли там силы, способные включиться и придать всему процессу характер цепной реакции. Чтобы власти смогли принять меры не только против погромщиков, но и против общества в целом. Для меня совершенно очевидно: все готовится для того, чтобы в огне межнационального конфликта разрушить, уничтожить всё, весь процесс позитивного развития. В этот же раз слухи распространяются особенно упорно еще и потому, что происходят выборы в республиканские и местные органы власти. На национально-демократические силы хотят бросить тень, чтобы они не смогли победить на выборах.

Сегодня я не вижу на Украине сил, которые могли бы быть использованы против евреев. Здесь, в отличие от России, нет организаций, которые смогли бы возглавить антисемитскую кампанию.

Кроме того, я считаю, власти хотят, чтобы все евреи уехали. Америка сейчас сократила въезд иммигрантов, и многие начинают думать, а стоит ли уезжать. Властям же нужно, чтобы они уехали, нужно создать видимость большого потока, чтобы все видели, что они легко отпускают евреев. В такой ситуации нужна паника. Возможно даже, кому-то захочется организовать небольшой погромчик, чтобы ускорить отъезд евреев, заставить их преодолеть страх перед сложностями адаптации на новом месте, подтолкнуть их к отъезду.

Вопрос: Каковы же сейчас, в этой обстановке, перспективы еврейского национального движения в СССР?

Ответ: Евреи сейчас очень неохотно идут на контакт с национальным движением. Такова реальность — они боятся. Они считают, что только центральная власть может их защитить. Не понятно, правда, от чего. Они видят в центральной власти своеобразного грозного отца, который один только имеет право бить и миловать своего, пусть и нелюбимого, ребенка.

И все же уже создаются какие-то структуры еврейского национального движения, начиная от местных обществ еврейской культуры, всевозможных клубов и вплоть до общесоюзного объединения. В декабре прошел съезд еврейских организаций, на котором были представлены 204 организации. Было объявлено о создании конфедерации. Правда, пока только объявлено. Реальным же содержанием, как теперь говорят, наполнить все эти вновь созданные структуры очень трудно. Тем более, эмиграция увлекает едва ли не лучше силы — самых активных. И все же я убежден: евреи здесь останутся, причем в большом числе. Поэтому у еврейских организаций в Союзе двойная задача: помочь тем, кто уезжает, и помочь тем, кто остается. Для тех, кто остается и хочет быть евреем, нужны соответствующие структуры социальной и политической защиты. И мы будем их создавать.

15 февраля 1990 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СОВЕТА НАЦИЙ «РУХА»

Мы, члены «Руха», представители разных наций, исходя из программы «Руха», создали Совет наций «Руха» и считаем, что Совет наций Народного движения Украины за перестройку:

— является равноправной частью Большого Совета «Руха», наряду с Советом представителей, Советом коллегий и Советом депутатов;

— состоит из национальных представительств членов «Руха»;

наделяет национальные представительства равными правами;

считает, что только в независимой, демократической Украине возможно свободное и всестороннее развитие народов, проживающих на ее территории;

— защищает интересы всех наций, народностей и этнических групп Украины и их право на создание различных форм автономии;

— связывает «Рух» с национальными общественно-культурными и общественно-политическими организациями народов Украины;

— противостоит процессам денационализации;

— борется против шовинизма, расовой и национальной нетерпимости;

— выступает за демократические и гуманные способы решения межнациональных проблем, за проведение в жизнь соответствующих статей Декларации прав человека;

— верит в то, что созданная на основе Совета нации «Руха» Ассамблея народов Украины сможет обеспечить реализацию их национальных прав.

Принято 11 февраля 1990 года на Учредительной конференции Совета наций Народного движения Украины за перестройку.

ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ НАРОДАМ УКРАИНЫ

Братья! Для всех нас Украина — наша родина. Всем нам здесь жить и работать. У всех нас общая судьба. И она будет зависеть только от нас — народов, живущих на Украине. Все мы боремся за свободу для всех народов и добиться ее можно только вместе. Нам суждено вместе идти в будущее, и мы должны идти вместе, как братья, как соратники, как друзья. Перед нами путь борьбы за нашу и вашу свободу.

Не может быть свободным ни один народ, пока нет свободы для украинского народа — самого многочисленного на Украине, того, что дал имя нашей республике. Поэтому мы выступаем за национальное возрождение и свободу для украинского народа, поэтому мы идем вместе с ним. Но не может быть свободным украинский народ, если не будут свободными другие народы Украины. Поэтому мы за единство всех народов Украины в их борьбе за свободу, за демократию, за будущее нашей общей родины. По одному нас легко сломать, а когда мы вместе, то нас не сломаешь.

Совет национальностей, провозглашенный Учредительным собранием Народного движения Украины за перестройку, и созданный сегодня на Учредительной конференции, призывает граждан Украины, представителей всех национальностей, народностей и этнических групп создавать свои национальные гражданско-культурные, гражданско-политические организации, объединяться вокруг «Руха» и его идей, вступать в «Рух».

Верим, что Совет национальностей станет выразителем и защитником ваших интересов и будет содействовать предотвращению межнациональных конфликтов, оснований для которых на Украине нет и, надеемся, не будет.

11 февраля 1990 года

Вадим Скуратовский

ТРАДИЦИИ И СВОБОДА

Вадим Скуратовский — искусствовед, литературный критик, преподаватель Киевского театрального института.

Вопрос: Вадим Леонтьевич, как вы почувствовали перестройку, когда она для вас началась, и началась ли? В чем это проявилось?

Ответ: Честно говоря, я не верил тому процессу, который в этой стране начался в апреле 1985 года, не верил, что называется, с самого начала, и, в известном смысле, продолжаю не верить до сих пор. Но вместе с тем, вопреки моей вере или моему неверию, этот процесс разворачивается с такой мощной энергией, что сейчас впору говорить уже о другом: сейчас мы живем в ситуации, когда история много больше человека. Она много больше любого из нас, и она нас себе подчиняет и подчас подчиняет весьма деспотически.

Недавно я разговаривал со своей московской приятельницей, критиком Аллой Латыниной по поводу ее выступления в «Литературной газете». Речь там шла о национал-радикальном поведении тамошних московских писателей. Я обратил внимание на то, что это выступление составлено в

несвойственных Латыниной публицистических цветах и тонах, а это чрезвычайно не похоже на нее. Так вот она объяснила, что многое уже зависит не от нее.

На днях мне позвонили украинские «зеленые» и предложили кое-что для них сделать, и я, несмотря на всю свою нелюбовь к практической политике, вынужден был с этим согласиться. Вот так я ощущаю так называемую перестройку, которая, конечно же, является вовсе не перестройкой, а чем-то достаточно глубоким. Перестройка — это, в общем, кабинетное словцо, которое возникло где-то в задних комнатах Кремля, но я полагаю, что в нашем словаре уже нужно искать какое-то другое, гораздо более дефинитивное, гораздо более глубокое определение того, что происходит сейчас. В сущности, сейчас мы живем в 1917 году. Так что же говорить о том, ощущаем мы или не ощущаем этот самый 1917 год. Дело в том, что он нас сопровождает, что называется, на каждом нашем шагу, на всем пространстве одной шестой. Да и не только одной шестой, но еще и всей центральной и восточной Европы и всей Евразии.

Вопрос: Как эта перестройка или, раз это слово неподходящее, как эти глубокие процессы влияют на культуру? Каким образом происходит развитие? Или сейчас музы молчат?

Ответ: Все это немного сложнее. Дело в том, что революция сейчас происходит в этой стране преимущественно в интеллектуальной, даже не столько в интеллектуальной, сколько в мировоззренческой сфере. Сферу экономическую, как это обычно делает революция, этот процесс еще всерьез не затронул. В этой стране воцарилась, бесспорно, интеллектуальная свобода. А к интеллектуальной свободе нужно быть готовым. Мы же к ней не готовы.

Когда-то мой приятель рассказывал о том, как его поразили русские сатирические журналы конца 1905 и всего 1906 годов. Они начинали весьма агрессивно и талантливо, а заканчивали вовсе не талантливо, поскольку оказалось, что пороху у них не хватало на то, чтобы превратиться в какое-то убедительное сатирическое зеркало событий. Что касается нашей с вами духовной современности, то абсолютное

большинство ее деятелей, делателей, функционеров, больших и малых, к этой свободе не готово. Когда-то в России на протяжении 1900-1910-х свирепствовала цензура. Я говорю об этом всерьез. Как бы мы ни завидовали интеллектуальной свободе русской интеллигенции — петербургский «Серебряный век», московский и т. д., — как бы мы ни завидовали тогдашней интеллигенции империи, но цензура все же была. Где-то в самом начале 1917 года русские писатели уже просто изнывали под ее гнетом.

Сейчас же цензура исчезла. Но у писателей того поколения была громадная наследственная культура, которая всячески им помогала, и в конце концов цензура только ассистировала этой невероятной культуре. А у нас появилась интеллектуальная свобода, но этой наследственной культуры, по вполне понятным причинам, нет. И результат таков, что мы, честно говоря, не знаем, что же делать с этой свободой. Я вижу великое множество людей, которое пребывает именно в мировоззренческой растерянности.

Достаточно сказать, что немалое число советских интеллигентов предпочло бы спокойную кабинетную деятельность в этой ситуации, но дело в том, что они растеряли свой соответствующий интеллектуальный потенциал в шестидесятые-семидесятые годы.

Что же касается писателей, то с ними происходят вещи и похуже. Те, кто что-то смог написать в шестидесятые-семидесятые, они все это уже написали. Но будем откровенны: это, как правило, не великого полета литература. Я не хочу обижать, оскорблять этих писателей, но это так. А сейчас они вынужденно молчат, потому что в этой самой ситуации говорят, если не пушки, то по крайней мере автоматы Калашникова — громко и вслух. А писатели-то необходимо помалкивают, по крайней мере как писатели. Что касается их публицистических, а тем более устных перепалок, то это уже какой-то другой жанр. Это не совсем культура — это, по крайней мере, какие-то этюды к будущей культуре. Ну и конечно, это свидетельство и чудовищного бескультурья части наших писателей, кстати, и некоторых весьма уважаемых мною писателей.

Вопрос: Вы считаете, что публицистика, которая сейчас расцвела буйным цветом, это не совсем достойное занятие для писателей?

Ответ: Это несколько сложнее. Дело в том, что эссеистика — это уже культура, а публицистика в нашей современной редакции — это скорее всего, если дозволено так выразиться, тексты реванша, это какая-то попытка одолеть супротивника, как говорится в русских былинах, главным образом с помощью голосовых связок, даже если это письменный и печатный текст. Это публицистика, как правило, не высокого ранга. Была бы она рангом повыше, это была бы эссеистика, но такой у нас пока еще нет.

Писательская энергия сейчас, по крайней мере российская, уходит на межписательские конфликты. Это в общем очевидно.

Что касается украинских писателей, то они не ссорятся между собой так яростно, как российские, но дело в том, что, будем откровенны, мы — слишком провинция для того, чтобы к нашей литературе относиться всерьез, за вычетом, конечно, каких-то весьма важных ее линий. Я имею в виду поэзию Васыля Стуса или прозу Григора Тютюника, но и тот, и другой покойные.

Вопрос: Вадим Леонтьевич, вы не считаете, что публицистика это способ формирования общественной мысли?

Ответ: Это способ формирования общественной мысли, но все же писатель должен работать над художественными текстами, он к этому призван.

Неистовый Виссариан Белинский начинал как весьма посредственный драматург, и он затем себя превратил в весьма любопытного критика — ведь он на самом деле был талантливейшим критиком. Но дело не в этом. Дело в том, что даже критика, даже эссеистика, а тем более так называемая публицистика — это все же не дело писателя. Писатель должен создавать художественные тексты, самые разнообразные — от венка сонетов до новелл и романов. Собственно, это и есть основной корпус литературы.

Вопрос: Но, очевидно, и характер времени влияет на направление творчества?

Ответ: Разумеется. Но если писатель становится пленником времени, если он пребывает у времени в плену, тогда какой же он, собственно, художник? Художник, он должен быть заложником вечности, к сожалению, у времени в плену. К сожалению, современный писатель о вечности забывает. Он забывает о Боге, о самом главном. Я, кстати, скорее всего агностик с марксистским акцентом, но когда я хочу сказать о каком-то абсолютном идеале человеческого пребывания на Земле, то, конечно, другого слова я не в состоянии найти. Да и есть ли у культуры другое слово?

Вопрос: Ну, это литература, а театр, а кино? Вы могли бы рассказать об украинском кино?

Ответ: Украинское кино? А что, собственно, говорить об украинском кино? Знаете, есть такой старинный английский учебник географии, и там глава «Исландия», а в главе «Исландия» — подглава «фауна Исландии», а в подглаве — параграф «Змеи Исландии». А далее написано — «Змей в Исландии нет».

Пока кино на Украине нет. В шестидесятых годах, в каком-то странном, почти мистическом по характеру своего образования зазоре времени, появились на Украине три талантливейшие фильма: «Тени забытых предков» Параджанова, вслед за тем «Каменный Крест» Осыки, ну и, конечно же, фильм Юрия Ильенко «Криница для жаждущих», так же с признаками гениальности.

Но затем эта традиция была уничтожена. И потом было конвейерное производство и воспроизводство в области кинематографии. А сейчас украинские кинематографисты всерьез заговорили о том, что необходимо подлинное кино, и в качестве эталонов они вспоминают фильмы шестидесятых. Они очень интенсивно сердятся друг на друга, на эпоху и прочее, но покамест игрового кино на Украине нет.

А что касается украинского неигрового кино — оно очень любопытно. Это кинопублицистика. Разумеется, она

необходима. Но это не художественное событие — это событие, так сказать, чисто общественное.

Об украинском кино еще рано говорить, как впрочем, и обо всем советском. С кинематографом вообще происходят странные вещи. Во-первых, люди, жаждущие абсолютной свободы, забывают о том, что на протяжении многих и многих десятилетий у кино был такой меценат как советское государство, которое, конечно, всячески травило Андрея Арсеньевича Тарковского, но оно же и давало ему деньги, и немалые деньги, на фильмы. Сейчас оно проявляет уже изрядное равнодушие к нашему кинопроцессу, предоставив его делателям художническую свободу. Беда в том, что государство уже не дает денег на производство фильмов. И мы можем превратиться скажем, в Голландию или Бельгию, в Швейцарию, то есть в страны свободные, процветающие, но в которых, тем не менее, кинематограф отнюдь не процветает, попросту говоря, он там, как змеи в Исландии, не существует. И разное может произойти с некоторыми нашими национальными киношколами. Я, например, не знаю, что будет с кинематографом свободной, независимой Грузии. Она, по-моему, не в состоянии содержать это огромное кинематографическое хозяйство. И это еще один из парадоксов нашего времени.

Так что о кино еще говорить рано, по крайней мере в художественной плоскости.

Вопрос: Но со стороны цензуры тут по крайней мере нет тормоза?

Ответ: Да нет, у меня такое впечатление, что цензура в области литературы, кинематографа и прочая в общем-то ушла в подполье. Более того, мне кажется, что она даже подсвистывает современной интеллектуальной свободе. Есть такая язвительнейшая песенка Кима о Галиче: И там, в частности, говорится о том, что Солженицын стал главным цензором Советского Союза. Сейчас действительно Солженицын стал главным цензором Советского Союза и в метафорическом, и в неметафорическом смысле этого слова.

Когда-то я видел телеинтервью главного цензора Советского Союза и поразился интеллектуальному изыществу его

построений. В сущности, я увидел, так сказать, либерала, который весьма обрадовался возможности реализовать свой либерализм в текущую эпоху. Так что цензура кинематографу не мешает. Но кроме цензуры у художественного процесса есть еще десятки возможных и в высшей степени очевидных барьеров. Эти барьеры возникают один за другим. Ведь мы вне культуры, вне традиций, мы, собственно, не знаем, как осуществить в настоящее время свою интеллектуальную свободу. Боюсь, что и в области экономики будет примерно то же самое: наш человек получит экономическую свободу, станет экономическим человеком что ему делать дальше?

Я поразился тому, как совсем недавно «Прапор комунізму» (вполне застойная киевская газета) перепечатал какие-то материалы, связанные с пребыванием в СССР великого американского экономиста русского происхождения Василия Васильевича Леонтьева (по-моему, он даже наш земляк). Так вот, Леонтьев объясняет там какие-то, прямо скажем, азбучные истины экономического поведения. У меня было такое впечатление, что это к океанитам, тасманийцам приехал, ну, не Кук, а Адам Смит, и объясняет им основы своей политической экономии. То есть, мы должны начинать с самого начала. А это, конечно, чрезвычайно сложно, это даже трагически сложно.

Вопрос: Но все-таки видите ли вы какие-то резервы в развитии культуры на Украине?

Ответ: Разумеется, разумеется. Резервы есть, собственно, в любой советской стране (я уж не знаю, как теперь, в ситуации возрастающего нашего федеративного напряжения, называть страны, которые входят в СССР). Разве нет этих резервов, например, у татарской интеллигенции? Если они вспомнят своих интеллигентов 1890 — 1900-х. тех, что учились и в Константинополе, и в Гейдельберге, тех, что сочетали и Мекку, и петербургский университет, то, я думаю, это будет один из резервов казанских татар.

Резервов предостаточно. Но ведь и обращение к резервам — это ведь тоже искусство, и этим искусством нужно владеть, а им-то как раз мы и не владеем.

Между прочим, я смотрю, как на один из резервов, на культуру самых разнообразных диаспор, связанных с Советским Союзом, от русской до украинской и азийской. Диаспоры накопили чрезвычайно много. Я не склонен превращать это явление в абсолют, ничего уже не нужно превращать в этом мире в абсолют, но уже ясно, что высокоинтеллектуальные явления украинской эмиграции, конечно же, должны помочь надднепрянской культуре. И должен возникнуть синтез, некий здоровый синкретизм киево-львовской культуры и всего того, что накоплено украинцами за рубежом. Я думаю, что это станет как бы общим местом нашей социо-культурной политики в самое ближайшее время. У той культуры были две вещи: традиция и свобода, свобода и традиция. И то, и другое в диаспоре осуществлялось.

То и другое осуществлялось, конечно, очень трагически, потому что эмигрант, классический эмигрант двадцатых-тридцатых годов, бывало, жил и на чердаке. Можно представить, каково было, скажем, Ивану Алексеевичу Бунину или блистательному украинскому поэту Евгению Маланюку, великому славянскому литературоведу Чижевскому. И все же они создавали вопреки всему вот ту самую культуру, которая сейчас к нам возвращается. На самом деле у нас в стране происходит чудовищный, беспрецедентный в истории Восточной Европы интеллектуальный бум. Это нечто беспрецедентное! Я знаю людей, которых охватывает отчаяние от того, как они много узнали за последние два года. Я знаю людей, которые раньше в общем ничего не знали, а сейчас как-то здорово рассуждают, скажем, о поэзии Георгия Иванова или о политической экономии того же Василия Леонтьева, или о философии Бердяева... И я с этой колокольни смотрю на процессы в нашей стране оптимистически. Уж во всяком случае, даже если с нами произойдет что-нибудь скверное, знать мы будем много больше, чем знали раньше.

Вопрос: Я так поняла, что вы делаете ставку на обращение к традициям, к тому, что было упущено или пропущено...

Ответ: Так ведь ничего нет кроме традиции у человечества.

Вопрос: Да, но мы должны все-таки смотреть и вперед, наверное. Каким образом будущая суверенная Украина сможет осуществиться и какие преимущества это принесет культуре?

Ответ: Мне кажется, что, конечно, в идеале Украина должна была бы пройти по нормальному историческому пути: свобода интеллектуальная, свобода экономическая. Видите ли, особых иллюзий, связанных с западной демократией, у меня нет. От нее отдает неким человеческим холодом. Это не тоталитарный лед, это то, что, может быть, со временем цивилизация преодолет. Но, по-моему, другого пути для человеческого развития нет. Я думаю, что это и возможный путь Украины. И мне кажется, что в сердце Европы вполне может возникнуть большая либерально-демократическая страна, в которой каждый человек тихомирно будет заниматься своим делом. Украина не должна быть тоталитарной. Всё! Всё остальное, что называется, приложится. Конечно же, нужно учесть следующее обстоятельство: Украина — страна не просто многонациональная, она многосоставная или, во всяком случае, трехсоставная. Украина состоит из разных участков, которым патронировали совершенно разные миры. Станным образом украинские историки этого либо не замечают, либо на это закрывают глаза.

Дело в том, что Галиции патронировала священная римская империя германского народа, которая, между нами говоря, была не столь уж плоха. Маркс, кажется, называл ее «Китаем на Дунае». Нет, это все же был не Китай на Дунае, и ничего, кроме пользы, от этого патронажа в какие-то времена не было. Иосиф Второй собирался на так называемый русский язык, попросту говоря, на галицийский диалект, перевести все деловодство империи в восьмидесятых годах XVIII века. Возникновение галицийского корпуса национальной интеллигенции после 1848 года — это интереснейший во всех смыслах процесс. Мы канонизировали, скажем, гениального Ивана Франко, но ведь кроме этого

гения были сотни, сотни, сотни других функционеров тамошней национальной культуры. Но это одна сторона нашего национального существования.

Что же касается Надднепрянской Украины, вот этой Украины, то ей патронировала преимущественно петербургская империя. И об этом весьма занимательно и замечательно рассказал Николай Васильевич Гоголь, который нас известил о всех соответствующих фантомах вот такого существования.

А в конце XIX - начале XX века возникает мир, которому патронировал уже мировой капитализм. Я разумею южную пролетарскую Украину. Это совсем другой мир. Блок своим напряженным лирическим чувством в «Новой Америке» восчувствовал и почувствовал возможности этого мира.

И вот наша страна состоит из этих трех самых разных анклавов, из трех бывших миров: классического капитализма, австрийской империи и империи петербургской.

Сейчас наша национальная задача заключается в том, что мы должны все это сложить воедино. А мы не слышим друг друга! Галичане приезжают сюда, в Киев, и поражаются тому, что здесь никто не говорит по-украински. Простите, а когда в Киеве говорили по-украински? Нужно наконец сказать об этом вслух и обстоятельно. В украинском водевиле «За двумя зайцами» Сирко говорит:

— Чего ты мне называешь «Сирко?» Я не Сирко. И я собаку прогнав с двору до поганых... Я — Серков.

Это только одна сторона существования надднепрянского. Но здесь, по крайней мере начиная в пору возрождения двадцатых годов, возникает довольно мощный корпус национальной интеллигенции, которая только тем и держится. Однако посмотрите на украинского писателя, который идет по Крещатику со своими детьми. Он с ними говорит по-украински, а вокруг русскоязычное море. Я не говорю о качествах местного русского языка, это «особ статья», но во всяком случае ясно, что здесь господствует некая трагическая «билингва». Кстати, если найдется какой-нибудь писатель, который переведет эту «билингву» на

реальный художественный язык, ничего, кроме пользы, от этого не будет.

А что касается пролетарского юга, то это совсем другой мир, о котором можно говорить разное, но этот мир должно чтить и уважать. У меня старинная и марксистская, и одновременно буржуазная инерция уважения к человеку, который добывает уголь, плавит металл. И дело в том, что этот мир, конечно, худо слышит Киев и тем более худо слышит Львов. И наоборот — голос Львова совершенно не слышит, скажем, Донбасс. И Львов находится в каком-то презрительном недоумении: что за странные вненациональные граждане произрастают на этом самом Донбассе? Но это живой мир! Это ведь живой мир! Кроме того, это мощный мир. Достаточно ему было поиграть своими пролетарскими мускулами прошлым летом, чтобы мы ощутили, кто подлинный хозяин этого мира. (Я не убежден, что в западном мире, где это самое третье сословие господствует едва ли не с конца XVII века, оно захватило все ведущие позиции. Как ни странно, ощущается там возможная прогрессивная роль рабочего класса. К этому нужно отнестись всерьез.)

Все это нужно объединить и соединить. Я не вижу политического гения на Украине, который в состоянии был бы все это объединить. Я иногда прихожу на митинги «Руха» и с некоторой тоской смотрю на образ В. И. Ленина, который возвышается над этим митингом.

Дело в том, что это был не только гениальный стратег, но и гениальный тактик, который слишком хорошо знал, как нужно заинтересовать массы. На Украине же три группы массовых интересов никто не в состоянии объединить. И конечно, это меня до чрезвычайности огорчает, потому что это может закончиться драмой или даже возникновением некоего, ну так сказать, ливанского синдрома здесь, на Украине.

Вопрос: Возможна ли в этих условиях реализация идеи конфедерации? Возможна ли разработка нового союзного договора до того, как примут союзную конституцию? Может ли именно Украина выступить со своими предложе-

ниями — именно в связи с такой вот, вами только что очень ярко обрисованной, спецификой этой республики, в связи с ее теснейшими связями, причем не только экономическими, но проходящими по всем, как говорится, нервам этой страны?

Ответ: Другого выхода, кроме подписания нового союзного договора нет. Мы, украинцы, все же духовные дети человека, о существовании которого мы замятовали. Михаила Петровича Драгоманова. Я глубоко убежден, что те большевистские функционеры, которые в 22-м году готовили тогдашний союзный договор, вынуждены были перечитать Драгоманова, и поразительно, что не просто в их терминологии, но даже в самом названии — «Союз советских республик» — звучат какие-то священные для Драгоманова лексемы. Союз, бесспорно, необходим, и бесспорно то, что эти договоры нужно как можно скорее подписывать именно сейчас, для смягчения очень, я бы сказал, напряженной межнациональной обстановки.

Уже ясно, что, скажем, статус такого региона, как Прибалтика, в будущем союзе может быть совершенно иным. Более того, Прибалтика вполне может пребывать вне этого самого союза, хотя, думаю, экономически за это будет жесточайшим образом расплачиваться, и она, к тому же, может превратиться в провинциальную Швецию начала XX века — вроде бы и уютную страну, но, тем не менее, провинциальную. Не хотелось бы, чтобы после того, как эти страны были блистательными колониями Москвы, они превратились в, прямо скажем, чахлую самостоятельную провинцию неизвестно какой империи.

Что же касается союзного договора, то я полагаю, что союзный договор должен быть таким, чтобы в системе этого самого договора каждая страна действительно определяла свой статус совершенно самостоятельно. Даже статус своей возможной зависимости от центра. Ничего с этим не поделаешь, но, думаю, Средней Азии придется погодить со своей, так сказать, классической независимостью. Я не убежден, что она в состоянии пойти по пути такой независимости. Все это может закончиться общесреднеазиатским Ливаном. А с другой стороны, современная Грузия

сейчас хочет выйти за пределы СССР. Я же думаю, что она в конце концов в будущем союзе сможет найти какое-то свое место. Там недавно возникло конституционно-монархическое движение. Но если Грузия захочет войти в состав грядущего союза, то почему бы не войти в качестве конституционно-монархической страны. Великий русский экономический мыслитель Чайнов в одной своей утопической книге так представлял себе грядущую РСФСР: где-то существует классическая совдепия, а где-то, не помню, то ли в Перми, то ли в Пензе, даже конституционная монархия. На здоровье!

Дело в том, что мы слишком разные, мы слишком разные. И так называемый центр, который обязан быть, кстати, кочующим, должен предоставить этому самому миру возможность быть абсолютно своеобразным. Это единственная возможность сохранить эту страну. И я полагаю, что наш Старшой, Генеральный секретарь, Президент, возможно, это понимает. Правда, он это понимает на государственном уровне, а когда он говорит о партии, то остается еще при наивно-имперских представлениях. И КПСС должна быть совсем иной.

Я очень надеюсь на то, что буду получать визы в Москву исправно и регулярно. Я знаю, что кое-кому очень бы хотелось поставить украинских пограничников около хутора Михайловского. Не хочу я этого! Я хочу и независимости, и вместе с тем хочу возможности нормально-го общения с любым уголком Евразии.

Вообще, мой идеал — это создание евразийского союза от блистательной Тайваньской республики и до Словении. Все независимые и все друг с другом связанные. Если возникнет этот самый евразийский мир, который в своем развитии пошел по другому пути, чем те страны, что были вдохновлены английским парламентаризмом, то, я полагаю, мы со временем найдем и с Европой, и с Северной Америкой, и с так называемым "третьим миром" общий язык. В конце концов люди будут заниматься тем, чем им надлежит заниматься: они попытаются уцелеть в XXI веке. Если сейчас люди капитально не трансформируют некоторые свои устремления, мы, конечно, не уцелеем. Вне всякого

сомнения, в мире происходит катастрофа, и в так называемом коммунистическом; и в так называемом капиталистическом: Разумею экологическую катастрофу и, пожалуй, даже биологическую катастрофу.

Вопрос: А как будут развиваться межнациональные отношения?

Ответ: Сейчас происходит прелюбопытный процесс. В каких-то гомеопатических дозах, но происходит. Украинцы в качестве так называемой коренной нации исподволь учатся искусству покровительственного и вместе с тем демократического союзного отношения к неукраинским народам на Украине. И я рад, что по крайней мере в Киеве ощущаю некий соответствующий гуманистический государственный инстинкт коренной Украины, которая сообразила, что искать пути к некоему национальному реваншу — это бессмыслица, это великая бессмыслица. Украина должна научиться покровительствовать и русским, и евреям, и крымским татарам, и цыганам, и гагаузам, и молдаванам, и полякам...

Украинский киновед, историк литературы и очень интересный поэт Леонид Череватенко когда-то очень просто и точно сказал:

— Украинская культура — это все то, что происходило под украинским небом.

Мы должны пойти навстречу вот такой культурологической интуиции. Все то, что происходит на Украине, — это теперь уже наше, украинское. И я, украинец, самым почтительным образом отношусь к так называемой киевской школе еврейской жаргонной поэзии, которая возникла где-то на исходе гражданской войны. Меня, как украинца, коробит картина так называемой «петлюровщины», а попросту говоря, украинско-крестьянской революции в «Белой гвардии» Булгакова. Но простите, для меня Булгаков — не только русский, но и украинский писатель. Что же касается крымских татар, то, по-моему, это великий шанс для Украины: у нас будет замечательное окошко в исламский и восточный мир. Я мечтаю о колоссальном музее польской культуры, поскольку именно на Украине

развертывались самые главные интенции этой самой культуры.

У меня такое впечатление, что многие украинские интеллигенты начинают это понимать. И дело не только в наивном, хотя и трогательном братании украинцев и евреев на разнообразных митингах, дело в том, что я сейчас не вижу каких-то резких шовинистических голосов со стороны национально сознательных украинцев. Так оно и должно быть, так оно и должно быть. Иначе мы не уцелеем.

Не знаю, как должны решать свои национальные вопросы эстонцы и латыши. Там ситуация гораздо более резкая. Это какой-то трагический социологический фельетон — то, что там произошло.

Но у нас еще есть возможность, у коренного народа, договориться с теми народами, которые живут здесь. Что касается русских на Украине, то тут очень деликатная проблема. Я, как историк, со всей ответственностью считаю, что подлинная Россия — это то самое пространство, некогда киевско-русское. Оно и дало импульс к созданию России.

Сейчас много говорят об «Истории руссов» и спорят о том, когда была написана «История руссов». Ну конечно же, по моему разумению, после «Истории государства Российского» Карамзина, когда какой-то украинский провинциал решил написать о нас после 1817 года (после первого тома Карамзина). Реально же мы здесь начали славянскую Восточную Европу с ее плюсами и ее минусами. Разумею и украинское язычество, и киевскую христианскую культуру. И то, и другое стало основой культуры московской, культуры петербургской. Думаю, Украина еще это вспомнит. Возможно, для московского слуха это звучит странно, эксцентрично, но должен сказать, что так считал, скажем, великий украинский писатель Максимович.

Ведь не случайно Шевченко пишет свой дневник порусски. У него было несколько снисходительное отношение к петербургскому миру как к трагическому мутанту того, что было здесь на Украине. И очень люблю вот такую фигуру как московский прелестный старик-медик Святослав Федоров. Он не только блистательный окулист, он и

хороший человек. И он говорит: «все будет хорошо, если мы будем хорошо себя вести». А хорошее поведение — это попытка найти общий язык здесь. Что такое 1918-1919 годы на Украине? Будем откровенны: это — ссора киевской интеллигенции тогдашней с тогдашними донбасскими, и харьковскими, и, здесь в Киеве, «арсенальскими» пролетариями. И в конечном счете здесь вина и интеллигенции, и пролетариата, хотя вина интеллигенции всегда должна быть больше, чем пролетариата. Естественно, потому что интеллигенция больше знает, вина ее должна быть больше. И я думаю, вот эту самую историческую свару нужно заканчивать. Нужно всем найти общий язык друг с другом.

Это относится и к еврейству на Украине. Дело в том, что попытка представить какого-нибудь Кагановича главным виновником голода 1932-33 годов чисто прагматически состоятельна, но она несостоятельна мировоззренчески. Этому самому еврею ассистировали миллионы местных коллаборационистов. В конечном счете, мне кажется, что украинцы могут избавиться от своего старинного антисемитизма по очень простой причине — потому что нечего им сейчас уже делить с евреями, и нечего евреям ссориться с украинцами, а украинцам с евреями. И это тоже шанс для украинской культуры, если она спокойно вспомнит о Бялике, о Владимире Жаботинском, который, по-моему, постоянно вдохновлялся украинским так называемым «сепаратистским» движением. В общем, как это говорится: за нашу и вашу свободу!

А вот отношения с Польшей, боюсь, у нас могут и не сложиться. Ну, вообще отношения Украины с ее соседями — это для меня темная вода. Может быть, потому что немцы никогда, думаю, не успокоятся на реках под названием Одер и Нейссе, а Польша, она всегда будет ностальгически вздыхать по Львову. По-моему, все должны оставаться в своих нынешних географических границах и как-то приспособляться друг к другу. А тем более должны приспособляться внутри этих географических границ.

К сожалению, в России этого не происходит. Дело в том, что поведение русской интеллигенции, а тем более

полуинтеллигенции в этой ситуации совершенно не адекватно истории. Я не говорю о так называемой «Памяти», — я к ней, простите, отношусь в каком-то смысле спокойно, тем более, что я отчасти и виновник названия этой организации. Дело в том, что покойный мой земляк Чивилихин написал книгу под названием «Память», где он восторженно цитирует одну мою статью о Семене Полоцком, в которой речь идет о значении памяти в культуре. В сущности, я помог ему эту книгу назвать «Память», а вокруг этой книги образовался кружок ее почитателей, а вслед за тем и прочее.

Проблема, однако, в том, что неадекватно поведение всех без исключения русских интеллигентов. Несколько дней назад вторая программа Центрального телевидения передаст в блистательном исполнении актера Шакурова пушкинскую поэму «Полтава». Поэма, конечно, и хороша, и глубока. О ней накануне хорошо говорил Юрий Михайлович Лотман. Но все-таки не хватало нескольких слов в предварительной речи мною весьма уважаемого Лотмана (в общем-то, моего учителя в области литературоведения и истории культуры) о том, что для нас Полтава была трагедией. Вообще это сопутничество русской истории было трагическим, потому что, с одной стороны, эта история вроде бы и помогала Украине, а с другой стороны, какие-то простые, как апельсин, вещи, то, что вроде бы имело позитивное значение для Украины, осуществлялось средствами совершенно реакционными. Екатерина, к примеру, геополитически и создает Украину с помощью румянцевских войск и разумеется, украинского хлеба и украинских рекрутов, которые получал Румянцев. Но беда в том, что после этого следует даже уже не второе, а третье по счету в истории закрепощение украинского крестьянства. Я полагаю, что, скажем, трагедия 1932-1933 годов — производная от всех этих ударов в украинский крестьянский висок имперским молотом. И все остальное происходит примерно так же. С одной стороны, Украина вроде бы соединила свою судьбу с быстро европеизующейся империей, а с другой стороны, эта европеизация носила какой-то странный характер: чем ближе к Петербургу, тем дальше в Азию.

Но это в прошлом. Пусть этим занимаются историки.

оциологи, философы культуры. А мы же должны находить между собой общий язык. Я в большой мере русист по своим интересам, я благоговеею перед русской культурой и не хочу, чтобы какая-то сила мешала мне благоговеть.

Юрий Бадзьо

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВА ИЛИ ОТЧИЗНА СВОБОДЫ

Юрий Бадзьо — историк, филолог, публицист, автор книги «Право жить», бывший политзаключенный.

Открытое письмо организатору общества «Друзья украинского искусства и литературы» А. Сокурову

Уважаемый Сергей Анатольевич!

Первой моей реакцией на Вашу инициативу — создать в Украине русское общество друзей украинской культуры («Літературна Україна от 16.06.1988) — было удивление. Приятное удивление. Ведь, кажется, ничто не свидетельствовало о том, что русские Украины осознают себя национальным меньшинством украинского общества и чувствуют какую-либо ответственность перед современностью и будущностью украинского народа. Да и реальные жизненные обстоятельства не понуждали к этому. Обстоятельства, которые для нас, украинцев, являются глубоко трагическими. Будучи, после русских, вторым по численности народом Советского Союза и всего славянского мира (а вначале своей истории, наверное, и самой большой славянской этнической общностью), будучи по количеству великим европейским народом и живя в самом центре Европы, мы на своей прекрасной и благодатной земле оказались, в языковом и национально-политическом отношении, в положении... национального меньшинства. Хотя и составляем ныне еще свыше 70% населения Украины.

Имеем, согласно конституции, свою национальную государственность; выходили и выходят украинские книги, газеты, журналы; говорило и говорит украинское радио; работало и работает украинское телевиденье; в Украине есть сотни писателей, которые пишут на хорошем украинском языке; художественный уровень лучших образцов нашей литературы высокий; Украина — член ООН...

И в тоже время — русифицированные восточноукраинские города, мизерное количество или даже полное отсутствие в них украинских школ, в которые якобы не очень спешат украинцы-горожане; низкий престиж украинской культуры и нередко презрение (!) к языку украинского народа, иногда и со стороны русифицированных украинцев... Правда, что-то удивительное и не совсем понятное для обычного человеческого восприятия? Возможно, у кое-кого, кто не задумывался над этим или не сумел постичь причины нашего национального положения, поневоле закрадывается мысль: действительно, какой-то странный народ, и не его ли собственная натура виной всему?

К сожалению, антиукраинские мифы таки существуют...

Боюсь, Сергей Анатольевич, что Вы как идеолог Общества не пошатнули их. Говорю «как идеолог», ибо делаю вывод только из Ваших выступлений в роли инициатора нового объединения. Знаком с тремя Вашими тезисами: с вышеупомянутым «Обращением» в «Літературній Україні», более широкими рассуждениями на эту тему под названием «Украинский язык и мы» в первом номере журнала «Жовтень» за 1988 год и со статьей под таким же заглавием в газете «Вечерний Киев» от 4 ноября прошлого года. Статья «Вечерки» в основном повторяет публикацию «Жовтня», но ее частичные отличия не второстепенны.

Вы нигде не говорите об общем историческом положении украинской нации и его причинах, заявляете даже, что «каждый союзный народ овладевая русским языком и письменностью, имеет все условия для всестороннего развития собственного языка» и, мол, «дело за качеством школьного и высшего образования, филологии как науки, искусства», и, как Вам кажется, «прежде всего —

писательского труда». На таком идеологическом фоне Ваш рассказ о «темной женщине», захотевшей, чтобы сын «учился панскому языку»; об «известном литераторе», который для слабенького романа «пробил» 200-тысячный тираж; о «немой общественности», которая не кричит «во весь голос» о сооружении в Дрогобыче памятника Юрию Дрогобычу; об украинских писателях, не заинтересовавшихся «яркой и трагической жизнью одного из первых решительных поборников общерусского единства» (а что это такое — «общерусское единство»); о «папашах» с фамилией на «нко» и «мамашах» с мягким «г» во рту, которые ведут своего отпрыска в русскую школу, ориентируясь на «перспективность»; о парне из-под Львова, говорящем на украинско-русском суржике, и так далее, — в идеологическом контексте Вашей позиции рассказ обо всем этом сужает проблему к моральному индивидуальному выбору. Не сказав ни слова об историческом и общественном основании фактов и явлений, Вы тем самым обвинили во всем самих украинцев, оправдали наших угнетателей, завоевателей, превратили нашу беду в нашу вину.

«Темная» женщина-галичанка 1947 года: не ставлю под сомнение правдивость Вашего воспоминания, но черезчур частной кажется мне эта «темнота» для Западной Украины, в частности того времени.

Тираж собственного интереса, образно говоря, «пробиивает» все, но не это рождает трудности и проблемы украинского рынка. Сущность в другом — в том, что посторонний, враждебный нам интерес обеднил «полки» нашей духовности, оставил их незаполненными, а саму духовную продукцию сделал структурно неполной, искаженной. С одной стороны глухая изоляция украинского народа от его исторического наследия, художественного, мировоззренческого, научного. С другой — «братское» разделение интеллектуального труда, когда основные творческие силы, учреждения и направления сосредоточивались в Москве, а Украине оставались недодушенные таланты и пропагандистские объедки с духовного стола. Русская книга господствовала и господствует на книжном рынке и в библиотеках Украины. Наши издательства выпускают

главным образом литературу второстепенную, в значительной мере — просто пропагандистскую макулатуру. Издавалась она большими тиражами, и не благодаря пробивной силе авторов. Таким был идеологический заказ хозяина. Наоборот, на хорошую книгу, тем более патриотическую, заказов было мало или совсем не было. Это — мягко говоря, ибо хозяин не слишком церемонился ни с украинской книгой, ни с украинскими авторами.

Чтобы дошло до этого, нужно было покончить с национальным возрождением Украины после революции 1917 года — уничтожить украинские национально-политические силы, расстрелять или духовно задушить украинскую интеллигенцию, изморить голодом несколько миллионов украинских крестьян...

А Вы говорите о «естественной» (выделено мной — Ю. Б.) экспансии русского языка в сторону соседей! «Экспансии», которую, видите ли, «в условиях социализма и Советской власти» нельзя рассматривать как языковую агрессию! Впрочем, употребив слово «экспансия», Вы выразились правильно. Может быть, подсознательно? Интересно, по чьей инициативе — Вашей или редакции — в публикации «Вечернего Киева» оно заменено «распространением»?

Не «естественное распространение», а жестокая экспансия привела к тому, что «тато» стал папашей, а «матуся» мамашей, и повели они «своего отпрыска улицами украинского города в русскую школу, ориентируясь на «перспективность». И зря Вы берете слово «перспективность» в кавычки. Для украинских родителей и их детей это не абстрактная престижность русского языка, а горькая, очень конкретная жизненная реальность: как после украинской школы учиться в русскоязычных украинских техникумах и училищах; как поступать с украинским языком в русифицированные вузы; в конечном счете, и это главное, как противостоять жизненным обстоятельствам, когда одно лишь употребление украинского языка может навредить твоей жизненной судьбе, а с украинским сознанием не будет у тебя духовного равновесия нигде и никогда... К тому же не надо забывать о том, что в восточнoукраинских городах

украинским родителям просто не из чего выбирать: украинских школ мало или нет совсем, и не мы виноваты в этом.

Украинцы, как и любой другой народ, — не бесплотный дух, а живые люди, физические и моральные силы которых не безграничны. Не думаю, что украинское приспособление к враждебным обстоятельствам особенное и не соизмеримое с ними. Убеждаюсь в другом: чем глубже и конкретнее познаю нашу историю, тем выразительнее осознаю силу сопротивления и национальной стойкости украинского народа. И если кое-кто не выдерживает внешнего давления (пусть даже этот «кое-кто» массовый), несправедливо стыдить жертвы с позиции отстраненного наблюдателя, не упоминая причин, которые породили «приспособленчество». Условия таковы, что здесь нужно говорить прежде всего об инстинкте самосохранения.

Вы, Сергей Анатольевич, не просто стыдите, Вы клеймите — так, будто речь идет об обычной нравственной неразвитости или извращенности, о *злой воле* несчастных «папаш» и «мамаш». Я не решился бы упрекнуть Вас в национальной бестактности, если бы в Вашей инвективе не услышал отзвук антиукраинских мифов и логику принципиальной позиции, которая в своей сущности является также антиукраинской (о ней конкретно скажу далее).

Послушайте сами. Вы же литератор, а не партийный чиновник идеологического отдела: «Не верю я, — пишете Вы, — в любовь к русскому языку вот таких моих «братьев» и «сестер», не хочу, чтобы мой народ увеличивал свою численность за счет их! Они — приспособленцы. Им везде Родина. Они, если им дать волю, и русский променяют. На английский, например, если там перспективы для них откроются более широкие.»

Особенно красноречиво это Ваше «если дать им волю». Так и видишь нечеловеческое племя нравственных уродов, которых нужно сдерживать и твердой рукой приводить в сознание. Перед ними гостеприимно раскрываются двери украинских школ, в которых их детей ожидают прекрасные украинские учебники и высококвалифицированные учителя, потом, после окончания школы, и украинские вузы, и они,

темные папаши и мамыши, почему-то упрямо устремляются в школу русскую. Эх, милые америки и европы, будьте бдительны, на вас может двинуться дикая орда украинских «папаш» и «мамаш»!

Извините, Сергей Анатольевич, за фривольный тон. В свое время я перечитал горы пропагандистской макулатуры о так называемых украинских буржуазных националистах, и теперь Ваш пассаж о «братьях» и «сестрах» напомнил мне стиль этой идеологической бойни. О «националистах» говорилось не иначе, как о мизерном охвостье изменников, бандитов, душегубов, ничтожеств и так далее и тому подобное. И в то же время — с такой политико-идеологической высоты, как о явлениях мировых, событиях глобальных... Карикатура и вместе с тем — настоящая идеологическая война... Представьте себе, конструкция логическая, и не только интеллектуальное и нравственное лицо авторов отображает она. В ней отражается само явление, феномен украинского национального положения: высокий объективный вес украинского присутствия в истории и низкое отношение к нам наших недругов, которые, не имея сил окончательно покорить нас физически, возмещают свою неудачу тем, что уничтожают нас идеологически и нравственно... На этой психологической почве вырастают и процветают украинофобские мифы.

Чтобы у постороннего человека не сложилось впечатление, что я придираюсь к Вашим неудачным фразам, откликнусь еще на два места из Вашего небольшого текста «Украинский язык и мы». Мне тяжело поверить, что Вы, более тридцати лет прожив в Украине — в Западной Украине! — и будучи писателем, не знакомы с национально-политическими условиями, в которых приходится жить и работать украинской интеллигенции, украинцам вообще. Не надо идти далеко, вспомните день сегодняшней, лучший: с каким трудом львовская общественность добивается престижного места для памятника Тарасу Шевченко! А Вы все-таки считаете «общественность» виноватой в том, что в Дрогобыче до сих пор нет памятника Юрию Дрогобычу, ректору Болонского университета, и даже в том, что «за границей, по всей вероятности, никто его украинцем не

считает». «Поделом вам, ныне здравствующим землякам Юрия Дрогобыча!» — это Ваше хладнокровное восклицание поразило меня так же, как и Ваше «если дать им волю».

Упрекая украинских писателей в невнимательном отношении к личности Дмитра Боброка, воеводы московского князя, Вы снова изображаете дело так, будто речь идет о лениности одних и смелости других. «Так почему же тогда, — восклицаете Вы, — русский журнал поведал общественности о корнях Дмитра Боброка?» В контексте Вашего выступления этот упрек означает прежде всего обвинение нашей современной литературы в равнодушии к исторической тематике. Упрек несправедливый. Но еще более несправедливо то, что Вы, судя по всему, выпускаете из вида, с каким трудом пробилась в печать украинские произведения на историческую тему. Вспомните хотя бы своего коллегу, львовского прозаика Романа Иванчука.

О своей статье в львовской газете «Ленінська молодь» за 3 октября 1987 г. Вы пишете в «Вечернем Киеве» так: «В той статье мной было сказано немало резких слов в адрес тех моих украиноязычных соотечественников, кто с легким сердцем ради ложных выгод, а кто по нищете духовной, порожденной ленью ума, отмахивается от языка своих отцов и тем самым от своей культуры».

«С легким сердцем...» Подобные фразы гуляют с некоторого времени по страницам украинских газет. Для меня они звучат как дополнение к старому сакраментальному аргументу, которым «интернационалисты» десятилетиями побивали и побивают украинских «националистов»: «А кто вам запрещает говорить по-украински?» Кому-то очень хотелось бы свести проблему к индивидуальному употреблению языка и не дать людям, прежде всего украинцам, осознать, что из нас выпустили море крови и накопили горы трупов, прежде чем наше сердце стало «легким»...

Как просто и буднично у Вас выходит: «леность» и «качество образования»... Еще Вы говорите: «незнание вклада Украины в общеславянскую, общечеловеческую культуру»; незнание, которым «поражены и представители других народов, живущих в УССР, и значительная часть самих украинцев»; незнание, «породившее равнодушие, а

иногда и презрительное отношение к национальным ценностям» украинского народа, «свело их к областному уровню, питает национализм и великодержавный шовинизм» (что касается «уровня», Вы, наверное, просто неточно выразились: наши настоящие, как и прошлые, национальные ценности — совсем не «областные», к «областному уровню» сведены не они, а украинская национально-политическая и культурная атмосфера республики).

У меня нет никаких претензий к Вашему, так сказать, культурническому взгляду на современное языковое и культурное положение украинского народа. Ваше «Товарищество», судя по опубликованному в «Літературній Україні» «Обращению», ставит перед собой культурно-просветительскую цель, и такой взгляд здесь вполне достаточен, если бы Вы ограничились им и не поставили свою инициативу в более широкий политико-идеологический контекст, заметный уже в самом Вашем подходе к проблеме, о чем речь шла выше. Он, этот контекст, и понудил меня обратиться к Вам с открытым письмом. При этом лелею надежду, что мой голос будет услышан более широкой русской общественностью, и не только Украины.

Вам делает часть понимание того, что мы, говоря Вашими словами, «вступили в эпоху, когда в условиях необратимого процесса демократизации фактор добровольности будет играть все большую роль в существовании союза наших народов». Если бы Вы на этом пути искали — цитирую — «гарантию нашего советского единства», Ваши рассуждения были бы интернационалистическими и благородными. К сожалению, Ваша принципиальная позиция целиком противоположна. Добровольность без равноправия и равной возможности воспользоваться своим правом превращается в пустой звук. Вы же нигде не ведете речь о равноправии народов, не говоря уже о всей совокупности их неотъемлемых прав на всю полноту своей исторической жизни. Вы ограничиваете проблему языком и культурой, да и то лишь с точки зрения нравственно-педагогической. И не только ограничиваете. Не сказав ни слова о *свободе* украинского народа, о политической и экономической свободе как гарантии культурной независимости, следова-

тельно, и свободного развития нашего языка и культуры, Вы в то же время последовательно выстраиваете противоположную цепь понятий — ту цепь, которая сковывала и сковывает нас идеологически и психологически и является продолжением оков политических. Вот этот Ваш понятийный ряд: «советская государственность», «советский патриотизм» («святая святых», Вы говорите), «советское единство» (и рядом — «общерусское единство»), «малая родина» и «Родина большая — советская многонациональная держава», «равноправное двуязычие»... Извините, о «равноправии» я ошибся: один раз Вы все же упомянули этот принцип — по отношению к «двуязычию». А что такое «двуязычие» практически и насколько оно равноправно, мы, украинцы, знаем очень хорошо. Что это «равноправие» изменится к лучшему для нас, я очень засомневался, услышав Ваши рекомендации. «Пусть общественность, — пишете Вы, — на месте решает, каким образом поддерживать на должном уровне престиж преобладающего в данной местности языка». «В данной местности» восточнуукраинских городов «преобладает» русский язык, и «общественность» весьма усередно беспокоится о его престиже. И не когда-то, в темные сталинские и серые брежневские времена, а ныне, в светлый день революционной перестройки. В прошлом году в Виннице украинские вывески были заменены русскими в одну ночь, и истрачено на эту операцию 100 тысяч рублей. В Харькове после ремонта магазинов и учреждений вместо старых украинских вывешивают русские вывески. В Киеве «равноправное двуязычие» шагнуло так далеко, что в транспорте выход на остановках объявляют на украинском языке, а последующие пояснения даются и следующая остановка объявляется на русском. Обратите внимание, это голос механический, с магнитофонной ленты — тот, звучание которого зависило от одного росчерка начальнического пера... С этого года журнал «Філософська думка» дублируется и на русском языке...

На каждом шагу и ежеминутно украинцам напоминают, что они представляют собой не самостоятельное образование и субъект истории, а только лишь этнографическую приставку к России; как остроумно выразился современный

украинский историк — пуговицу на мундире русского чиновника.

Чтобы украинское сознание не вырвалось на пространство свободы и не постигло самоценность собственного бытия, не почувствовало потребность в собственной независимости, его стремятся держать в крепкой идеологической клетке стереотипов-мифологем: два родных языка, двуязычие, старший брат, малая родина — большая Родина... Вы не разу не упомянули, что СССР — союз государств, а не просто «советская многонациональная держава», и что «политическая проблема» заключается не только в том, чтобы не «сделать плохую услугу святым святым — советскому патриотизму».

Зато Вы не забыли сказать нечто другое, действительно существенное и очень важное в Вашем разговоре. Поверьте мне, я уважаю Ваш русский патриотизм, как и патриотизм всех остальных русских, в Украине и вне Украины живущих. Но давайте послушаем, что написали Вы на страницах «Вечернего Киева». Цитирую: «Я не хочу другой Родины, другого языка, которым обладаю в своей единственной неповторимой жизни. Но ведь моя Родина — не только Россия; я гражданин СССР. Я желаю, чтобы перебивала она вечно в своих исторических границах».

«Исторические границы» СССР... Что-то новое в понятийном арсенале советской историографии, зато не ново другое понятие, которое приходит при этом в голову: «исторические границы России». Судя по Вашей общей позиции (и учитывая национальную идеологию части современной русской интеллигенции), аналогия не случайна.

Вот Вам и «малая родина — большая Родина». В «исторических границах». Вы очень несправедливы к украинским «папашам» и «мамашам». Не им «повсюду Родина». Нет у них Родины нигде, и это их большая беда. Порожденная той «большой Родиной», которая все делала для того, чтобы «советским патриотизмом» убить патриотизм украинский. И на почве Ваших двух родин никогда не вырастет зеленое дерево украинского патриотического самосознания. Родина — это не только язык и культура, это вся история народа, история его земли и сама земля, которая

напоила и поит своим животворным соком, прежде всего соком свободы. Свободы полноценной, полнокровной. Политической, экономической, культурной. Гарантированной идеологически, политически, материально-государственной самоорганизацией народа. Не имея организованной самозащиты, то есть собственного суверенного государства, напрасно говорить о свободном развитии культуры и языка. Особенно в реальных условиях украинской действительности, русско-украинских отношений. Вы не только обходите эти условия молчанием. Рассуждениями о «двух родин» и «естественной экспансии русского языка в сторону соседей» Вы консервируете прежние мучительные для нас обстоятельства нашей национальной жизни, выступая объективно против современных демократических процессов в советском обществе, против общесторического возрождения нерусских народов СССР. Подбрасывая идеи «исторических границ» и «общерусского единства», Вы идете еще дальше — назад; переходите Границу советской федерации и вступаете на благословенную территорию Русской империи, «единой и неделимой России».

Об «общерусском единстве» нужно сказать отдельно. Это — еще одни «исторические границы», специально для украинцев и белорусов. Установила их дооктябрьская великодержавная историография, и означали они непризнание украинцев и белорусов отдельными народами, присвоение Россией всей восточнославянской истории. Молодая советская наука пыталась в 20-х годах эти границы ликвидировать. А политика — утвердить на практике новый идеологический и политико-территориальный взгляд на восточное славянство. Судьба этих попыток общеизвестна. Великодержавники сталинской генерации, прикрываясь демагогией о «дружбе народов» и их «равноправии» в Союзе Советских Социалистических Республик, кровавым мечем реализовали свой план «автономизации России», возобновляли старые, дореволюционные идеологические границы политической истории народов СССР. В частности, на украинской и белорусской земле они сделали решительный шаг к... «общерусскому единству».

Обратим внимание: решающий поворот к имперским

историографическим границам произошел уже после смерти Сталина. Имею в виду официальное освящение идеи «воссоединения» Украины с Россией — по случаю 300-летия Переяславской Рады (1954 год). «Воссоединение», то есть возобновление единства одного целого. Теоретически, хотя об этом не говорилось откровенно, идея «воссоединения» была продолжением другой историографической доктрины — «древнерусской народности» как этническом единстве восточных славян в эпоху Киевской Руси, когда якобы еще не существовало трех отдельных восточнославянских народов — современных украинцев, белорусов и русских. Не буду говорить о научной необоснованности доктрины. Речь здесь о другом: о ее внутренней логике и политическом содержании. «Давньоруська народність» в русскоязычных текстах звучит как «древнерусская». Причем по отношению к другим понятиям она существует рядом и параллельно с определением «русский». И дело не только в терминологической неоднозначности (что недопустимо для науки) и в спекуляции словами «Русь», «руський» — нашим давним этническим наименованием, которое стало позднее самоназванием русских. Ни терминологически, ни концептуально русские не отмежевывали и не отмежевывают себя от своей этнической истории периода Киевской Руси. Более того, они рассматривают как свою, «русскую», всю восточнославянскую историю 6 — 13-14 веков. Утверждение о том, что русских (как и белорусов и украинцев) до 13-14 века еще не было, существует лишь как редкая фраза, почти исключительно только в учебниках, конечно, она, эта фраза, мало влияет на историографическую, общекультурную атмосферу, в которой формируется русское национальное сознание, — атмосферу русского патриотизма на почве «общерусского единства» «киевских времен».

Иным идеологическим воздухом дышат советские украинцы. До 14-15 веков, по воле официальной историографии, у нас нет ничего своего, украинского, ни народа, ни земли, ни культуры, ни языка: все здесь существует только как «руське». Нашему первоначальному этническому самоназванию, которое было общеупотребительным, живым для украинского народа еще в 17 веке, а у закарпатцев — до

середины 20 века, спекулятивная историография придала этнически чуждое значение и отрезала им от нашей истории все, что было до так называемого распада так называемой древнерусской народности. С точки зрения исторического процесса мы, украинцы, повисли в воздухе: неизвестно откуда взялись, как и почему стали отдельным народом.

Идея «воссоединения», хотя оснащена она уже словом «украинский», по своей внутренней логике приземляет нас, украинцев, на территории... «загальноруської єдності», «общерусского единства». Наверное, знаете, в каком духе — десятилетие за десятилетием — воспитывает официальная историография и пропаганда восточных славян: распад «древнерусской народности» — историческая беда; извечная мечта украинцев — «воссоединиться»... Добавьте к этому миф об «украинском буржуазном национализме», и Вы получите полную картину исторического положения нашей нации: теоретически, в идее, по внутренней логике концепции это означает уничтожение украинцев как отдельного народа, отрицание самодостаточности украинского исторического процесса, подчинение истории Украины политическим, великодержавным интересам России. Не забывайте, что речь идет не о хлопотах академической науки и не только об идеологических условиях нашего существования: идеология дополнялась репрессиями, и жертвы ее не единичны...

Говорю так широко об идеологии «исторических границ» и «общерусского единства» по двум причинам: она относится к сущности национальной проблемы в Советском Союзе и, к сожалению, продолжает оставаться широкой реальностью наших дней — после четырех лет перестроечной политики!

Вы желаете, чтобы Ваша Родина (Россия-СССР) «вечно существовала в своих исторических границах». Давайте идеологически очистим Вашу мысль и сузим ее, приспособив к юридическому статусу СССР как союзу суверенных Республик. Тогда она будет означать: Вы желаете, чтобы Советский Союз не распался. Что ж, Ваше желание законное, у Вас есть право и желать этого, и выражать свое пожелание, и пропагандировать свою мысль: демократия предусматривает для Вас такую свободу однозначно.

А если кто-то желает иного, противоположного — чтобы СССР не оставался в своих «исторических границах»? Уточню, конкретизирую: я действительно желаю, чтобы *моя* Родина (не «малая» и не с малой буквы) — Украина — нарушила «исторические границы» СССР, вышла из состава этого политического объединения и стала независимым, самостоятельным государством. Ибо, по моему глубокому убеждению, украинский народ, оставаясь в одном государстве с Россией, никогда не может возродиться и зажить в условиях национальной свободы. Впрочем, обоснование позиции — это нравственная сторона дела. Я говорю сейчас о другом — о праве. Конституция СССР и УССР делают мое желание законным, они представляют союзным Республикам право на выход из Советского Союза.

А Вы? Признаете ли Вы мое желание законным — нравственно и юридически? Говоря о «факторе добровольности», который благодаря процессу демократизации «будет играть все большую роль в существовании союза наших народов», Вы будто бы признаете. Будто бы, потому что Ваша идеология межнациональных отношений народов СССР делает это признание декларативным, основанным не на принципах равноправия. А еще более важно, равны ли наши возможности воспользоваться своим правом. Готово ли русское общество признать за другими народами Союза *безусловное* право на государственную независимость от России, на выход союзных Республик из состава СССР. Готово ли оно не чинить препятствий, если какая-то из союзных Республик захочет осуществить свое право. Здесь находится центральная проблема не только национальной жизни, но и всего процесса демократизации советского общества. И эта проблема становится все более злободневной.

К сожалению, и все более острой. Потому что русское общество идеологически и психологически не готово к *перестройке* национальных отношений народов СССР на принципах демократии и равноправия, равного права на самоопределение советских наций, следовательно, и на их отдельное государственное существование. Для подобного пессимистического вывода оснований предостаточно.

Если я напомню Вам о печально известном обществе «Память», Вы, наверное, просто отмахнетесь: уличная публика, мол. Уличная? Посмотрим, куда ведет эта улица. На ней — не только антиеврейская истерика: за антисемитизмом стоит более широкая национальная платформа — идеология великодержавной России, России в «исторических границах». Словесное украшение платформы на различных ступеньках общественной иерархии отличное от прямого провозглашения идеи «единой неделимой России» и шовинистического терминологического балансирования между «Россией и СССР» до демагогии о «новой исторической общности» и «едином советском народе».

Масштабы, мощь и продолжительность пропагандистского и практического утверждения «единства советского народа» (или, как Вы говорите, «укрепления советской государственности») общеизвестны. Как и разрушительные последствия этой политики для национальной жизни народов СССР. В том числе и для русского народа. Патриоты России — и не только определенного идеологического направления — осознают это, но выход из положения упрямо ищут на пути «единства» и «укрепления». Обратите внимание: особенно интенсивно именно теперь, когда реклама «новой исторической общности» резко потускнела и «окраины» начинают проявлять непокорность. Вот Вам пример не с улицы.

Осенью прошлого года в Москве создано «Товарищество русских художников», учредителем которого стали известные писатели, художники, музыканты, кинематографисты: Валентин Распутин, Виктор Лихоносов, Василий Белов, Виктор Астафьев, Михаил Савицкий, Николай Яковлев, Анполон Кузьмин и др. Принято «Обращение к художникам, ученым, деятелям культуры, труженикам России». Его авторы с большим воодушевлением говорят о нынешнем катастрофическом состоянии и исторических потребностях «нашей Родины». Какой — «малой», «большой»? И какое соотношение между ними?

Разделение на две родины здесь нет, но есть упоминание о «братских народах» и «братских республиках». Национально-политическое отношение «братских республик» к

«Родине» очерчены очень выразительно, со всей четкостью политической программы. Осуждена «вульгарная интернационализация народов», отмечено, что благодаря перестройке для них «открываются возможности национального обновления и возрождения культурной самостоятельности (слушайте дальше!) в рамках общегосударственного единства»... Что такое «общегосударственное единство»? Послушайте: «Мы, русские художники, поступили бы в высшей степени безответственно, если позволили бы себе наблюдать, пусть даже с состраданием(?), превращение родного отечества в систему зависимых от прочих великих держав мелких государств. Слишком дорогой ценой заплачено нашими предками за создание государственной твердыни, во все времена носившей гордое имя — Россия и Советский Союз!»

«Россия и Советский Союз»... Вы узнали, Сергей Анатольевич, свои родные «вечные исторические границы»? У многочисленных авторов «Обращения» (и еще более многочисленных их единомышленников) эти границы проложены твердо и бескомпромиссно. О «Советском Союзе» процитированное место является единственным упоминанием, достаточно однозначным. Оно существует здесь в контексте «нашего Великого исторического Отечества», государственного единства» России, «единства политической и государственной системы всей страны», «высокого чувства Родины, верности государственным ее интересам», «единого государства». Текст не оставляет никакого сомнения в том, что для творцов «Обращения» «Советский Союз» лишь синоним, параллельное название к имени «Россия»; что в заглавии «Россия» означает «Советский Союз»; что «братья по государственному союзу» — это не союз суверенных, равноправных Республик, а союз народов в рамках *единого* государства, то есть, ясное дело, «Великого Отечества». Понятие «Россия» употребляется в «Обращении» в двух значениях — как РСФСР и как СССР. В досоветское время различие было более четким: Великороссия — Россия, Россия — Русская империя... В «Советском Союзе» «Товарищества» нет ни федерации, ни политических прав «братских народов» вообще, ни ленинской национальной

политики, ни сталинского внедрения ее в жизнь, ни национального возрождения в 20-х годах... Нет и самой Октябрьской революции... Правда, есть «гражданская война», которая произвела «опустошение в людских душах»...

А что было до нее, до «гражданской войны»? О, это очень интересно... Некоторые считали и считают, что царская Россия была тюрьмой народов. Патриоты «Товарищества» другого мнения. Они пишут: «Наша Родина, соединившая судьбы русского, украинского, белорусского — всех великих и малых населяющих Россию (обратите внимание: не «населявшие», а «населяющих», то есть ныне украинский и другие народы СССР населяют «Россию» (и столетия живущих на принципах добровольного согласия народов...)» И еще: «За нами стоят дела и подвиги великих предков, сумевших объединить в единое народное государство с самобытной культурой земли от Балтики и до Тихого океана...» Одним словом, как писал Тарас Шевченко, «Од молдаванина до фіна на всіх языках все мовчить, бо благоденствує!»

«Добровольное согласие», «единое народное государство»... Не понятно только, как дошло до «гражданской войны». Авторы «Обращения» молчат об этом. Зато они громко заявляют о своем отношении к тем «братьям» и «сестрам», которые стараются ныне нарушить это «благоденствие». Из их заявления читателю становится ясно, по какой улице идет «Товарищество» и от какого наследия — и политического, и идеологического — оно *не* отказывается. Вот послушайте: «Некогда мощный, скрепленный идеей непоколебимого единства, союз народов России переживает трудное время, когда под прикрытием спекулятивных лозунгов «демократические» и националистические группы и фронты пытаются разъять и нарушить общенародное единство, определенное всем предшествующим ходом истории».

Правда, идеология и фразеология «понятны»? Теперь окиньте интеллектуальным взглядом «историческое пространство» от Балтики до Тихого океана, от фіна до молдаванина, послушайте, как «молчит» Прибалтика,

Молдавия, Беларусь, Украина, Армения, Грузия, другие «пространства» и что говорит о них и им (или замалчивает) русская пресса и «большая Родина» вообще. Не трудно понять: русское сознание «исторического Отечества» заявляет о себе выразительно и дружно. Если учтете, что официальная Перестройка, говоря об усовершенствовании межнациональных отношений в Советском Союзе, обходит молчанием принцип права наций на самоопределение. Вы получите хоть и по-разному оснащенный и укрепленный, но единый фронт защиты «исторических границ Отечества».

Илья Глазунов, например, в картине «Вечная Россия» (Россия у него выразительно монархическая) поместил Богдана Хмельницкого в круг русских царей, то есть «воссоединил» Украину с Россией. Поэт Андрей Вознесенский, человек иной национально-идеологической ориентации, в Чернобыльской трагедии, на которую откликнулся стихотворением, увидел только Россию — и географически, и идейно-нравственно. Такие же «исторические границы» зафиксировал и В. Губарев, автор пьесы «Саркофаг» — тоже о Чернобыле...

Литератор Татьяна Иванова, автор «Письма к своим» — о современном национализме в Советском Союзе (см. «Книжное обозрение» за 2. 04. 89 г.) противостоит консервативным русским патриотам принципиально. Она, как русская, готова взять на себя особую ответственность за «братство в нашей стране», за «гуманность, милосердие, взаимопомощь, взаимопонимание» в «нашем большом братском доме». Благородная позиция. Политически мудрая. К сожалению, лишь тогда, когда речь идет о «традициях, обычаях и колыбельных песнях, наших памятниках культуры» — о нравственном содержании национальной жизни. Национально-политического аспекта проблемы автор не видит. Поэтому и отождествляет «Память» с событиями в Казахстане и Сумгаите, ставит знак равенства между «инородцами» «Памяти» и «некоренными» прибалтийских Республик, пишет заглавие «И вот уже пролилась кровь в Тбилиси», и, ни слова не сказав о творцах и политическом содержании трагедии, размышляет о

«коренных» из разных республик, которых («коренников») якобы «перспектива резать по живому не смущает».

Знакомый антитезис: «братство в общем доме» и «резанье по живому»... Очень опасный как раз для милосердия и взаимопонимания в «братском доме». Тем более если проводить механическое деление между интернационализмом и национализмом, трактуя эти понятия абстрактно, схоластически; считать, что «тех, кто напоминает, что они русские, армяне, латыши, грузины, — слишком много...»; придерживаться мнения, что «нашему обществу необходимо все-таки в самую первую очередь заботиться об интернациональном воспитании, а о национальных особенностях, национальном своеобразии, традициях и обычаях — во вторую».

Директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Е. Примаков также обеспокоен проблемой «интернационального воспитания». Чрезвычайно обеспокоен. Не меньше, чем идеологи и активисты «Памяти».

Возможно, Вас и возмутит такое сравнение. Но не спешите, пожалуйста, с выводами. И отдайте должное высокому взгляду академика (члена ЦК КПСС, народного депутата СССР от компартии) на национальные отношения народов Советского Союза. Свое понимание проблемы он изложил со всей основательностью академической науки, и не где-нибудь, а за трибуной 19-ой Всесоюзной конференции КПСС. Рассуждения господина Примакова настолько важны и красноречивы, что я позволю себе процитировать их как можно полнее.

Конечно, Е. Примаков всей душой за «перестройку». Именно поэтому его так встревожила идея многопартийности. Ведь ею, предостерегает он, «могут в первую очередь воспользоваться националистические, догматические элементы всех мастей. А это было бы страшным ударом по перестройке». «Интернационализация общественной жизни в Советском Союзе» — «насушная необходимость». Е. Примаков не ставит под сомнение полезность методов «интернационального воспитания, средствами пропаганды, но считает, что «для сближения наций» «решающее значение

имеет создание интернациональных структур, охвативших все стороны нашей жизни». В частности, развитие «национальных или хотя бы местных кадров во всей партийно-хозяйственной системе республик сверху донизу», как было до сих пор, «нужно дополнить» «ротацией кадров по горизонтали по всей стране». Ибо «только при таком горизонтальном перемещении и партийных, хозяйственных работников можно создать единый интернациональный сплав в Советском Союзе, который будет гораздо монолитнее, чем сумма национальных образований, тяготеющих к замкнутости».

Ясное дело, патриот «интернационального сплава» «нисколько не преуменьшает важности развития всех наций и народностей в Советском Союзе. Но такое развитие, — закликает Е. Примаков, не должно отрываться от интернациональной почвы. Тем более это важно сейчас, когда упор делается на большую самостоятельность на местах. Без практики такого перелива кадров правильное решение, очень правильное решение о самостоятельности может привести к росту национализма».

«Заслуживает пристального внимания, — поучает оратор участников конференции, — проблема, если хотите, интеграции национальных интеллигенций, потому что именно часть интеллигенции выступает, к сожалению, в качестве главного носителя националистической идеи». И вот академик развертывает план «мобильных» путешествий из республики в республику вузовских преподавателей для чтения лекций и целых курсов, на русском языке, само собой разумеется.

Проект углубления «интернационализации науки» еще более основателен. «Часто, — плачется академик, — из престижных соображений некоторые союзные республики в своих академиях формируют полные циклы дисциплинарных исследований, не имея для этого ни традиций, ни материальной базы, ни кадров». Нет-нет, ученый «конечно, за развитие науки во всех республиках. Но давайте все-таки, — призывает он, — исходить из того, что нужно создавать ячейки единой общесоюзной науки».

Правда, Сергей Анатольевич, фундаментальную науку

«интернационального воспитания» создает господин Примаков? Не понятно только, почему он возглавляет Институт мировой экономики, а не, скажем, институт «переливания кадров», т. е. институт интенсивного выпуска крови из нерусских народов СССР. Тем более, что опыт здесь накоплен богатый. К тому же и имя, которое стоит присвоить этому институту, авторитетное и общеизвестное: Сталин.

Не знаю, какое образование и социальное положение у харьковчанина А. Мусалова, но его «интернациональное сознание», судя по письму, напечатанному в «Правде» от 12. 05. 89 г., не ниже, чем у некоторых академиков и известных деятелей русской культуры. О своих сегодняшних патристических хлопотах А. Мусалов пишет следующее: «Хорошо, если разгоревшиеся ныне страсти улягутся со временем и единство советского народа укрепитя. А если «национальное сознание» пойдет на усиление? Неужели создадим ситуацию 1240 года, когда страна была раздроблена на удельные княжества? Я живу на Украине, но болею за Россию, как и за весь Союз в целом...»

Видно, неплохую школу «интернационального воспитания» прошел А. Мусалов, если считает, что Республики Союза (ясное дело, нерусские Республики), — только лишь «удельные княжества». Как мы видим, школа хорошо развита — во всю полноту социально-политической и духовной структуры и имеет высококвалифицированные кадры. Кстати, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР М. Пучкова, комментируя подборку читательских писем «Правды», не сделала А. Мусалову никакого замечания...

Живу на Украине, но болею за Россию... По человечески можно и так, если придерживаться хотя бы нейтралитета по отношению к Украине, осознавая, что она не является удельным княжеством России и что украинцы тоже способны болеть за свою землю. Болеть, претендуя иметь собственные исторические границы и понимая, что в идеологических границах «Великого исторического Отечества» и «единства советского народа» мы никогда не

сможем возродить свой язык и культуру, обеспечить им свободное развитие. Потому что такое развитие возможно только на почве свободного развития нации вообще. На почве неурезанной национальной свободы.

Выход из современной языковой и культурной ситуации, в которой очутился украинский народ, — дело не воспитания и не пропаганды. Это дело общего исторического положения и состояния нашей нации. Прежде всего положения и состояния политического. В основе проблемы лежат государственные взаимоотношения между Украиной и Россией. И возникла эта проблема не после 1917 года и не вследствие сталинского отступления от ленинской национальной политики. Ее корни — уже в Киевской Руси, в тогдашних процессах этнической консолидации восточнославянского населения как трех отдельных и самобытных народов. Татаро-монгольское нашествие прервало эволюционный ход государственного становления украинцев, белорусов и русских и привело к перераспределению политических сил в Восточной и Центральной Европе. В первую очередь не в пользу Украины. Наши земли не только подверглись основному удару: они стали объектом, а потом и жертвой великодержавных притязаний соседних стран. И все-таки государственное формирование украинских сил продолжалось. К середине 17-го века оно достигало уровня общенациональной освободительной войны против Польши. Украинские политики, ища себе союзников, обратили свои взгляды, вполне логично, и к России. Не знаю, был ли у нас в той ситуации какой-либо иной выход, кроме государственного союза с Россией. Не знаю, есть ли у нас основания упрекать украинских политиков русской ориентации в недооценке государственной стратегии России по отношению к украинским и белорусским землям. Но сегодня, думая о нашей актуальной истории — о трагическом 20-м веке в жизни наших народов, осмысливая их современное положение и возлагая надежды на их лучшее будущее, мы должны помнить: в период Национально-освободительной войны середины 17-го века Украина искала себе в лице России союзника. Россия же, соответственно, имела уже в запасе идеологию «освобождения» Украины и

Белоруси как *своих* земель и «возвращения» восточнославянских земель. Понятное дело, как исторической собственности России. Идеологическая стратегия и политическая тактика русского государства в отношении к украинскому и белорусскому народам в конце концов нашли и проявили свое единство — в полном и откровенном отрицании украинцев и белорусов как отдельных народов, в провозглашении их этнографическими частями русского этноса.

Великодержавная идеология и политика России, в первую очередь по отношению к Украине и Белоруси, не могла пройти мимо сознания русского общества. Хотел бы надеяться, что мои рассуждения перед Вами если не убедили Вас в этом, то хотя бы немного поколебали Вашу веру в святость «исторических границ». Границ, которые принесли много беды нашим городам. Особенно в 20-м веке с его двумя мировыми войнами, с жестокостью гражданской войны 1917-1920 годов, с ужасами сталинского террора, с фактическими метастазами неосталинизма 70-80-х годов...

Солдатам большевистской армии Муравьева, который руководил наступлением на Украинскую Центральную Раду в феврале 1918 года, нужно было быть психологически готовыми к тому, что они сделали, захватив Киев. Деятель Центральной Рады Дмитро Дорошенко вспоминает: части Муравьева устроили в Киеве такую кровавую бойню, которой город не переживал со времен Андрея Боголюбского. За три недели хозяйничанья здесь жертвой их «революционного» пыла пало свыше 5000 человек. Только в первый день были убиты не менее трех тысяч человек, преимущественно украинских офицеров, имевших при себе удостоверения Центральной Рады. очевидцы утверждают, что муравьевцы расстреливали киевлян за украинский язык и украинскую вышитую рубашку...

Если эти свидетельства кажутся Вам, Сергей Анатольевич, неубедительными, субъективистскими, тенденциозными, то вспомните: до сих пор в восточноукраинских городах или вне Украины украинец за одно лишь употребление украинского языка легко мог получить ярлык «бандеровец». Наверное, не нужно Вам разъяснять, какой образ «бандеровцев» создала официальная пропаганда и как

в экстремальных ситуациях отнеслись бы к «бандеровцам» патриоты. Вы сами пишете, что многие из русских Украины, отмахиваясь от украинского языка, «будто даже гордятся этим».

На мой взгляд, великодержавная инерция русской истории была тем фактором, который сыграл решающую роль в победе сталинизма, перевесив социальную энергию однопартийной диктатуры. Ныне эта инерция является главным тормозом на пути демократической перестройки советского общества, Советского Союза. И снова прошу Вас — сопоставьте: сегодняшняя Прибалтика и сегодняшний «сильный центр»; глубина и темпы сегодняшней демократизации в России и в Украине...

Когда-то большевики России выдвигали правильный, справедливый лозунг: воспитывать русское общество в сознании права наций на самоопределение, права народов империи на независимое государственное существование. Однако сами они далеко не во всем следовали собственному призыву — и в идеологии, и в принципах строительства партии, и в практической национальной политике. Это в значительной степени и определило судьбу идей, провозглашенных Октябрьской революций.

Сознание русского общества с точки зрения права наций на самоопределение — это и сегодня проблема проблем. От нее зависит многое в судьбе Перестройки.

Ваш народ снова стоит перед выбором: демократия, свобода или «вечные исторические границы», «Великое историческое Отечество». Перед нами, украинцами, тоже выбор: или обречь себя на вечную изнурительную жертвенную борьбу за выживание, которая в нынешних экологических условиях очень скоро может окончиться физической общенациональной катастрофой, или, чтобы надежно защитить свою жизнь, свою свободу, отважиться на решительный шаг — создать независимое государство, выйти из состава СССР.

Взаимопонимание между нами возможно только на почве украинской государственности — тогда, когда Вы признаете за нами *безусловное* право на независимое государство и не чините нам препятствия на нашем пути к

самостоятельной Украине (я умышленно употребил это словосочетание — такое ненавистное кое-кому!). А если бы русские Украины оказались настолько мудрыми, что поспособствовали бы нам в завоевании государственной независимости, наше взаимопонимание переросло бы во взаимную симпатию. Если бы слово «братский» не было настолько испорчено шовинистической идеологией и практикой, я сказал бы даже: взаимопонимание между нами переросло бы в братские отношения в нашем общем украинском доме. Такое взаимопонимание между украинским и русским народами вообще создавало бы надежный мост добрососедства между Украиной и Россией, пролагало бы дорогу сокрушая «исторические границы» рабства и насилия, к Отчизне свободы, демократии, гуманизма, материального и духовного благополучия — и для вас, и для нас; и для свободной самостоятельной России, и для свободной самостоятельной Украины.

С искренним пожеланием добра для Вас и для Вашего народа

Юрий Бадзьо

Якутия, июль 1988 года — Киев, 11-21 мая 1989 года.

P. S. Пожалуйста, обратите внимание на эту дату. Писать Вам я начал еще в ссылке. Долго сомневался, стоит ли вести принципиальный разговор об украинско-русских отношениях, обращаясь к Вам, автору хорошей и злободневной инициативы — создания из русскоязычного населения Украины общества «Друзья украинского искусства и литературы». Ваше выступление на учредительной конференции Общества украинского языка имени Тараса Шевченко в феврале этого года побудили меня дописать это письмо.

Ю. Б.

На киевской улице.

Поминки по погибшему в концлагере узнику совести Валерию Марченко. Бывшие политзаключенные Олесь Шевченко, Иван Сокульский, Евген Сверстюк, Василь Овсиенко, Мыкола Горбаль, Зиновий Антонюк, Семен Глузман, Иосиф Зисельс, октябрь 1988 г.

Митинг межнациональной дружбы, организованный демократической общественностью Киева, февраль 1990 г.

Иван Драч выступает на учредительной конференции Совета наций «Руха».

Цветы жертвам застоя. У рухнувшего в августе 1989 г. портала Киевского почтамта.

В. Линчевский, О. Шевченко, М. Горбаль в штаб-квартире «Руха» в Киеве, февраль 1990.

Траурная процессия к могиле жертв НКВД, Быковня, 7 июня 1989 г.

Круты. Здесь в январе 1918 г. погибли сотни киевских студентов-добровольцев, защищавших украинскую столицу от наступающих войск большевиков.

И С Т О Р И Я

ДВА УНИВЕРСАЛА УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ

ПЕРВЫЙ: УНИВЕРСАЛ УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ К УКРАИНСКОМУ НАРОДУ, НА УКРАИНЕ И ВНЕ УКРАИНЫ СУЩЕМУ

Народ Украинский!

Народ крестьян, рабочих, трудящегося люда! Волей своей ты поставил нас, Украинскую Центральную Раду, на страже прав и вольностей Украинской Земли.

Лучшие сыны твои, выборные от сел, от фабрик, от солдатских казарм, от всех общин и товариществ украинских, избрали нас, Украинскую Центральную Раду, и дали нам наказ стать на борьбу за права и вольности.

Твои, народ, выборные люди заявили свою волю так:

Пусть будет Украина Свободной. Не отделяясь от всей России, не разрывая с державой российской, пусть народ украинский на своей земле имеет право самостоятельно управлять своей жизнью. Пусть порядок и устройство определит избранное всенародным, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Украинское Собрание (Сейм). Все законы, которые должны определить этот строй здесь у нас, на Украине, имеет право издавать только наше Украинское Собрание.

Те ж законы, что должны определять устройство по всей Российской державе, должны издаваться во Всероссийском парламенте.

Никто лучше нас не сможет знать, что нам нужно и какие законы для нас лучшие. Никто лучше наших крестьян не

может знать, как распоряжаться своей землей. И потому мы хотим, чтобы после того, как будут отобраны по всей России помещичьи, казенные, царские, монастырские и иные земли в собственность народов, как будет принят об этом закон на Всероссийском Учредительном Собрании, право пользования ими принадлежало только нам самим, нашему Украинскому Собранию (Сейму).

Так сказали выборные люди со всей Земли Украинской. Сказавши так, они избрали из себя нас, Украинскую Центральную Раду, и дали нам наказ быть во главе нашего народа, стоять за его права и создать новый строй свободной автономной Украины.

И мы, Украинская Центральная Рада, воплощая волю своего народа, взяли на себя тяжкое бремя строительства новой жизни и приступили к этой большой работе.

Мы надеялись, что Центральное Российское Правительство протянет нам руку в этом труде, что в согласии с ним мы, Украинская Центральная Рада сможем установить порядок на нашей земле.

Но Временное Российское Правительство отвергло все наши требования, оттолкнуло протянутую руку украинского народа.

Мы выслали в Петроград своих делегатов (послов), чтобы они представили Российскому Временному Правительству наши требования.

А самые главные требования были такие:

Чтобы Российское Правительство публично отдельным актом заявило, что оно не выступает против национальной воли Украины, против права нашего народа на автономию.

Чтобы Центральное Российское Правительство по всем вопросам, касающимся Украины, имело при себе нашего комиссара по украинским делам.

Чтобы местная власть на Украине была объединена одним представителем от Центрального Российского Правительства, т.е. выбранным нами комиссаром на Украине.

Чтобы определенная часть денег, которые собираются в Центральную Казну от нашего народа, отдавали нам, представителям этого народа, на национально-культурные потребности его.

Все эти требования наши Центральное Российское правительство отвергло.

Оно не захотело сказать, признает ли за нашим народом право на автономию, право самому распоряжаться своей жизнью. Оно уклонилось от ответа, отослав нас к будущему Всероссийскому Учредительному Собранию.

Центральное Российское Правительство не захотело иметь при себе нашего комиссара, не захотело вместе с нами создавать новый строй.

Так же не захотело оно признать комиссара по Украине, чтобы мы могли вместе с ним вести наш край к благополучию и порядку.

И деньги, что собираются с нашей земли, отказались вернуть на нужды нашей школы, просвещения и организаций.

И теперь, Народ Украинский, нас вынудили к тому, чтобы мы сами творили свою судьбу. Мы не можем допустить, чтобы наш край оказался в состоянии хаоса и упадка. Если Временное Российское Правительство не может навести у нас порядок, если оно не хочет взяться вместе с нами за большую работу, мы сами должны взять ее на себя. Это наш долг перед нашим краем и теми народами, что живут на нашей земле.

И поэтому мы, Украинская Центральная Рада, издаем этот универсал ко всему нашему народу и объявляем: отныне сами будем творить нашу жизнь.

Так пусть же каждый член нашей нации, каждый гражданин села или города отныне знает, что пришло время большой работы.

С этого часа каждое село, каждая волость, каждая управа, городская или земская, поддерживающая интересы Украинского Народа, должна иметь *самые тесные организационные связи с Центральной Радой.*

Там, где по каким-либо причинам административная власть осталась в руках людей, враждебных украинству, предписываем нашим гражданам вести широкую и мощную организационную и просветительскую работу среди народа и затем перенять административную власть.

В городах и тех местностях, где украинское население проживает совместно с другими национальностями, предписываем нашим гражданам срочно прийти к соглашению и взаимопониманию с демократией этих национальностей и вместе с ними приступить к подготовке новой правильной жизни.

Центральная Рада выражает надежду, что народы неукраинские, живущие на нашей земле, также будут заботиться о порядке и покое в нашем краю и в этот тяжелый час вседержавного неурюстройства дружно, единодушно с нами приступят к труду по организации автономии Украины.

И когда мы проведем эту подготовительную организационную работу, мы созовем представителей от всех народов Земли Украинской и примем законы для нее. Те законы, весь тот строй, что мы подготовим, Всероссийское Учредительное Собрание должно будет утвердить своим законом.

Народ Украинский! Перед твоим выборным органом — Украинской Центральной Радой стоит большая и высокая стена, которую ей нужно повалить, чтобы вывести народ свой на свободную дорогу.

Нужны силы для этого. Нужны сильные, смелые руки. Нужна большая народная работа. А для успеха этой работы прежде всего нужны большие средства (деньги). До сих пор украинский народ все средства свои отдавал во Всероссийскую Центральную Казну, а сам не имел, да и сейчас не имеет от нее того, что должен был бы иметь за это.

И поэтому мы, Украинская Центральная Рада, предписываем всем организованным гражданам сел и городов, всем украинским общественным управам и учреждениям с 1 числа месяца июля возложить на население особый налог на родное дело и тотчас, немедленно и ругулярно пересылать его *в казну Украинской Центральной Рады.*

Народ Украинский! В твоих руках судьба твоя. В этот трудный час всемирного хаоса и распада докажи своим единомыслием и государственным разумом, что ты народ, народ хлеборобов, можешь гордо и достойно стать рядом с любым организованным, государственным народом как равный с равным.

Универсал принят в Киеве 10 июня 1917 года.
(Перевод с украинского)

ЧЕТВЕРТЫЙ УНИВЕРСАЛ УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ

АКТ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Народ Украины!

Твоей силой, волей, словом возникла на земле Украинская Свободная Народная Республика. Осуществилась стародавняя мечта отцов Твоих, борцов за вольности и права трудящихся. Но в тяжелую годину возродилась воля Украины. Четыре года лютой войны обессилили наш Край и его население; фабрики товаров не производят, заводы останавливаются, железные дороги разболтаны, деньги падают в цене, хлеба все меньше, наступает голод. В крае расплодились шайки грабителей и бандитов, особенно после того, как двинулось с фронта войско, учиня кровавую резню, заговоры и разоря нашу Землю. Из-за всего этого не могли состояться выборы в Украинское Учредительное Собрание в предписанное нашим предыдущим Универсалом время, и само это собрание, назначенное на сегодняшний день, не могло состояться, чтобы принять из наших рук нашу временную высшую революционную власть над Украиной, установить порядок в народной Республике нашей и организовать новое Правительство. А тем временем Петроградское Правительство Народных Комиссаров, чтобы вернуть под свою власть Свободную Украинскую Республику, объявило войну Украине и посылает на наши земли свои войска красногвардейцев, большевиков, которые грабят хлеб наших крестьян и безо всякой оплаты вывозят его в Россию, не оставляя даже зерна, приготовленного для посева, убивают невинных людей и сеют повсюду хаос, преступления, бесчинства.

Мы, Украинская Центральная Рада, сделали все, чтобы не допустить этой братоубийственной войны двух соседних народов, но Петроградское Правительство не пошло нам навстречу и далее ведет кровавую борьбу с нашим Народом

и Республикой; кроме того, это же самое Петроградское Правительство Народных Комиссаров пытается оттягивать мир и призывает к новой войне, называя ее к тому же священной. Вновь польется кровь, вновь несчастный трудовой народ должен жертвовать своей жизнью.

Мы, Украинская Центральная Рада, избранная съездами крестьян, рабочих и солдат Украины, к этому примкнуть никак не можем, никаких войн поддерживать не будем, потому что Украинский Народ хочет мира, и мир демократический нужен как можно скорее. Но для того, чтобы ни Русское Правительство, ни какое-либо другое не препятствовали Украине добиться этого желанного мира, для того, чтобы установить в Краю порядок, мы, Украинская Центральная Рада, оповещаем всех граждан Украины:

Отныне Украинская Народная республика становится самостоятельным, ни от кого не зависимым Свободным Суверенным Государством Украинского Народа.

Со всеми соседними государствами, как то: Россия, Польша, Австрия, Румыния, Турция и другие, мы хотим жить в согласии и дружбе, но ни одно из них не может вмешиваться в жизнь Самостоятельной Украинской Республики, — власть в ней будет принадлежать только Народу Украины, именем которого, пока соберется Украинское Учредительное Собрание, будем править мы, Украинская Центральная Рада, представительница рабочего народа — крестьян, рабочих и солдат, и наш исполнительный орган, который отныне будет иметь название «Совет Народных Министров».

Прежде всего предписываем Правительству Республики нашей — Совету Народных Министров — с этого дня вести начатые ею уже переговоры о мире с Центральными Державами совершенно самостоятельно и довести их до конца, независимо ни от каких препятствий со стороны каких-либо других частей бывшей Российской империи, и установить мир, чтобы наш Край начал свою хозяйственную жизнь в покое и согласии.

Что касается так называемых «большевиков» и прочих захватчиков, уничтожающих и превращающих в руины наш Край, то мы предписываем Правительству Украинской Народной Республики твердо и решительно приступить к борьбе с ними. ² всех граждан нашей Республики призываем, не щадя жизни, защищать благополучие и свободу. Наша Народная Украинская Держава должна быть очищена от присланных из Петрограда насильников, попирающих права Украинской Республики.

Неизмеримо тяжелая война, начатая буржуазным правительством, страшно измучила наш Народ, уже погубила наш Край, разрушила хозяйство. Теперь этому должен прийти конец. По мере того, как армия будет демобилизовываться, какую-то часть предписываем отпустить, а после подтверждения мирных переговоров армия будет совсем распущена. Потом вместо постоянной армии следует ввести народную милицию, чтобы войско наше служило защите трудового народа, а не желаниям господствующих слоев.

Разрушенные войной и демобилизацией местности должны быть восстановлены при помощи и средствами нашей Государственной Казны. Когда воины наши вернутся домой, народные советы, волостные, уездные и городские думы должны быть переизбраны в заранее определенное время, чтобы и воины наши имели в них голос. А тем временем нужно установить на местах власть, которой бы доверяли и которая опиралась бы на все революционно-демократические слои народа. Правительство должно призвать к сотрудничеству все советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, избранных из местного населения.

В вопросе земельном комиссия, избранная на последней сессии нашей, уже выработала закон о передаче земли трудовому народу без выкупа, приняв за основу отмену собственности и социализацию земли, согласно нашему постановлению на восьмой сессии. Закон этот будет рассмотрен через несколько дней Центральной Радой в полном составе.

Совет Народных Министров использует все средства, чтобы передача земли в руки трудящихся через земельные

комитеты еще до начала весенних работ непременно произошла.

Леса, воды и все богатства подземные как достояние Украинского трудового народа переходят в распоряжение Украинской Народной Республики.

Война также втянула в себя все трудовые рабочие силы нашей страны. Большинство заводов, фабрик, мастерских производило только то, что было необходимо для войны, и народ остался совсем без товаров. Теперь войне конец. Поэтому предписываем Совету Народных Министров немедленно приступить к переводению всех заводов и фабрик на мирное положение, на производство продуктов, необходимых в первую очередь трудящимся массам.

Эта же самая война породила сотни тысяч безработных, а также инвалидов. В Самостоятельной Народной Республике Украине не должен страдать ни один трудящийся человек. Правительство Республики должно поднять промышленность Государства, должно приступить к творческой работе во всех отраслях, где бы все безработные могли бы найти работу и приложить свои силы, и использовать все средства для обеспечения покалеченных и потерпевших от войны.

При старом строе торговцы и разные посредники наживали за счет бедных угнетенных классов огромнейшие капиталы. Отныне Украинская Народная Республика берет в свои руки самые важные отрасли торговли и весь доход от нее пойдет на пользу народа. За товарами, которые будут ввозиться из-за границы и вывозиться за границу, будет следить само Государство наше — чтобы не было такой дороговизны, от которой страдают самые бедные классы из-за спекулянтов. Правительству Республики с целью исполнения этого предписываем подготовить и представить на утверждение закон об этом, а также о монополии на железо, кожу, табак и иные продукты и товары, на которые шло больше всего доходов от трудовых классов в пользу нетрудящихся.

Также предписываем установить государственно-народный контроль над всеми банками, которые помогали кредитами, займами нетрудовым массам, эксплуатируя

классы трудовые. Отныне помощь банков займами должна предоставляться главным образом для поддержки трудового населения и развития народного хозяйства Украинской Народной Республики, а не на спекуляцию и разные банковские формы эксплуатации.

На фоне разрухи, тревожной жизни и недостатка продуктов растет недовольство среди некоторой части населения. Этим недовольством пользуются различные темные силы и подстрекают несознательных людей к возвращению старых порядков. Эти темные силы хотят вновь вернуть все свободные народы под единое царское ярмо России. Совет Народных Комиссаров должен решительно бороться со всеми контрреволюционными силами. А всякого, кто призывает к восстанию против Самостоятельной Украинской Народной Республики, к возвращению старых порядков, наказывать, как за государственную измену.

Все демократические свободы, провозглашенные Третьим Универсалом, Украинская Народная Республика подтверждает и, в частности, провозглашает: в Самостоятельной Народной Украинской Республике все нации пользуются правом национально-культурной автономии, признанным за ними законом от 9 января.

Все то, что из перечисленного в этом Универсале не успеем сделать мы, Центральная Рада, в ближайшие недели, полностью завершит, оформит, в полный порядок приведет Украинское Учредительное Собрание. Мы даем наказ всем гражданам нашим проводить выборы в него самым тщательным образом, использовать все меры, чтобы подсчет голосов завершился как можно скорее, чтобы через несколько недель собралось это наше Учредительное Собрание — верховный хозяин-распорядитель Земли нашей — и утвердило свободу, новый строй и благополучие конституцией Независимой Украинской Народной Республики на благо всего трудящегося народа — теперь и на будущее.

Этому Высшему нашему органу предстоит решать вопрос о федеративной связи с народными республиками бывшей Российской державы.

До этого времени всех граждан Самостоятельной Украинской Народной Республики призываем нерушимо стоять на страже завоеванной свободы и прав нашего Народа и всеми силами защищать свою судьбу от всех врагов крестьянско-рабочей Самостоятельной Республики Украинской.

Украинская Центральная Рада
в Киеве, 9 января 1918 г.

(Перевод с украинского)

ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ*

Распад российской империи явился неизбежным результатом тех исторических условий, в которых совершилось падение романовской монархии. Четыре года всемирной войны повсюду — а в странах экономически отсталых особенно — упростили весь механизм экономической жизни. Производительная, на нормальные времена рассчитанная, хозяйственная деятельность замерла или, по меньшей мере, сильно сжалась. Тем самым должно было ослабеть действие тех интересов, которые прочно связывали экономически жизнеспособные классы отдельных окраин с государственным центром и которые уравнивают сепаратистские тенденции, неминуемо пробуждающиеся в каждой нации, получившей после долгих лет порабощенного состояния первую возможность самоопределения. Уже по одному этому самоопределение окраинных наций в 1917 году должно было с самого начала дать сильный уклон в сторону полного обособления и отделения. Военное поражение прибавило к этому еще новый существенный фактор — стремление свести до минимума долю государственных тягот, которые для побежденных стран достигают невыносимых размеров, и иметь свободные руки для политической и экономической ориентации на победителей. Наконец самый ход русской революции в двояком отношении усиливал торжество сепаратистских стремлений. С одной стороны, победивший в ноябре 1917 г. большевизм является специфически русским явлением, в одной лишь Великороссии и частично в Мало- и Белоруссии находящий основные предпосылки для своей победы в наличности определенного социального уклада деревни, равно как определенной слабости мелкой и средней буржуазии. При отсутствии этих предпосылок, как показал опыт, большевизм на окраинах становится лишь одним из течений в среде пролетариата и

---

*Редакционная статья из газеты «Социалистический вестник» № 3, 1 марта 1921 г. (орган заграничной делегации РСДРП).

той роли, которую он сыграл в Великороссии, выполнить не в состоянии. Поэтому, победа большевизма в Петербурге и Москве означала новое усиление отталкивания от них со стороны всех окраин, для которых большевистская диктатура означает навязанное извне господство национально чуждых элементов, соединившихся со слабым местным коммунизмом. А так как господство большевизма в самой России привело и не могло не привести к глубокому упадку всего народного хозяйства, грозящему отбросить его на несколько исторических ступеней назад, то и без того ослабленная войной непосредственная связь экономических интересов совершенно перестает ощущаться населением бывших окраин, которым «Москва» ничего не может дать ни в продуктах, ни в капиталах, ни в рабочих и организующих силах и у которых, наоборот, она вынуждена была бы больше и больше брать в случае обратного их воссоединения с нею.

Таким образом, создалось на ближайший исторический период положение, благоприятное для государственного обособления целого ряда наций и крайне неблагоприятное для возникновения в них тяги к слиянию, — хотя бы и федеративному — с Россией. Причем наличность в последней в данный момент большевистской диктатуры лишь укрепляет это положение, но не создает его. Если завтра большевизма не станет, тем самым еще далеко не будут созданы предпосылки, нужные для того, чтобы латыши, эстонцы, грузины и т. д. потянулись к слиянию с Россией. Хозяйственная жизнь, во всех частях бывшей империи потрясенная до корня войной и революцией, восстанавливается на ее бывших окраинах в условиях, совершенно не сходных с теми, которые определили ее развитие в прошлом. Неизвестно, в какой мере восстановление промышленности и торговли в каждом из новых маленьких государств сделает для них Россию снова центром экономического тяготения. Для всех них возможно, для некоторых вероятно — при данном состоянии самой России — новое направление экономических связей, новые экономические взаимозависимости, при которых либо государственная обособленность получит под собой прочное хозяйственное основание, либо

возникнет снова тяга к экономической и политической ориентации на большое государство, но — не на Россию. Предвидеть уже в настоящее время, как сложится конкретно в этом отношении положение для каждой нации, крайне трудно. Но одно ясно: русский народ сам должен для ближайшего исторического периода ориентироваться на *свою собственную* обособленную государственность, на возрождение экономической жизни в границах, ничего общего не имеющих с границами 1914 года, с историческими границами Петербургской империи. Он должен считаться с тем фактом, что польский, финляндский, эстонский, латвийский, литовский, грузинский, а, может быть, и украинский народ или часть его останутся вне рамок его государства, как немецкий народ должен ныне исходить во всех своих расчетах из факта, что и эльзасцы, и поляки. Познани остаются вне Германии. Он должен экономически «строиться» в новых границах. И он может в них строиться, ибо, за вычетом отпавших народностей и даже тех, которые еще могли бы отпасть, он останется обладателем такой территории, таких природных богатств, такого их разнообразия и таких объективных возможностей всестороннего развития и наконец такой громадной массы рабочей силы, что, конечно, новая «урезанная» Россия уже очень скоро гораздо менее будет испытывать экономических неудобств от отпадения от нее «окраин», чем эти последние — от своей государственной обособленности. Здоровый экономический организм, имеющий такой громадный территориальный простор и такую массу живой силы, гораздо легче, чем это обыкновенно думают, может разрешить, не прибегая к методам империалистского насилия, наиболее трудные проблемы, создаваемые несовпадением этнографических границ с хозяйственными, как, например, проблему новых выходов к морю взамен утерянных, новых рынков сбыта, новых источников сырья и топлива.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что ни в коем случае новая Россия не станет угрозой отделившимся от нее нациям, не будет посягать на их существование. Напротив. Если экономическая и политическая власть в ней вернется к хищническим, капиталистическим классам, она, конечно,

такой угрозой явится и к воссозданию старой России стремиться будет. Этой опасности для пограничных государств существовать не будет лишь в той мере, в какой воля трудящихся классов будет определять судьбы России и в какой эта воля будет сама определяться ясным пониманием их действительных интересов.

Последняя оговорка тем необходимее в настоящий момент, что мы имеем перед собой достаточно примеров того, как партии, стремящиеся выразить интересы этих классов и с ними связанные, в данном вопросе скользят на избитые пути буржуазной мысли и буржуазной политики. Мы видим, с одной стороны, большевиков, объявивших себя сторонниками «права наций на самоопределение вплоть до отделения» только для того, чтобы затем этому праву противопоставить право на самоопределение пролетариата внутри каждой нации: далее, самоопределением пролетариата внутри каждой нации признать решение коммунистической секты внутри ее пролетариата, и, наконец, во исполнение решения этой секты, «самоопределить» одну из отделившихся наций за другой при помощи штыков Красной армии, превращая ее в составную часть якобы «федеративной» советской республики. Эта история проделана уже с Азербайджаном и Арменией, а ничтожные коммунистические секты в Эстонии, Литве, Латвии, Грузии всячески готовят, иногда при попустительстве, иногда по приказу большевистской Москвы, такое же «самоопределение» этих стран. Разумеется, субъективно большевики при такого рода аннексировании преследуют цель распространения мировой революции. Но объективно происходит восстановление старой российской «державы» силами того мужицкого коллектива, каким является Красная армия, и волей тех большевистской революцией поставленных у власти новых мелкобуржуазных слоев, которые эту армию создают и ею руководят. Здесь повторяется буквально история революционных войн французской революции, в которых то же социальное недовольство меньшинств в пограничных с Францией государствах — в Бельгии и Швейцарии, в Германии и Италии — использовалось для аннексии под видом революционного переворота, поддер-

жанного извне (это называлось не «советизацией», а «муниципализацией» аннексируемой области, но механика и социальная подкладка процесса была та же). Пролетарская только по идеологии, мелкособственническая по природе, большевистская революция не свободна от аннексионистских, то есть националистических тенденций.

Но от национализма не свободны и те социалисты, которые, отстаивая интересы трудящихся классов, считают возможным это делать, не разорвав всех связей со своей отечественной буржуазией. Мы убедились в этом еще раз, когда социалисты-революционеры на пресловутом совещании членов Учредительного Собрания первым делом сдали кадетам свою партийную позицию в вопросе о национальном самоопределении и свое отношение к отделившимся от России народностям выразили в торжественном протесте против тех договоров и актов, которыми установлена их государственная независимость, и в попытке (неудавшейся) помешать Антанте юридически признать Грузию, Литву, Эстонию и Латвию. Ссылка на то, что акт об отделении должен быть результатом соглашения данной нации с Россией в лице ее компетентного демократического представительства, есть просто жалкий софизм, которым кадеты и националисты правого крыла эсэров маскируют свое стремление оттянуть закрепление неприятных для их националистических чувств фактов. Не говоря уже о том, что от эстонцев, грузин, поляков и т. д. никто не может требовать, чтобы с устройством своего государства они ждали до того момента, когда русский народ удосужится создать самое демократическое правительство (да еще такое, которое удовлетворит и эсэров, и кадетов), — самое положение о действительности отделения национальности лишь с момента признания его государством, от которого она отделилась, представляет собою, если не отрицание, то чрезвычайное ограничение права на самоопределение. Когда же, после принятия данной резолюции, так называемые русские «общественные деятели» в иностранных газетах комментируют ее в смысле заявления Россией своих прав на свободный выход к морю, угрожаемый отделением балтийских государств, то не приходится удивляться, если

демократия окраинных государств настраивается враждебно подозрительно к намерениям тех, кто говорит от имени русской демократии.

Эта демократия новых маленьких государств, вообще сама достаточно заражена узким, подозрительным национализмом. Но в данном случае право на ее стороне. Не меньше, чем большевики, работают эсэры и энэсы над тем, чтобы в новых государствах усиливать тот национализм, который, в свою очередь, будет затруднять нормальное решение вопроса о будущих взаимоотношениях русского народа с нациями, ныне от него отделившимися.

Социал-демократия одинаково враждебна и большевистскому аннексионизму под маской социальной революции, и оппортунистическому сидению между двух стульев — между правом на самоопределение и заинтересованностью русского производителя и потребителя в либавском порте, бакинской нефти, и т. п. Социал-демократия не поклонница замыкания каждой нации в отдельное государство, и она открыто говорит и будет говорить об экономической невыгодности для маленькой нации обособленного существования, сдавливающего возможности развития ее производительных сил и относительно увеличивающего для нее бремя государственности. Социал-демократия не обязуется всегда и везде стоять даже за федеративный принцип сожителства между нациями в пределах одного государства: считаясь с потребностями современного централизованного хозяйства, она оставляет за собою право отстаивать (силой убеждения) в том или другом случае преимущества более или менее централизованного государства, гарантирующего отдельным нациям самоуправление и свободу культурного развития. Социал-демократия в то же время не закрывает глаз на то, что в отделившихся от России странах в настоящее время царит атмосфера, не особенно благоприятствующая новому сближению их народов с русским народом; что господствующие в карликовых государствах мелкобуржуазные отношения и приходский дух способствуют наростанию воинствующего национализма. Беспощадная к национализму у себя дома, русская социал-демократия не намерена ни оправдывать, ни прикрывать

этой болезни духа недавно рожденных демократий; свое непосредственное влияние и свою работу в Интернационале она будет направлять на то, чтобы содействовать сплочению пролетариата в этих государствах под знаменем революционного социализма, отрывать его от союза со своими имущими классами и этим единственно верным путем создавать оплот против враждебного русскому народу национализма, могущего в будущем помешать установлению между русским народом и народами «окраинных» государств новых отношений, одинаково соответствующих интересам того и других; могущего в будущем помешать добровольному государственному объединению народов, когда такое объединение будет для них выгодно. Но именно этой работе, в которой русская социал-демократия рассчитывает на усилия с.-д. партий в других частях бывшей империи, грозит всякая двусмысленность в политике партий, претендующих говорить от имени русских трудящихся масс, ибо всякая такая двусмысленность усиливает подозрительный национализм, который у наших соседей тщательно культивируют все буржуазные партии, и от которого у них не свободны и некоторые социалисты.

Безоговорочное признание права наций на самоопределение и готовность принять для будущего развития русского народа те новые исторические рамки, которые на основе этого права определятся в результате еще не закончившегося революционного процесса, — такова должна быть руководящая нить всякой подлинно социалистической и неподдельно демократической политики в современной России.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОЦИАЛИЗМ*

Социалистические симпатии русской интеллигенции составляют одну из ее наиболее характерных отличительных черт. Можно быть различного мнения относительно глубины и серьезности этих симпатий, но не подлежит сомнению, что в среднем русском интеллигенте не заметно ничего похожего на враждебное отношение к социализму, которое так часто приходится встречать в представителях образованных классов Запада. Русский интеллигент, если он вообще не чужд общественных интересов, обычно более или менее сочувствует, а иногда и фанатически привержен социализму. Это настолько бросается в глаза, что почти не требует доказательств.

Причины полубессознательного тяготения нашей интеллигенции к социализму коренятся очень глубоко в условиях нашего общественного развития. У нас много спорили и спорят об особенностях исторического развития России сравнительно с Западом. Но среди этих особенностей есть, однако, одна, которой нельзя не заметить. Бюхер схематизировал хозяйственную историю Запада, как последовательную смену трех ступеней хозяйства — замкнутого хозяйства, городского и народного. Под городским хозяйством он понимал хозяйство средневекового города, с типичной для него цеховой организацией мелкого промышленного производства — ремесла. Средневековый город, цеховое ремесло были почвой, из которой выросла вся

---

*Предлагаемая читателю статья известного «легального марксиста», позже кадета, профессора М. И. Туган-Барановского была опубликована в сборнике «Интеллигенция в России» (из-ство «Земля», Петербург) в 1910 году. После Октябрьской революции Туган-Барановский входил в правительство Украинской Центральной Рады.

цивилизация Запада, весь этот в высшей степени своеобразный общественный уклад, который поднял человечество на небывалую культурную высоту. Город создал новый общественный класс, которому суждено было занять первенствующее место в общественной жизни Запада — буржуазию. Достигнув экономического преобладания, буржуазия стала и политически господствующей силой и вместе носительницей культуры и знания.

Все это достаточно известно. Не менее известно и то, что историческое развитие России шло совершенно иным путем. Россия не проходила стадии городского хозяйства, не знала цеховой организации промышленности — и в этом заключается самое принципиальное, самое глубокое отличие ее от Запада, отличие, из которого проистекли, как естественное последствие, все остальные. Не зная городского хозяйственного строя, Россия не знала и той своеобразной промышленной культуры, которая явилась отправной точкой дальнейшей хозяйственной истории Запада; благодаря этому в России не могла получить значительного развития и та общественная группа, которая на Западе явилась главным фактором хозяйственного прогресса — буржуазия.

Конечно, у нас был свой старинный капиталистический класс в виде торговцев. Но это было нечто совершенно особое и отнюдь не похожее на промышленную буржуазию Запада. Наш торговый капитал уже по самой своей природе не мог создать новой социально-экономической организации, подобной средневековому цеху, и вообще не принес с собой никакой новой культуры. И потому несмотря на прочное место, которое в строе нашего общественного хозяйства занял торговый капитал, у нас не было капиталистической культуры и не было буржуазии в западноевропейском смысле слова.

Особое значение имело отсутствие у нас мелкой буржуазии. В западноевропейском хозяйственном укладе именно мелкая буржуазия в течение целого ряда веков играла руководящую роль. Мелкие промышленники и торговцы составляли главную массу городского населения. Именно из их среды и выходили, по преимуществу, люди

либеральных профессий и вообще представители умственного труда. Мелкая буржуазия играла промежуточную роль между высшими классами и народными массами и соединяла все слои населения в одно целое национальной культуры. Крупная буржуазия приобретает существенное значение в хозяйственном строе Запада только с возникновением фабричного производства и до настоящего времени не может вполне оттеснить на задний план мелкую буржуазию. Именно мелкая буржуазия, ее культурный идеал, ее исторически сложившиеся духовные черты, вкусы и привычки по преимуществу определяют собой духовную физиономию образованного человека Запада и в наше время.

Но если у нас не было буржуазии вообще, то в особенности не было мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия была всецело созданием городского цехового строя, которого Россия, даже в каких-либо зачатках, совершенно не знала. Крупный торговый капитал у нас имелся налицо — но не было ничего похожего на мелкокапиталистическую промышленную культуру Запада. И потому культурный тип русского образованного человека должен был приобрести существенно иные черты, чем культурный тип образованного человека Запада.

«Пора прийти к покойному и смиренному сознанию, — писал 60 лет тому назад Герцен, — что мещанство окончательная форма западной цивилизации, ее совершенноелетие. С одной стороны, мещане-собственники, упорно отказывающиеся поступиться своими монополиями, с другой — неимущие мещане, которые хотят вырвать их достояние, но не имеют силы на это».

Строки эти в высшей степени характерны. Присмотревшись к духовному облику западноевропейца, типичный русский интеллигент Герцен нашел, что всем классам западноевропейского общества, несмотря на огромные различия между ними, обще то, что можно назвать «мещанством» — иначе говоря, психические черты мелкого буржуа. Как известно, каждому наблюдателю всего более бросаются в глаза в наблюдаемой им новой среде именно те ее особенности, которыми наиболее она отличается от

особенностей привычной среды данного наблюдателя. И если русскому интеллигенту западноевропейское общество кажется прежде всего «мещанским», то это доказывает, что его собственная среда этими признаками не обладает.

И действительно, общественная среда, создавшая русского интеллигента, не имела ничего общего с мелкой буржуазией Запада. Одним из первых русских интеллигентов был Петр, сознавший необходимость усвоения западноевропейского просвещения. Чтобы быть могущественным государством должно иметь в своем распоряжении образованных людей. Допетровская Русь таковыми не располагала. Отсюда возникает чрезвычайно важная задача для государственной власти — создать кадры образованных людей, которые могли бы нести государеву службу. Служба эта была естественной повинностью служилого сословия — дворянства. И вот дворянство, под непосредственным давлением правительства, мало-помалу начинает усваивать науку Запада.

Наша интеллигенция первой половины XIX века — еще всецело дворянская и чиновничья интеллигенция. Образованные классы русского общества в это время почти совпадают с офицерством и чиновничеством, которыми держалось русское государство. Плата за обучение в средних и высших учебных заведениях была очень невелика; в то же время всякий получивший образование легко приобретал доступ к сравнительно хорошо оплачиваемой государственной службе и, достигая посредством чинов дворянства, приобщался к господствующему сословию.

При таком положении дела масса образованного общества должна была сливаться с чиновничеством, и только среди богатого дворянства могли встречаться образованные люди, не несшие государственной службы.

Эта дворянская и чиновничья интеллигенция, жившая или службой государству, или получавшая доходы от труда своих крепостных, не могла не сложиться в совершенно иной культурный тип, чем образованные люди Запада, вышедшие из буржуазных классов и тесно связанные с ними всеми своими интересами. С декабристов начинается сознательная

борьба русского общества с русским самодержавием и все растущее оппозиционно-революционное движение. Его средой было вначале преимущественно богатое дворянство, в котором сосредоточивался к этому времени цвет нашей интеллигенции. Движение декабристов было не совсем чуждо классовой дворянской окраски, но основные мотивы его не имели ничего общего с классовыми интересами дворянства. В лице Пестеля оно выставило требование не только политического преобразования русского государства и отмены крепостного права, но и широкой аграрной реформы на началах права каждого на землю. Трудно сказать, являлась ли земельная реформа Пестеля продуктом его собственного творчества или была заимствована им у современных ему французских и английских социалистов. Во всяком случае в лице самого выдающегося из декабристов мы впервые видим русского интеллигента с социальными идеалами, приближавшимися к социализму.

Несколько позже социализм уже в своем подлинном виде пускает ростки на русской почве. Кружок Герцена-Огарева жадно усваивает учение французского социализма, и социализм начинает в России свою историю, ограничивая сферу своего влияния вплоть до самого новейшего времени почти исключительно интеллигенцией. Широкие народные массы не имеют ничего общего с социалистическими увлечениями небольшой кучки интеллигентов, но зато в этой немногочисленной общественной среде гонимое учение приобретает верных адептов, жертвующих всем на алтарь своей социальной веры.

Почему же социализм нашел себе благодарную почву именно среди русской интеллигенции? Русский интеллигент был и остается, как указывал еще Герцен, удивительно свободным в культурном отношении существом. На Западе существовала и существует могучая историческая национальная культура, носителем которой была в новейшее время по преимуществу буржуазия; образованные классы Запада еще недавно тесно примыкали по всем своим интересам к буржуазии. Напротив, русский интеллигент стоял вне влияния буржуазной культуры уже по одному

тому, что таковой у нас не было. Что же касается до русской исторической культуры, выразившейся преимущественно в создании огромного деспотического государства, то вражда к этой культуре есть одна из характернейших черт интеллигента, восставшего на русское историческое государство и в течение уже многих поколений ведущего с ним борьбу. Борьба эта, требующая огромного напряжения духовных сил, требует и энтузиазма, а таковой дается только верой в определенный социальный идеал. Что же могло явиться таким идеалом для русского интеллигента? Идеал либерализма уже давно потерял свою действительную силу и ни в ком энтузиазма не вызывал; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла, сама по себе, привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию. Идеал мощного национального государства не мог находить ни малейшего отклика в душе интеллигента, ведущего с этим самым государством упорную борьбу. Таким образом только для идеала социализма душа русского интеллигента была открыта.

Будучи культурно совершенно свободен, русский интеллигент в лице своих руководящих представителей, естественно прилепился духом к тому социальному идеалу, который обещает всего более в смысле улучшения условий общественной жизни. Западноевропейцу не приходилось выбирать для себя мировоззрение и социальный идеал: он получил их в готовом виде из окружающей его социальной среды. Напротив, русский интеллигент оторван от своей исторической почвы и потому выбирал себе тот социальный идеал, который казался всего более обоснованным с рационалистической точки зрения. Таким космополитическим, сверхнациональным и сверхисторическим идеалом является социалистический идеал.

На Западе линия общественного развития направляется сознательной борьбой классов за свои классовые интересы. Все классы населения принимают участие в политической жизни и стремятся подчинить своим интересам государственную власть. На почве этой борьбы возникает внутри

каждого класса сильное чувство классовой солидарности, побуждающее каждого отдельного представителя класса не только за страх, но и за совесть отстаивать интересы своего класса. Каждый класс имеет своих убежденных искренних идеологов, бескорыстно увлеченных красотой того культурного типа, выразителем которого является данный класс. И это увлечение вполне понятно, так как всякая мощная историческая культура имеет свою особую, специфическую, незаменимую прелесть и красоту, свой собственный аромат.

Вполне понятна психология потомка крестоносцев, погибавшего во Франции в эпоху террора за монархию и католическую веру. Точно также огромные культурные заслуги буржуазии объясняют идейную преданность буржуазным идеалам среднего западноевропейца. Культурные традиции каждого класса настолько могущественны, что только исключительные личности находят силы их порвать.

Совсем иное мы видели в России. Масса общества совсем не жила политической жизнью: господствующие классы не нуждались в борьбе за свои интересы, так как эти интересы достаточно охранялись правительственной властью. Отсюда слабость классовой солидарности. А общий низкий уровень культуры препятствовал идеализации классового типа. Благодаря этому, люди господствующих классов русского общества были гораздо менее связаны культурными традициями и интересами своих классов, чем на Западе.

На Западе социализм уже давно стал реальной и очень серьезной угрозой интересам господствующих классов. С социализмом ведет борьбу не только западноевропейское государство, но, прежде всего, само общество в лице руководящих классов. Напротив, в России, вплоть до новейшего времени, имущие классы не имели ровно никакого основания опасаться какого-либо реального ущерба своим интересам от социализма, не переходившего за пределы интеллигентской идеологии; не привыкнув к идеологической защите своих интересов, не имея классовой организации и не нуждаясь в ней, они не могли дать никакого духовного отпора идеям социализма, овладевшим умами

отдельных представителей дворянской интеллигенции. И потому мы наблюдали в России странное, с западноевропейской точки зрения, зрелище революционного социализма, распространившегося в среде интеллигенции господствующего дворянского класса. Декабристы были первыми такими революционерами из дворянства и даже, по преимуществу, высшего, богатого дворянства. Но они еще были чужды, в своей массе, социалистических идей. Затем, со времени Герцена и Белинского, социализм становится излюбленным мировоззрением нашей оппозиционной интеллигенции, сохранявшей, вплоть до 60-х годов, дворянско-чиновничий характер.

Однако, пока классовый состав нашей интеллигенции не испытал существенного изменения, социалистическим увлечениям была доступна лишь ничтожная часть наших образованных людей. Мало-помалу состав нашей интеллигенции изменяется — в 60-е годы в нее вливается широкой волной «разночинец». «Разночинец», вышедший из среды «народа», испытавший на себе весь гнет нужды и не обладавший никакими наследственными именьями и капиталами, становился социалистом без всякой внутренней борьбы с самим собой. И вот, начиная с 60-х годов, социализм становится в России мировоззрением широких групп интеллигенции.

Рецепция социализма интеллигентом-разночинцем произошла с большой легкостью в силу целого ряда благоприятствовавших этому условий. Разночинец вышел из «народа», не терял с ним связи, и потому «народолюбие» являлось такой же его естественной чертой, как «буржуазный дух» западноевропейца. Будучи народолюбив, разночинец, в то же время, как человек книжный и не занимающийся хозяйственной деятельностью (учитель, врач, земский служащий, журналист и т. п.), был непрактичен и прямолинеен. Главное же, он был проникнут революционным духом и относился с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которых чувствовал себя решительным отщепенцем. Так сложился тип русского интеллигента-отщепенца, которого С. Л. Франк

в «Вехах» остроумно определяет, как «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия».

«Кучка чуждых миру и презирающих мир монахов — говорит тот же автор о русских интеллигентах, — объявляет миру войну, чтобы насильственно облагодетельствовать его и удовлетворить его земные материальные нужды. Все одушевление этой монашеской армии направлено на земные, материальные интересы и нужды, на создание земного рая сытости и обеспеченности; все трансцендентное, потустороннее и подлинно религиозное, всякая вера в абсолютные ценности есть для нее прямой и ненавистный враг».

В этом есть несомненная доля истины; конечно, русский интеллигент-социалист борется за земные, здешние, а не потусторонние блага; конечно, его религиозное воодушевление питается не трансцендентными мотивами. Напрасно только С. Л. Франк говорит о «насильственном» облагодетельствовании мира — огромное большинство человечества отнюдь не считает удовлетворение «земных, материальных нужд» ничтожной и пустой вещью, как наш идеалистический философ. Поэтому, стремясь сделать людей сытыми, социалисты-интеллигенты находятся в полном согласии с пожеланиями большинства и, значит, в насилии над ним не нуждаются.

Когда-то П. Б. Струве объявил русскую интеллигенцию в социологическом смысле «quantité négligeable». Теперь авторы «Вех» видят в интеллигенции огромную и притом гибельную для России силу. «Худо ли это или хорошо, — говорит С. Н. Булгаков, — но судьбы Петровой России находятся в руках интеллигенции»; если интеллигенция не изменит своего духовного облика, то «в союзе с татарщиной, которой еще так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию». В чем будет заключаться «гибель России», ни С. Н. Булгаков, ни другие авторы «Вех» не поясняют. По-видимому, эту гибель они усматривают в распадении русского государства, как естественном результате торжества революции, которую они признают всецело созданием интеллигенции.

Однако, положение является не совсем безнадежным, и

авторы «Вех» призывают интеллигенцию к покаянию и исправлению. Основная ошибка интеллигенции, как поясняется в предисловии к «Вехам», заключается в непризнании того, что «внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства. С этой точки зрения идеология русской интеллигенции, всецело покоящаяся на противоположном принципе — на признании безусловного примата общественных форм — представляется внутренне ошибочной и практически бесплодной». Исходя из этого убеждения, авторы «Вех» рассчитывают на возможность возрождения интеллигенции к новой жизни: интеллигенции, — говорит П. Б. Струве, — «необходимо пересмотреть все свое миросозерцание и в том числе подвергнуть коренному пересмотру его главный устой — социалистическое отрицание личной ответственности... С вынутием этого камня — а он должен быть вынут — рухнет все здание этого миросозерцания. При этом самое положение «политики» в идейном кругозоре интеллигенции должно измениться. С одной стороны, она перестанет быть той изолированной и независимой от всей прочей духовной жизни областью, которой она была до сих пор. Ибо в основу и политики ляжет идея не внешнего устройства общественной жизни, а внутреннего совершенствования человека. А с другой стороны, господство над всей прочей духовной жизнью независимой от нее политики должно кончиться».

По мнению П. Б. Струве, в основу политики должна лечь «идея не внешнего устройства общественной жизни, а внутреннего совершенствования человека». Итак, политика не должна прежде всего стремиться к «внешнему устройению общественной жизни!» Но разве это будет политика, а не ее упразднение?

Впрочем относятся ли сами авторы «Вех» серьезно к тому, что они объявляют своей «общей платформой?» По отношению к П. Б. Струве это подвержено большому сомнению. По его мнению, русской интеллигенции предстоит уничтожение, она должна «перестать существовать, как

некая особая культурная категория». А это произойдет потому, что «в процессе экономического развития интеллигенция «обуржуазится», т. е. в силу процесса социального приспособления примирится с государством и органически-стихийно втянется в существующий общественный уклад распределившись по разным классам общества. Это, собственно, не будет духовным переворотом, а именно лишь приспособлением духовной физиономии к данному социальному укладу. Быстрота этого процесса будет зависеть от быстроты экономического развития России и от быстроты переработки всего ее государственного строя в конституционном духе».

Итак, с одной стороны, «первенство духовной жизни над внешними формами жизни, с другой — «приспособление духовной физиономии к данному социальному укладу». С одной стороны, политика должна отказаться от «идеи внешнего устройства жизни», с другой же стороны, это самое «внешнее устройство жизни» должно изменить духовный облик интеллигенции в желательном смысле! Может ли внутреннее противоречие и непоследовательность своим собственным отправным посылкам идти дальше?

Итак, П. Б. Струве не совсем забыл свои марксистские увлечения и по-прежнему возлагает свои главные надежды на «экономическое развитие России». Примат же «духовной жизни над общественными формами» играет роль некоторого инородного тела в системе воззрений нашего автора — и мы вряд ли к нему несправедливы, если придадим гораздо больше значения его призыву к буржуазному перерождению русской интеллигенции, чем к ее внутреннему духовному очищению. На последнее бывший редактор «Освобождения», прошедший реалистическую школу Маркса, вряд ли может возлагать такие надежды, как г. Гершензон, для которого русская интеллигенция есть только «кучка искалеченных душ», «сонмище больных, изолированных в родной стране». П. Б. Струве *теперь* прекрасно знает, что русская интеллигенция представляет собой огромную общественную силу, созданную условиями исторического развития России, и что изменение духовного облика интеллигента возможно лишь как результат изменения

общественных форм русской жизни.

Более полувека тому назад гениальный русский интеллигент, ознакомившись со строем жизни западноевропейца, был поражен «мещанством» всего его жизненного уклада. «Мещанство» было наиболее ненавистно Герцену, как выражение смерти духа, при внешней сытости и довольстве. В отсутствии «мещанства» Герцен видел самую существенную отличительную черту и самое существенное преимущество русского интеллигента перед образованным человеком Запада. П. Б. Струве готов признать, что русскому интеллигенту чуждо мещанство, но в этом и видит все несчастье, возлагая надежды именно на усвоение интеллигентом мещанства. В самом деле, не должно ли развитие капитализма привести к тому, что и русский интеллигент «обуржуазится», проникнется мещанским духом и, таким образом утратит свои черты воинствующего монаха, столь антипатичные авторам «Вех»?

И это действительно центральный вопрос будущности нашей интеллигенции. Если духовный облик русского интеллигента испытает глубокое внутреннее перерождение, то только в силу изменения социального уклада России, а отнюдь не под влиянием самопроизвольного внутреннего творчества человеческой личности. И многое, по видимому, говорит в пользу прогноза Струве. Среди самой интеллигенции, в особенности, среди марксистов, убеждение в неизбежности предстоящего буржуазного перерождения интеллигенции очень распространено. При этом обыкновенно ссылаются на пример Запада. На Западе образованные классы, по обычному мнению, тесно примыкают к буржуазии и составляют ее неразлучную часть; по мере усвоения Россией западноевропейских общественных форм следует того же ожидать и относительно России.

Вопрос этот, как я сказал, имеет огромную важность для всего нашего будущего. И мне кажется упрощенное марксистское решение его, которое усваивает безо всякой критики и Струве, мало обоснованным.

Прежде всего, действительно ли на Западе нет ничего аналогичного нашей интеллигенции? Правда, большинство представителей образованных классов западноевропейского

общества, сравнительно с нашими интеллигентами, кажутся проникнутыми буржуазным духом. Вопрос, однако, заключается в том, в каком направлении изменяются духовные черты образованных классов Запада под влиянием хода исторического развития.

Как известно, слово «интеллигенция» вошло в особенно широкое употребление именно в России. П. Д. Боборыкин приписывает себе введение его в обиход нашего языка, причем для нашего словоупотребления характерно, что термин «интеллигенция» обычно употребляется у нас для обозначения не столько определенной социально-экономической, сколько социально-этической категории. Под интеллигенцией у нас обычно понимают не вообще представителей умственного труда («мыслящий пролетариат», как определял различную интеллигенцию Писарев), а преимущественно людей определенного социального мировоззрения, определенного морального облика. Интеллигент — это «критически мыслящая личность» в смысле Лаврова — человек, восставший на предрассудки и культурные традиции современного общества, ведущий с ними борьбу во имя идеала всеобщего равенства и счастья. Интеллигент — отщепенец и революционер, враг рутины и застоя, искатель новой правды. И если такое социально-этическое понимание данного термина незаметно сливается в общественном сознании с совершенно иным социально-экономическим его пониманием (интеллигенция как группа представителей умственного труда), то это указывает, что в России «мыслящий пролетариат» или хотя бы руководящие, наиболее влиятельные его представители, в большей или меньшей степени, характеризуются вышеуказанными моральными чертами.

Напротив, неупотребительность или малая употребительность термина «интеллигенция» на Западе указывала на то, что обычный тип представителей умственного труда в западноевропейском обществе не выделялся особыми чертами от других общественных групп. Но в высшей степени характерно, что за последние годы положение изменилось. Во Франции все чаще и чаще говорят об

«intellectuels» как своеобразной общественной группе, в Германии рассуждения об «Intelligenz» стали занимать видное место в социал-демократической литературе. В руководящем органе немецкого марксизма «Die Neue Zeit» появляется за последние 15 лет ряд статей, посвященных вопросу об интеллигенции, причем вопрос этот обсуждается и на партийных съездах.

Интеллигенция как особый класс, — говорит Каутский в своей статье «Die Intelligenz und die Socialdemokratie» — есть сравнительно новое явление, созданное развитием капиталистического хозяйства. Чем больше развивается капиталистическое хозяйство, тем больше увеличивается и спрос на высший, квалифицированный умственный труд, исполняемый по найму, как и всякий другой труд. Таким образом создается особая общественная группа интеллигенции, в лице которой «формируется новое и непрерывно увеличивается среднее сословие, рост которого при известных условиях может покрывать убыль среднего сословия от упадка мелкого производства». Этот новый класс отличается от всяких других классов «своим более широким духовным горизонтом, своей более развитой способностью к отвлеченному мышлению и отсутствию общих классовых интересов. Все это делает то, что она есть тот класс населения, который легче всего может подняться над классовой и сословной ограниченностью, чувствовать себя идеалистически чуждым интересам минуты или классового эгоизма, имея в виду и представляя одни лишь длящиеся интересы всего общества в его целом».

Значительная часть этого класса по своим условиям жизни и интересам приближается к пролетариату. Вообще же интеллигенция, в силу отсутствия своих особых классовых интересов, склонна к выдвиганию на первый план мотивов морального характера. «Интеллигенция есть мать катедер-социализма и социал-реформизма, принимающего, в зависимости от различных политических социальных моментов, самые различные формы — государственного социализма, культа рабочих союзов и кооперативного движения, национализации земли и этизирования классовой борьбы и т. д.».

Те же мысли относительно этого «нового среднего сословия» — интеллигенции — Каутский повторяет и во многих других своих статьях, указывая, как на новое и характерное явление, на все усиливающееся тяготение образованных классов западноевропейского общества, даже в тех слоях его, которые не имеют ничего общего с пролетариатом, к социализму. «В среде буржуазной интеллигенции, — пишет он, например, в брошюре «Социальная революция», — заметно усиливаются симпатии к пролетариату и социализму... Не имея никаких определенных классовых интересов и будучи, по своей профессии, всего более способны воспринимать теоретические воззрения, интеллигенты всего скорее могут склониться на сторону определенных партий под влиянием научных соображений. Для них должны сделаться ясными теоретическое банкротство буржуазной экономики и теоретическое превосходство перед нею социализма. При этом они все более и более начинают чувствовать, что другие общественные классы стремятся все более принижать искусство и науку».

Точно также и другие немецкие авторы указывают на растущее тяготение образованных классов немецкого общества к социализму. «В настоящее время, — пишет например, Мауренбрехер, — уже гораздо больше социалистически мыслящих юристов, врачей и т. д., нежели двадцать пять— тридцать лет тому назад, а еще больше вполне сочувствующих рабочему движению, но никакими внешними проявлениями не обнаруживающих своих симпатий... Вся интеллигенция придет к пролетариату, как только обнаружится, что на всяком ином пути обесцениваются выводы наших наук и мощные силы нашей культуры».

И во Франции наблюдается усиленный прилив людей умственного труда в социалистическую партию, что вызывает сочувствие одних и недовольство других, так как интеллигенты вносят нечто новое в деятельность партии. Ревизионист Жорес констатирует, например, с большим удовлетворением, что «буржуазная интеллигенция, оскорбленная обществом, основанным на грубых меркантильных интересах и разочарованная в буржуазном господстве, присоединяется к социализму». Иначе к этому относится

ортодоксальный марксист Лафарг. «Французский социализм, — пишет он, — только что пережил кризис, который, что бы там ни говорили, вызван был не столько общим ростом нашей партии, сколько наплывом в ее ряды несметного числа буржуазной интеллигенции... Благодаря Жоресу питомцы «нормальной школы» наводнили социалистическую партию».

Итак, на Западе не только не наблюдается, что образованные классы все резче и резче отделяются от пролетариата и глубже проникаются буржуазным духом, а заметно совершенно обратное. Социалистические партии не только Германии и Франции, но и всего остального мира в усиленной степени притягивают к себе интеллигенцию, что вызывает тревогу представителей ортодоксального марксизма (Каутский не меньше Лафарга усматривает в приливе интеллигенции известную опасность для социал-демократии). Но каковы бы ни были последствия для западноевропейского социалистического движения формирования в среде западноевропейского общества особой общественной группы — интеллигенции — и вовлечения ее в сферу социализма, самый факт такого формирования не может подлежать сомнению.

Хотя бы представление о западноевропейском социализме, как опирающемся исключительно на пролетариат, слишком упрощает действительное положение дела и не соответствует фактам. На самом деле, в состав социалистических партий любой западноевропейской страны входят представители различных общественных классов, а главными руководителями партии являются преимущественно интеллигенты, вышедшие из рядов средней и мелкой буржуазии. Наиболее чистый классовый характер имеет германская социал-демократия, но и относительно Германии считают, что не менее трети германского промышленного пролетариата голосует за кандидатов буржуазных партий, и не меньше полумиллиона голосов, из числа подаваемых за социал-демократических избирателей, принадлежит избирателям не рабочего класса. Во Франции и, особенно, Италии в состав социалистических избирателей входит гораздо большая доля непролетарских голосов. Что

касается до Англии, то такая видная социалистическая организация как «Фабианское общество» почти целиком состоит из представителей интеллигенции.

Вообще рост рабочего и социалистического движения силой естественного процесса вовлекает в ряды социализма все те слои населения, интересы которых не прямо противоположны интересам пролетариата. Что касается до группы людей умственного труда, то уже, помимо высших, моральных и интеллектуальных интересов, даже узкие экономические толкают значительную часть их на сближение с рабочим классом. Рост рабочего движения в его различных формах создает огромный запрос на интеллигентный труд. Взять хотя бы быстро растущую во всех странах Западной Европы рабочую прессу, расходящуюся в миллионах экземпляров. Лет сорок тому назад социалистические литераторы должны были поневоле писать в буржуазных органах — так как никаких других не было. Теперь имеются сотни и тысячи органов посвященных интересам рабочих классов — и значит многие тысячи писателей и журналистов, работающих в этих органах.

А рост профессионального и кооперативного движения! Какое огромное число интеллигентов требуется для исполнения разнообразных функций, создаваемых этими мощными экономическими организациями, объединяющими миллионы представителей трудящихся классов. Успехи политических партий социализма требуют своих интеллигентных работников. Точно также и расширение муниципального хозяйства — развитие так называемого муниципального социализма — приводит к тому, что все большая доля людей умственного труда применяет свой труд на службе общественных учреждений, принципиально имеющих в виду не капиталистическую выгоду, а интересы населения. Все это достаточно объясняет наблюдающееся за последнее время на Западе тяготение людей умственного труда к трудящимся массам. Таков необходимый результат повсеместной демократизации общественной жизни, растущего влияния жизни народных масс во всех сферах.

«Мещанство» западноевропейца, поразившее Герцена и глубоко укоренившееся в мелкобуржуазном укладе эконо-

мического и социального строя западноевропейского общества, уступает напору новых социальных отношений. С одной стороны, растет крупное капиталистическое хозяйство, пролетаризирующее мелкого производителя и подрывающее прежние источники благополучия представителей либеральных профессий, вышедших из рядов средней и мелкой буржуазии, с другой — растут новые формы жизни, отрицающие капиталистический строй, ведущие с ним принципиальную борьбу. И духовный облик западноевропейца меняется.

Таким образом и на Западе, под влиянием естественного хода развития социальных отношений, появляется «интеллигенция» в нашем русском смысле слова, напоминающая многими своими чертами нашу русскую интеллигенцию, интеллигенция, не только не примыкающая по своим интересам к буржуазному классу, но ведущая с ним борьбу. Правда, Струве находит, что «для духовного развития Запада нет в настоящее время процесса более знаменательного и чреватого последствиями, чем кризис и разложение социализма». Но в чем усматривает Струве это разложение, я решительно недоумеваю. Несомненно, марксизм переживает кризис — но марксизм не может быть отождествляем с социализмом — социализм существовал до Маркса и останется после того, как марксизм будет изжит и превзойден. Кризис марксизма, в моих глазах, является показателем не упадка, а дальнейшего роста социализма. Разложение социализма Струве усматривает в развитии социальной политики. Этой точки зрения я тоже не в силах понять. Социально-политические меры охраны интересов рабочего класса принимаются под влиянием давления рабочего класса; и если мы являемся в настоящее время свидетелями социально-политических мер такого огромного принципиального значения, как пенсия для престарелых в Англии, первые попытки широкой общественной организации борьбы с безработицей, 8-часовой рабочий день для горнорабочих и пр., то это является, в моих глазах, доказательством не «разложения социализма», а огромной силы и практического влияния социалистических идей. О том же свидетельствует и последний английский «социали-

стический» бюджет, вызвавший такое энергичное сопротивление со стороны высшей аристократии и буржуазии. Чего стоит хотя бы обложение налогом «незаслуженного прироста» ценности земли!

Профессиональное и кооперативное движение продолжают развиваться и вовлекать в сферу своего влияния все новые слои населения. Точно также растет и число социалистических избирателей, как показывает хотя бы огромный рост социал-демократических голосов за последний год в Германии. В Англии только за последние годы возникла в парламенте влиятельная рабочая партия. Все это, по-видимому, отнюдь не свидетельствует о разложении и упадке западноевропейского социализма.

Вернемся, однако, к России. Можно ли ожидать, что русская интеллигенция, как «особая культурная категория», благодаря ее буржуазному перерождению перестанет существовать? Нельзя отрицать, что некоторые из условий, выработавших своеобразный моральный облик русского интеллигента, должны перестать действовать под влиянием изменения условий русской общественной жизни. Наибольшее значение имеет, в этом отношении, привлечение русского общества к участию в политической жизни страны. Необходимым следствием этого должно явиться более сознательное отношение к своим классовым интересам со стороны всех классов общества, более резкая классовая дифференцированность русского общества. Пока политика делалась в России где-то в высших сферах, помимо всякого участия общества, последнее не чувствовало потребности в сознательной защите своих классовых интересов. Поэтому господствующие классы духовно мало поддерживали правительственную политику, служившую их собственным интересам и обнаруживали большую терпимость к идейным течениям, направленным против их интересов. Этому положению дел должен прийти конец — господствующие классы должны собственными силами защищать свои интересы, и прежний добродушный индифферентизм должен смениться сознательным отпором с их стороны всем тем общественным элементам, которые идут вразрез с их интересами.

Спрос на идеологическую защиту интересов господствующих классов должен вызвать и соответствующее предложение — следует ожидать, что известная часть русской интеллигенции возьмет на себя эту защиту — «обуржуазится», как надеется Струве. Все это весьма возможно, даже почти несомненно, и спора возбуждать не может. Самое появление группы «Вех» является иллюстрацией этого процесса. Но вопрос заключается в размерах, глубине указанного процесса. Прекратит ли существование русская интеллигенция как группа с идеалистическими, неклассовыми интересами или же от нее отколется некоторая часть, которая сознательно станет защищать интересы господствующих классов, а остальная масса интеллигенции сохранит свой прежний идеалистический облик?

Ход исторического развития привел на Западе к тому, что от буржуазии откололась группа представителей умственного труда и стала заметно сближаться с народными массами. Процесс этот был вызван изменившимися условиями общественной жизни и прежде всего экономическим и духовным ростом рабочего класса и его социального влияния. Можно ли ожидать, что в России историческое развитие пойдет в обратном направлении и что в то самое время, как на Западе наблюдается освобождение людей умственного труда от подчинения буржуазии, формирование интеллигенции в нашем русском смысле, у нас интеллигенция без остатка «обуржуазится» и перестанет существовать «как некая особая культурная категория?»

Для авторов «Вех», которые верят в «первенство духовной жизни над внешними формами жизни» и в то же время непонятным образом именно в мещанстве буржуазности, усматривают торжество «духовной жизни», буржуазное прерождение интеллигенции одновременно с ростом сознательности и активности народных масс может казаться вполне вероятным. Но для тех, кто стоит на почве исторического реализма, нечто подобное является крайне неправдоподобным. Русская интеллигенция с ее своеобразным моральным обликом есть результат всего нашего исторического развития после Петра, наиболее характерный

продукт нашей новейшей истории. Культурные образования, слагавшиеся веками, обладают большой живучестью. Если даже новые условия общественной жизни для них неблагоприятны, они могут жить по традиции долгое время после того, как исчезли силы, их создавшие. Изменение культурных привычек, установившихся симпатий, вкусов, мировоззрения обширной общественной группы не может совершиться в несколько лет.

В данном же случае новые социальные формы жизни отнюдь не требуют уничтожения внеклассовой интеллигенции. Пусть наша общественная жизнь приближается к западноевропейской, но ведь на Западе именно и замечается за последние годы формирование общественной группы, многими своими чертами напоминающей нашу интеллигенцию. Если экономическое и политическое обновление России в некоторых отношениях неблагоприятно неклассовой идеологии интеллигенции, то, с другой стороны, это самое обновление создает новую почву для приложения интеллигентных сил к работе на пользу народных масс. Обновление России невозможно без поднятия народных масс. Одним из главных кадров нашей демократической интеллигенции является так называемый «третий элемент» — земские служащие; развитие общественной жизни должно создать усиленный спрос на земских работников, число которых должно значительно увеличиться. Вместе с тем в демократическом земстве будущего (а без такого демократического земства нечего и думать о водворении в нашей жизни политической свободы) интересы народных масс будут гораздо влиятельнее и сильнее, чем в сословно-дворянском земстве последних десятилетий. Почему же земские работники должны «обуржуазиться», перестать служить народным интересам?

Экономический рост России должен выразиться, между прочим, в росте кооперативного движения, что опять создаст новый спрос на интеллигентные силы. Затем рабочее движение, которое не может не приобрести широких размеров при малейшем ослаблении препонов и задержек, сдавливающих теперь его со всех сторон, явится новым притягательным центром для разночинной интеллигенции.

Словом, чем большую роль в общем строе нашей социальной жизни будут играть интересы народных масс, тем сильнее будет вовлекаться и интеллигенция в сферу этих интересов.

Правда, для всего этого необходимо, чтобы Россия усвоила основы действительной политической свободы: только в этом случае возможно демократическое земство, широкое рабочее движение и пр. Но ведь если наша жизнь по-прежнему будет оставаться в железных тисках и мы будем иметь то подобие конституционализма, которое имеем теперь, то будут действовать и прежние условия, создавшие тип интеллигента-отщепенца.

Таким образом, русскую интеллигенцию хоронить не приходится. Конечно, ее миросозерцание не есть нечто, не подлежащее изменению и развитию: новые условия жизни должны внести и новые черты в ее духовный облик. Но утверждать, что эти новые черты должны выразиться в усвоении «буржуазного духа», нет решительно никаких оснований. Переживаемый нами теперь упадок духа и всеобщий распад имеют вполне временный и преходящий характер и усматривать в них какое-либо коренное изменение духовного облика нашего интеллигента так же неосновательно, как было неосновательно в восьмидесятые годы заключать о невозможности нового общественного подъема.

БЕЗНАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Религия и государство суть формы социального общения, и как таковые, независимо от своей мистической и правовой сущности, они являются самыми яркими внешними признаками или символами того общества людей, которое ими объединяется. Вот почему, наряду с языком, обычаями и элементами культурного единения, религия и государство всегда и везде давали самые ранние и самые прочные точки опоры складывающемуся чувству национализма и патриотизма. Кто говорит о «безрелигиозности» и «безгосударственности» интеллигенции, тот обязательно должен говорить в этом смысле и о третьем виде ее «отщепенства», включающем оба первые: о ее безнациональности и антипатриотизме. Собственно, первые обвинения в *политике* обыкновенно служат лишь преддверием к последнему, ибо тонкостями богословия и права мало интересуются монополисты официального патриотизма и национализма, со стороны которых, обычно, и раздаются эти обвинения.

Авторы «Вех», конечно, сказавши А, уже говорят и Б. В «космополитизме» и в «отсутствии здравого национального чувства» прямо обвиняет интеллигенцию Булгаков, противопоставляя этому «религиозно-культурный мессианизм, в который с необходимостью отливается всякое сознательное национальное чувство». Космополитизм интеллигенции, по его мнению, «покупается дорогой ценой омертвления целой стороны души, *при том непосредственно обращенной к народу*, — и потому, между прочим, так легко эксплуати-

---

*Глава из работы П. Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция», опубликованной в сборнике «Интеллигенция в России», из-ство «Земля», С.-Петербург, 1910 г.

руется этот космополитизм представителями боевого, шовинистического национализма, у которых оказывается, благодаря этому, монополия патриотизма». Автор жалеет об этом, как жалеет и о тех шансах, которые интеллигенция дала «черносотенству» своим религиозным отщепенством, своим отношением к «сокровищу народной веры», создавшим «необходимость борьбы с интеллигентскими влияниями на народ ради защиты его веры». Тот же смысл, очевидно, имеют и сетования г. Гершензона на «бесплотное мышление» интеллигенции, лишившее ее «своей, национальной эволюции мысли» и «оторвавшее интеллигенцию от народа». Наконец, Бердяеву «свойства русского национального духа указуют на то, что мы призваны творить в области религиозной философии», и он приглашает интеллигенцию к продолжению «национальной традиции» «русских философов, начиная с Хомякова». Эта традиция «должна быть противопоставлена быстросменному увлечению модными европейскими учениями».¹ Все это с достаточной ясностью показывает, в каком направлении авторы «Вех» предлагают «безытной, оторвавшейся от органического склада жизни, не имеющей собственных твердых устоев интеллигенции» — «продумать национальную проблему». Попросту говоря, нас и в данном случае возвращают к славянофилам, тем славянофилам, которые «пробовали вразумить нас» в свое время, но не были поняты «космополитически настроенной интеллигенцией».

Увы, мы в данном случае должны ответить на все эти «вменения» так же, как ответили на предыдущие. Булгаков более прав, чем сам думает, когда говорит, что «национальная идея опирается не только на этнографические и исторические основания, но прежде всего на религиозно-

---

¹ «Вехи». Гораздо вышуклее развита идея г. Бердяева о русском мессианизме (Бердяев пишет: «миссианизм» — от «миссии», а не от «Мессии») в сборнике его статей, см. «Дух. кризис интеллигенции». По существу, здесь полное возвращение к славянофильству, за исключением его «роковой ошибки — защиты отсталых форм государственности». Авторы «Вех» совершенно игнорируют тот факт, что «религиозная философия» славянофилов, так же как и их собственная, есть тоже продукт некоторых «модных европейских учений».

культурные». Интеллигенция может очень далеко уйти вперед своего народа, но она всегда и во всем, в отрицании, как и в утверждении, останется представительницей и продуктом *своей* культуры. Я указывал уже на несомненную связь между ритуализмом массы и практическим атеизмом ее привилегированного сословия. Слабость правовой идеи в русском обществе, несомненно, отражает фактическое бесправие и анархизм русского населения. Какие же «культурные», не «этнографические и исторические», «основания» могла русская интеллигенция заимствовать у русской массы в области «национальной проблемы?»

Национализм и патриотизм, вообще говоря, не есть простой, элементарный инстинкт любви к «своему», с которым они иногда отождествляются. Это есть более сложное чувство, *сообща осознанное* в процессе культурного развития нации, и прикрепленное к чему-нибудь осязательному, что для всех является одинаково понимаемым символом. Сперва это — символ принадлежности к «своим», к своему «роду», а потом и символом стремления к общим целям, общим задачам. Первое, т. е. чувство родовой принадлежности, являющееся раньше всего, конечно, всего естественнее прикрепляется к вещам, которые не меняются, к воспоминаниям вместе прожитого и вместе нажитого: к истории, к преданию. Но без второго, без вечно живой и вечно развивающейся волевой и целесообразной *совместной же* деятельности, без объединения воли народа на очередной, одинаково понимаемой всеми национальной задаче, первое чувство мертво. Одним преданием оно жить не может или, точнее, не может подняться над «этнографическими основаниями народного единства». Эти основания — самые непрочные при всей своей кажущейся вековой неподвижности, и наименее способные цементировать общество, при всей своей однородности. Только расчленение однородной этнографической массы, ее внутренняя организация при помощи выделяемого ею социального «чувствилища», ее интеллигенции, может связать массу единым чувством взаимной связи, общего интереса и общего блага. В этом смысле, появление интеллигенции есть необходимое предварительное условие для возникновения национального

самосознания. «Национализм» есть уже продукт интеллигентского творчества. Возникая на почве предыдущей стихийной эволюции, более или менее продолжительной, он вкладывает, задним числом, определенный смысл и сознательность в этот подсознательный стихийный процесс.

У нас, вообще, социальная дифференциация и символика слаба, — в том числе и национально-историческая. Это одно уже свидетельствует об элементарности нашей культуры. У нас просто нет — и не было — настоящей, так сказать, густоты междучеловеческого общения, и потому не выработалось плотной междусоциальной ткани: того переплета взаимоотношений, на котором могла бы прочно держаться социальная символика. Индивидуальные чувства слишком долго не отлагались, не кумулировались ни в каких мультипликаторах русской общественности. Общественное чувство и поступок и до сих пор у нас просто *не звучат*, не находят достаточно сильного отклика, как выстрел в разреженной атмосфере. Не сложилось у нас и прочных привычек к тем условностям, которыми одними только и могут крепко держаться социальные санкции. И, разумеется, нельзя утверждать, чтобы всего этого не было только у русской интеллигенции, а было это у русской массы. У массы а fortiori этого еще меньше, чем у интеллигенции. Наши националисты сделали из этого пробела в социальной солидарности особую русскую добродетель. А наши публицисты и беллетристы многократно указывали на пустоту социального содержания, как на одно из коренных свойств национального русского духа. вспомните полное и категорическое отрицание культурно-национальной русской традиции у Чаадаева. вспомните знаменитую тираду Герцена о том, почему нет никого в мире свободнее русского человека. вспомните меткие наблюдения Салтыкова и Глеба Успенского, всякий раз как им приходится отмечать последовательность и твердость социального поведения иностранцев и разлад между словом и делом у русских. Недавно один из критиков открыл это свойство у героев Чехова, и даже сделал из него одну из черт мировоззрения автора: апофеоз русской «бестолковости», «ненужности», «растерянности», как высшего проявления национальной

человечности при отсутствии социальных санкций поведения, привитых не воспитанием даже, а культурой. «Все мы у Бога приживалы»: вот формула этого национального и отнюдь не интеллигентского мировоззрения. В сущности, что другое значит и «всечеловечность», — эта безграничная пластичность русской природы, — по Достоевскому?

В такой «широте» природы национализму, последовательному, упорному, сознающему и уважающему себя национализму просто не за что зацепиться. Чтобы сознать всю пустоту этой «широты», надо быть интеллигентом. И мы понимаем тоску интеллигентов — авторов «Вех» по «тесноте», по национальной «традиции». Не они первые и не они последние чувствуют эту тоску. Но другой вопрос, можно ли утолить ее рецептами «Вех»?

Нам советуют искать «твердых устоев» в «быте», в органическом складе жизни и вылить наше «сознательное национальное чувство» в «религиозно-культурном мессианизме». Но ведь весь вопрос в том и состоит, как вывести второе из первого: мессианизм из «быта» и «органического склада?»

В 1901 г. П. Б. Струве не пробовал даже и решать этого вопроса, ясно сознавая невозможность решения. Он кончал свою статью о том, «в чем же истинный национализм», чисто формальным примирением. «Можно и должно относиться с уважением и бережно к отвердившимся образованиям духовной и культурной жизни: лелеять *воспоминание* и любить родину — *мать*. Но жизнь растущая, образования слагающиеся, *пророчество*, зовущее вперед, родина-*дитя* — заслуживает не меньшего уважения и любви». В сущности, «пророчество» в этой цитате отрицает «воспоминание». В требовании полной свободы от «воспоминаний» даже заключается смысл тогдашнего индивидуалистического национализма П. Б. Струве. По его тогдашнему мнению, «грех славянофильства состоял в том, что оно мнило себя *нашедшим* народные начала», «узревшим национальный дух». Оно даже «уверяло себя и других, что ему удалось... снять с него фотографию в разных позах: религиозной, государственной, общественной». Эти претензии фиксировать национальный дух в триединой славянофильской

формуле Струве отвергал тогда с негодованием, как «негодное и наглое притязание». Так же решительно он отвергал и совет Каткова: «приравнять нашу мысль, наши понятия к окружающей нас действительности». Нет, говорил Струве: «всякое стремление связать принципиально и навсегда какое-нибудь определенное содержание с формой национального духа теоретически означает превращение его из формы текучего по своему содержанию процесса в застывшую сущность... Практически это грубое посягательство на естественное право «искания», на право и обязанность человека, как такового, бесконечно совершенствовать культуру»... «Нет, человек, ты не мог этого обещать, ты не имеешь права отказываться от своего человеческого звания».

Конечно, нам могут сказать, что свобода от «воспоминаний» здесь, в сущности, требуется лишь формально, так сказать, методически. Дайте только свободу, обеспечьте достоинство автономной человеческой личности, а уж «воспоминания», «быт», «органический склад» сами скажутся в «свободном творчестве национального духа»: от них, все равно, никуда не уйдешь.

Если брать национальный склад, как общую скобку всего, что творится лицом, принадлежащим к данной национальности, то против такой уверенности, конечно, возражать нечего. Национальность скажется так же, как уровень культуры: это мы только что говорили раньше. Но ведь речь не об одних привычках, психических навыках, вынесенных из прошлого, а и об определенных идеях, находящихся свое выражение в «религиозно-культурном мессианизме». Мессианизм обязуется *из «воспоминаний»* вывести «пророчество», — известную телеологическую тенденцию универсального характера. Это и пробовала сделать единственно пока попытка русского мессианизма, — попытка славянофилов и Герцена. И мы понимаем тех, кто принимает на себя это обязательство. Булгакову, например, с его мистической верой в церковь, это даже совсем не трудно сделать: стоит лишь последовать совету Гершензона и Бердяева и вернуться к Хомякову. Но как поступить тем,

кто, по крайней мере, в принципе, не согласен связывать себя «воспоминаниями?»»

Обратиться, все-таки, к прошлому и поискать в нем не интуитивно, не мистически, а эмпирически элементов русского мессианизма? Попробуем. К XVI веку, когда впервые сложилась окончательно русская национальная церковь и русское национальное государство, у нас, казалось, были, по крайней мере, внешние данные для национального мессианизма. Мессианизм и появился: он принял политическую форму панруссизма и религиозную форму — единой святой церкви во всей вселенной. Но, увы, элементы этого мессианизма не только не дошли до наших интеллигентов: их оказалось недостаточно и для тогдашней интеллигенции. Не прошло и века со времени официального национального возвеличения, — и национальная церковь была развенчана властью, как простое недоразумение. Ее заменили чистой греческой. А еще через полвека пошатнулись и основы национальной государственности, никогда притом не формулированной и не возведенной в правовой принцип никакими легистами. С этих пор русский национализм мог опираться только на отрицательную, а не на положительную программу: на охрану «быта», а не на свято-русскую миссию. В конце XVII в. «национальная проблема», в этой отрицательной постановке очень обострилась стихийным контрастом старого быта с возраставшим иностранным влиянием. Но даже и в этой, далекой от всякого мессианизма, форме проблему русского национализма решали на Москве не местные интеллигенты, недостаточно культурные, чтобы суметь даже ее поставить, а ученый брат-славянин (Юрий Крижанич). Этот добровольный помощник, сосланный за свое усердие в Сибирь, принужден был поставить вопрос не о русском «мессианизме», а о том, как бы спастись от «чужебесия», избежать полной денационализации, превращения в мертвую этнографическую массу, под двойным влиянием восточного «людодерства» и западной «ропусты», греческой неподвижной традиции и европейской культуры.

Культура, наконец, пришла — раньше, чем на Москве собрались решить национальную проблему. Она пришла,

хотя на это и сердится г. Гершензон, просто потому, что была технически необходима и практически удобна, и вопрос о ней стал вопросом самосохранения, уже не морального, не национального, а просто физического. Она пришла, и с ней пришло то *культурное* («интеллигентское») «отщепенство» от народа, о котором сокрушаются авторы «Вех». Масса народная усмотрела в «брадобритии, табаке и немецком платье» — внешних символах новой культуры, «совершенное испровержение благочестия». Национализм окончательно слился со староверием и принял форму ожесточенного протеста против основных элементов новой культуры. А начавший слагаться культурный слой пошел своей дорогой. Из каких элементов было теперь строить «национальный мессианизм?» Таких элементов не было, и идеологов национализма вовсе не нашлось среди интеллигентов XVIII века.

Но наши интеллигенты-романтики XIX в. в лице славянофилов не отчаялись. Если в национальных «воспоминаниях» осталось одно пустое место, а новой культурной традиции не создано еще, то отчего было не оставить совсем в стороне это преходящее и «временное» и не укрепиться в «вечном»? В мессианизме национальное начало, ведь, во всяком случае, должно было стать общечеловеческим. Но общечеловеческое уже было налицо. Религия космополитична. Отчего не положить в основу русского мессианизма религию? Этот вывод был предуготовлен европейским романтизмом и немецкой философией начала XIX века. «Без православия наша народность — дрянь», — так выразил этот ход идей А. И. Кошелев; «с православием наша народность имеет мировое значение». И, действительно, без религии все славянофильские построения выходили — дрянь. Но и с религией, как только хотели придать ей мировое значение, никак не удавалось, начиная с Чаадаева и кончая Вл. Соловьевым, уместиться в рамках старой национальной веры. Русский мессианизм постоянно оказывался основанным не на православии, а на католицизме. И никакие попытки нового синтеза, никакие соображения наших новейших мессианистов о «сверхрационализме русского православия», никакие перепевы о посредничестве

России между Востоком и Западом не избавят их от подобного же рокового исхода их поисков вселенской веры¹.

Какой же вывод вытекает из нашей беглой исторической справки? «Сознательное национальное чувство» может «отливаться в культурный мессианизм» только при соблюдении известной пропорции между прошлым и будущим, между «воспоминанием» и «пророчеством». У нас эта пропорция слишком для нас невыгодна. «Воспоминаний» непропорционально мало, а чистому «пророчеству», хотя бы оно было и Герценовское, никто не поверит. Вероятно, поэтому у огромного большинства нашей интеллигенции оказывалось достаточно здравого смысла и самокритики, чтобы не тешить себя и не смешить других национально-мессианистскими построениями.

Вернемся, однако, к более скромным задачам национализма и патриотизма. Хватало ли их на нас самих, для нашего внутреннего употребления?

Речь идет, конечно, не о непосредственном индивидуальном чувстве единства с целым той или другой «автономной личности». Отрицать такое чувство у нашей интеллигенции никто не решится. Общеизвестный — и, увы, едва ли законченный, синодик русской интеллигенции дает красноречивый ответ на всякие сомнения. Наша интеллигенция не только была патриотична; она *пылала* патриотизмом. Но речь идет здесь о другом. Мы имеем в виду внешние, объективные отложения, социальную кристаллизацию и символику патриотизма и национализма, при помощи которых он делается из достояния интеллигенции достоянием общенародным. На первый взгляд ответ здесь чрезвычайно неудовлетворителен. Общенародный патриотизм и национализм предполагает единение и согласие с массой в общих задачах. А между тем история нашей интеллигенции есть история «отщепенства», — история борьбы и раздора. В этой борьбе, идущей из поколения в поколение, тянущейся через целые века, интеллигенция занимала постоянно ненормальное положение, ибо она принципиально устранена была от участия и от ответствен-

---

1. См. Бердяева, Дух. кризис интеллигенции.

ности в ходе общественных дел в родной стране. При этом условии ненормальность превратилась в обычай и сама создала известные навыки, известную традицию интеллигентской коллективной мысли.

У интеллигенции появились те черты, которые в начале этой статьи были отмечены, как ненормальные и отрицательные: излишняя отвлеченность доктрины, непримиримый радикализм тактики, сектантская нетерпимость к противникам и аскетическая цензура собственных нравов. Можно сказать, что у интеллигенции сложился свой собственный патриотизм — государства в государстве, особого лагеря, окруженного врагами. В жестоких словах г. Гершензона, по несчастию, есть доля истины. Да действительно, это было «сонмище больных в собственной стране». «Больных, потому что положение «красивой ненужности» не содействует нормальному состоянию нервов. «Трагизм положения», на который ссылался Герцен, характеризует не одно только его поколение. Этот «трагизм» начался еще с тех пор, как Курбский за рубежом зараз и проклинал, и благословлял «неблагодарное, варварское, недостойное ученых мужей» — и все же «любимое отечество». Эмигрантское настроение нашей интеллигенции с течением времени крепнет и обостряется, по мере того как представители ее объявляются — и сами сознают себя «лишними людьми.»

В литературе тип этот хорошо известен и внимательно прослежен. Но было бы важной задачей проследить его в жизни, хотя бы в писательской среде. О Герцене я только что упоминал. Достаточно вспомнить отношение его к польскому восстанию, чтобы понять, к каким трагическим коллизиям приводили эмигрантские формы самого горячего, самого несомненного патриотизма, при столкновении с элементарными условиями патриотизма нормального, понятного всем. Сложилось мнение, что популярность Герцена погибла жертвой этих эмигрантских проявлений его патриотизма. Я этого не думаю, и объясняю падение популярности «Колокола» несколько иначе. Эмигрантский патриотизм уже в то время был понятен и довольно широко распространен и в самой России. Нашим неудачам в

Крымской войне радовался не один Герцен в своем Лондонском уединении: радовались и в России очень и очень многие — не только интеллигенты, но и просто читатели газет и журналов. Но лучшее доказательство есть то, что эмигрантский патриотизм не умер с поколением Герцена. Напротив, он с него только начался, как постоянное, длительное явление интеллигентской психологии. Возьмем дальнейший пример: Турецкую войну, в которой и самый повод вызывал патриотические эмоции, и ожидание реформ не могло им так мешать, как это было после смерти имп. Николая I. Пусть читатель пересмотрит страницы сочинений Салтыкова, написанные в дни общего патриотического возбуждения. Вы чувствуете, как великий сатирик не только не отрицает возможности подобных эмоций, но и мучительно переживает сознание ненормальности того положения, в котором разделять эти общественные чувства оказывается невозможным. Интеллигент-патриот рад бы был сделаться просто патриотом, но при виде монополистов патриотизма в уме его тотчас восстает неумолимый вопрос: да, собственно, «кто готовит тяжкие испытания России? Воевода ли Пальмерстон или он, Удодов?» И когда он чувствует обязанность публициста объяснить причины своего воздержания от патриотических демонстраций, вот что он заявляет:

«В такие исторические минуты, когда затрагиваются самые дорогие и самые существенные струны народной жизни, я считаю воздержанность более нежели когда-либо для себя обязательной... Прошлое завещало довольно большое количество людей, которых единственное занятие... заключается в том, что они сторонятся от деятельного участия в жизни. Занятие непроизводительное и даже, можно сказать, тунеядное; но ведь надо же наконец понять, что мы дети того времени, когда прикасаться к жизни можно было лишь при посредстве самых непривлекательных, почти отвратительных ее сторон, и что вследствие этого устранение от жизненных торжеств (опять-таки повторяю; *в то время*) составляло своего рода заслугу... Чтобы получить право ликовать в виду предстоящего подвига, необходимо сознавать себя материально привлеченным к его выполнению и материально же обязанным нести на себе все его

последствия, а это для большинства культурных людей почти недоступно».

Я мог бы подойти еще ближе к нашим временам и рассмотреть раздвоение патриотического чувства во время последней Японской войны. Но сказанного, полагаю, достаточно, чтобы сделать понятными и диагноз этой интеллигентской болезни от излишка здоровья, и средства ее лечения. Тяжелые последствия для общегосударственного патриотизма хронического распада страны на два вооруженных лагеря отрицать нельзя. Затяжная борьба против правительства фатально приводит к границе, за которой начинается борьба против собственной страны. И точно определить эту границу невозможно. Для сторонников взгляда «чем хуже, тем лучше» она идет в одном месте. Для публицистов, понимающих неразрывную связь явления в социальном процессе, в другом. Для практических политиков — в третьем. В разное время, при разных условиях и перспективах борьбы, эта граница передвигается. Есть моменты, когда эмигрантская точка зрения совершенно ступшевывается перед могучим процессом быстрой внутренней эволюции. Такой момент мы недавно пережили. Мы помним и другие моменты, когда та же эмигрантская точка зрения становилась единственной светящейся точкой среди мрака и неотразимо притягивала к себе все более и более широкие круги общественного мнения. Очевидно, однако же, что самое существование эмигрантской точки зрения ненормально в государстве, достигшем известного культурного уровня. И переход к новому строю, в котором основное условие национальной солидарности — наличие народного представительства — получило хотя бы формальное удовлетворение, прежде всего вызывает необходимость коренного пересмотра всего наболевшего, тяжелого вопроса об особом интеллигентском патриотизме. Если вопрос все же остается по-прежнему мучительным, и самые осторожные попытки прикоснуться к нему вызывают щемящую боль и невольную судорогу, то, конечно, это объясняется далеко не одной только застарелостью болезни. Объяснения надо искать в двусмысленности положения, в спорности вопроса: миновали ли окончательно те условия, которые создавали

эмигрантский патриотизм?

Как бы то ни было, оставляя в стороне те формы и проявления интеллигентского патриотизма, которые я назвал «эмигрантским патриотизмом», мы должны теперь обратиться к самому содержанию интеллигентского патриотизма, которое нам предлагают выбросить за борт и заменить чем-то совершенно другим, но пока еще не определенным и никому не известным.

Вопрос о положительном содержании, на котором можно было бы основать русский национализм, остается самой темной из всех туманностей «Вех». Причина этой неясности та, что именно здесь последние слова авторами «Вех» еще не досказаны. За пределами «Вех» велся и, вероятно, ведется по этому предмету горячий спор между самими участниками сборника. П. Б. Струве, как известно, одно время предлагал прикрепить обновленный русский патриотизм к империалистской идее «Великой России» и основать его как раз на связи патриотизма с внешней политикой. Как контраст, как психологическая реакция против эмигрантского патриотизма, под свежим впечатлением признанной «вины», это было самым радикальным лечением. Но для Бердяева, например, такое решение — слишком шаблонно и недостаточно мистично. Это значило бы, прежде всего, связать патриотизм с государственностью. А Бердяев — христианский анархист и признает государственность лишь как неизбежное и временное зло. С его точки зрения, «западник-рационалист Струве недостаточно чувствует таинственную душу России. Ему чуждо мистическое чувство истории»¹. И Бердяев переносит патриотизм с государства на «нацию», как «соборную личность», «мистический организм». Однако, тут немедленно рождается вопрос: какую нацию? «Нация», как понятие государственное (швейцарцы, американцы), совпадает с государством. Нация — или лучше «национальность», как понятие этнографическое и культурное (великоруссы, поляки, евреи), представляет несколько «соборных личностей» в одном государственном теле. Уступая единомышленникам, П. Б. Струве нашел в самом этом различии исход из затруднения. Государственная, «российская» национальность — это одно.

Племенная, «русская» национальность — это другое. Первая ступень воспитания нашей интеллигенции заключается в обучении ее «государственному», великодержавному, патриотизму. Но затем Струве сам «восстает против обнаруживающейся в этом случае чрезмерности культа государственно-го начала». И как вторую ступень, исправляющую односторонность предыдущей, он предлагает культ «органического чувства национальности». Если на первой ступени получается правовое понятие российского гражданина, как представителя государственной национальности, то на второй является понятие «национального лица» со свойственным ему психическим содержанием, национальными «притяжениями и отталкиваниями», с «вполне законными» проявлениями «сильных, подчас бурных чувств», которые «прикрепляются в настоящее время к национальным вопросам». Единомышленник П. Б. Струве, В. Я. Голубев тогда же сделал третий шаг, объяснив русское «национальное лицо», как лицо «державной народности», какую создала ее история. В качестве «державной», русская народность вновь получила значение «государственной национальности», но уже не в качестве собирательного понятия российских граждан, а в качестве главного, доминирующего в государстве племени. Культурное и «мистическое» понятие вновь облекалось правовыми атрибутами. Понятно, куда должен теперь вести четвертый и последний шаг. После всех описанных превращений, отвлеченное вначале понятие русского «национализма» выходит из лаборатории П. Б. Струве и его единомышленников с очень определенным конкретным содержанием: господствующей великорусской народности.

При таком содержании «национализма» и поиски за национальной традицией получают совсем иной смысл, нежели когда речь шла о создании основ русского мессианизма. *Всякая* историческая традиция теперь годится.

Правда, г. Бердяев продолжает отвергать у славянофилов «ложное поклонение национальности, как факту, как идеализированному прошлому». Но он же категорически утверждает, что «не может существовать народ, которому нечего сохранять, который не получит никакого наследства, достойного любви»¹. И он ищет приобщиться к «истории»,

связать «историческое прошлое» с «историческими перспективами». «Низка была бы общественность, основанная на забвении». «Церковная связь с умершими, с отцами есть священная основа истинного консерватизма». Воспринять историческую святыню необходимо «по-детски». От «опасности рационализма и сектанства может охранить лишь приобщение к народной святыне и народному культу». И г. Бердяев горячо приглашает интеллигенцию «зажечь лампаду перед иконой и пасть молитвенно перед ней на колени», подчеркивая нарочито в примечании, что он «говорит все время о лампаде и иконе в буквальном, а не переносном смысле слова»

Таково то настроение, с которым наши «богоискатели» принимаются за восстановление исторической традиции.

Работа авторов «Вех» в этом направлении далеко еще не окончена. Но она уже начата. Характерно, что в поисках своих родоначальников наши националисты не пошли пока дальше той же самой — русской интеллигенции. Им, разумеется, не нравится общепринятый взгляд на прошлое нашей интеллигенции. По их мнению, «обычные либеральные и радикальные истории русского самосознания выработали шаблон, установили банальный критерий для определения того, что есть большая дорога» в истории интеллигенции. При этом «всего более для нас ценное... в книге о русской душе... затерто». И они теперь восстанавливают «затертое». Это — «почти весь Чаадаев, славянофилы — в том, что было в них положительного, половина Гоголя, Тютчев, Достоевский, отчасти Лев Толстой, Константин Леонтьев, Вл. Соловьев, В. В. Розанов, Мережковский, все русские декаденты, вся русская философия»². Прибавим к этому перечню когда-то развенчанного самим Струве, а ныне им же реабилитированного Чичерина³. Не будем останавливаться на пестроте этого букета. Но что же дальше? Куда идет эта вновь реставрируемая линия «русской души» в глубь исторического сознания? Дальше пока встречаем только отрывки и нащупывания. Новиков и Радищев, «Богом упоенные люди»,

---

1. Дух. кризис интеллигенции.

2. Бердяев, «Русские богоискатели», в «Дух. криз. интеллигенции», с. 28.

3. См. «На разные темы», с. 84-120.

уже стоят на той «большой дороге», которую наши националисты тщательно обходят проселками. Что было раньше Новикова и Радищева? Струве указывает на государственный разум поколения 1613 года, спасшего Россию от «воровства». Булгаков прибавляет преп. Сергия Радонежского. Можно было бы присоединить «неугасимую свечу» Симеона Гордого. Но, прежде всего, беда в том, что этим была бы установлена, худо-ли, хорошо-ли, только традиция московской государственности. Бердяева, напр., *такая* националистическая традиция совсем не устраивает. Своих духовных предков он может найти разве только в украинском философе-сектанте Сковороде, в «мужике Семене», говорившем, в конце XVII в., «от Духа Святого», в Ниле Сорском, поскольку в нем сказывается ученик Афонских «исихастов». Но это не подойдет к другой «большой дороге»: к той «большой дороге» православной традиции, за которую крепко держится Булгаков. И я совсем не знаю, где будет искать своих духовных предков недовольный Петром Великим Гершензон.

Смотря по вкусу, по настроению, по характеру специального интереса можно протягивать в прошлое сколько угодно нитей. Но создать живую связь с прошлым могут только те нити, которые держатся на живой памяти прошлого, передаваемой из поколения в поколение. Возможность такого рода связи зависит от многих условий, которые не всегда находятся налицо. Нужно, прежде всего, чтобы существовала непрерывность сознания, поддерживаемая единством цели. На низших ступенях исторической жизни — социальной памяти вообще не существует. Целесообразность исторического процесса, рост и накопление культурных навыков возможны, конечно, и там. Но психология этих эпох имеет подсознательный характер. От них, от этих долгих доисторических периодов национальной жизни, разумеется, не может сохраниться никакой националистической традиции. Далее, когда сознательность уже появляется, в большей или меньшей степени, у немногих фактических руководителей процесса, она еще надолго остается чужда массе. И сами носители этого сознания в рядах поколений не связываются единством сознания.

«Свеча» гаснет и вновь зажигается стихийными историческими порывами. Таким образом, социальная память, в начальном периоде существования, оказывается прерывистой и случайной по содержанию. Чтобы сделать ее постоянной и ее содержание — организованным, необходимо создать тот мыслящий и чувствующий аппарат нации, который называется ее интеллигенцией. Только при участии этого аппарата подсознательный процесс национальной жизни может окончательно превратиться в сознательный. И только с этого момента могут явиться и жить в предании элементы живой национальной традиции, передаваемой из поколения в поколение сознательным общественным воспитанием.

Достаточно приложить эти общие соображения к нашему прошлому, чтобы сразу увидеть причины долгого отсутствия, позднего происхождения и интеллигентского характера нашей национальной традиции. Традиции домовосковские навсегда и окончательно отрезаны искусственным надрывом народной памяти. Киевская былина, занесенная на дальний, пустынный север, и там получившая полуфинское обличье — вот символ этой прерванной традиции нашей вечевой эпохи. Ранняя московская традиция слишком тесно замкнута в тесной семье московских скопидомов. О плачевной судьбе дальнейших националистических попыток — канонизировать, при помощи более культурных славян и греков, государственную и религиозную традицию XVI века — я уже упоминал. Начало XVII века, к которому обращается П. Б. Струве в своих поисках за традицией, представляет, в самом деле, любопытную параллель с настоящим моментом: параллель, которая повторяется и в начале XVIII, и в начале XIX, и в начале XX века. Во все эти моменты нашей истории спокойное национальное развитие прерывается катастрофами, которые затрагивают не одни только социальные верхи, но глубоко, с самого корня захватывают и народные массы. И всякий раз оттуда, с социальных низов или *от имени* социальных низов — поднимается движение, принимающее параллельные формы народного взрыва и националистической реакции. В первой форме движение направляется против «бюрократии», во

второй — против «интеллигенции» данного момента¹.

Ничего творческого, ничего кроме элементов «бытовой и этнографической» традиции, эти реакции в себе не содержат. Попытки противопоставить чистому иноземному влиянию самостоятельную культурную работу делаются в конце XVII века; но они оказываются слишком запоздалыми, слишком слабыми и робкими, — а с другой стороны, слишком чуждыми даже и в этом слабом виде туземному «быту», чтобы на них можно было опереться против широкого потока европеизации².

Таким образом и эти новые зародыши своеобразной национальной традиции сами собой круто обрываются тем полустихийным, — и тем более неизбежным торжеством внешнего европеизма, с которого началась реформа Петра. Традиция «бытового» национализма с тех пор спускается, «петровская» традиция замыкается для начала в тесный круг бюрократии и высшего социального слоя. Но оттуда постепенно она расширяет свое влияние на другие социальные круги при посредстве новой интеллигенции. *С этого момента является в России непрерывная и прочная социальная память. Является и интеллигентская традиция.*

Авторы «Вех» суть сами — плоть от плоти и кость от костей этой «петровской» интеллигенции. Сознание «соборности», общности и цельности, в ряде поколений, исторической культурной работы им не только не чуждо, но именно они и стараются внушить это сознание нашей интеллигенции, у которой, по их мнению, такого сознания не хватает. Но что же они делают в действительности? Они отвергают то, что дает им история и хотят начать историю сначала. Принципиальные индивидуалисты, насильственно смиряющие себя перед «соборным» сознанием, они пытаются искусственно вырвать текущий момент из органической

---

1. О националистических реакциях начала XVII и начала XVIII в. см. подробнее в моих очерках, т. III, ч. I, где вообще излагается процесс перехода от подсознательного к сознательному периоду национального существования.

2. См. об этих попытках, «Очерки», II, стр. 174-5, 209-12, 153. 246-247; III, I, 140

связи национальной эволюции и поставить его в выдуманную ими самими связь с произвольно подобранными сторонами и явлениями прошлого. По существу, эта попытка антиисторична, индивидуалистична и рационалистична. По содержанию и по исполнению, к чему она сводится, или точнее сведется, когда из устанавливаемых теперь посылок авторы «Вех» сделают неизбежные логические выводы?

Конечно, прошлое, даже и очень отдаленное, еще не умерло в настоящем. Но чтобы найти его теперь, надо очень глубоко опустить исследовательский зонд. Когда какие-нибудь катастрофы обнажают эти глубокие пласты, соприкосновение с пережитками прошлого становится, разумеется, легче. Но тогда это соприкосновение является задачей не интеллигентских исканий, а «черной демагогии». И продуктом его неизбежно является самый настоящий, подлинно московский протест против элементов культуры и сознательной идеологии, во имя «бытовой» и, «этнографической» традиции. Смысл этого явления один и тот же, хотя бы на заре XVII века оно называлось борьбой против политического «воровства», «пестроты» и «малодушества», на заре XVIII в. борьбой против «проклятого немецкого зелья» и «антихристовой печати», на заре XIX в. — против «жидомасонов» и «выборжцев». Если угодно, тут есть бессознательная традиция стихийного единства. Но это такая же традиция, какую можно усмотреть между извержениями Везувия. Ее идеологи обыкновенно и грозят стихийными катастрофами. «Гнев народный», которым пугает депутат Шульгин, — тот же самый, которого боится Гершензон и который стараются предотвратить обращением к народной святыне — Булгаков и Бердяев.

Что может быть общего между этим ископаемым национализмом и настоящей, культурной национальной традицией? Поиски за тем, «чего не было», могут лишь привести к капризному пренебрежению тем, что было. У нас *есть* прошлое, заслуживающее уважения и национального культа. Русская культурная традиция *была*. Она была уже тогда, когда, три четверти века назад, ее фанатически отрицал Чаадаев. Теперь эта традиция гораздо длительнее и

богаче. Она пополнилась списком великих имен, которые дают нам уже теперь некоторое право на тот вид «мессианизма», какого может добиваться всякая культурная нация. Перед традицией, которую с Диогеновым фонарем разыскивают авторы «Вех», эта существующая традиция имеет то преимущество, что она не выдуманная, а живая. Тут есть та связь и то единство цели, которые составляют живую душу всякой традиции. Задача, поставленная два века назад великим русским «отщепенцем», еще нами не осуществлена вполне. Но эти два века связаны красной нитью борьбы именно за эту задачу.

Единство сознания ряда интеллигентских поколений уже вызвало и те последствия, какие вызывает всякая живая традиция. У этой традиции есть свой культ, своя символика. У ней есть свои святыни и свои неугасимые лампы. Из поколения в поколения эти святыни бережно передаются, как самое драгоценное наследство нации. Всякое постороннее прикосновение к ним вызывает общественную реакцию. И эти чувства негодования против оскорбителей святыни есть лучшая гарантия и доказательство существования нашей общественной солидарности. Это есть ручательство того, что общее дело ведется твердо и что новым поколениям придется лишь продолжать его, а не начинать сначала. Казалось бы, защитникам традиции и исторического «консерватизма» остается только радоваться, что за полным отсутствием элементов «бытовой» и «органической» традиции, за очевидной недостаточностью традиции «этнографической» и «исторической», в России имеется эта двухвековая живая культурная традиция. Не проклинать и отрицать ее надобно, а культивировать, как необходимую основу общественного воспитания и дальнейшего сознательного общественного поведения.

Но наши блюстители традиции поступают тут, как настоящие «нигилисты». Когда речь идет о действительной традиции, имеющейся налицо, они забывают собственные сомнения относительно народа, «которому нечего сохранять, который не получил никакого наследства, достойного любви». Они забывают, что «низка была бы общественность, основанная на забвении». Они сами, теперешние проповед-

ники традиции, как раз и начали с «забвения», с отрицания единственной существующей традиции, с «отказа от наследства».

Отказы от наследства были и мотивированные, и немотивированные, и индивидуальные и кружковые. По счастью, в образованном русском обществе традиция и до сих пор совсем не потеряна. Из отказавшихся же многие потом вернулись обратно: с разными оговорками, с новыми принципиальными мотивировками к старым практическим выводам, но все-таки вернулись. И пока дело идет лишь об индивидуальных методах открытия старых истин, о новом способе прийти к убеждениям, к каким давно пришли уже другие, разногласие, конечно, может и не выходить из рамок той же интеллигентской традиции. Недаром в этой самой традиции наши бунтовщики ищут и своих предков. Они не хотят и не могут уйти из создаваемого интеллигенцией храма русской общественности. Только, как староверы, они приносят в этот обширный храм собственные иконы, отгораживают себе уголок, зажигают свои лампы и молятся своими молитвами.

В этих пределах дело могло бы ограничиться и внутренними интеллигентскими спорами. Но иной характер принимает вопрос, когда интеллигентская традиция, как таковая, отрицается начисто, когда мимо традиции новой общественности, религиозной терпимости и национально-культурного равноправия пытаются вернуться к «воспоминаниям» московской Руси и основывают национализм на реставрации старой триединой формулы. Совершили ли авторы «Вех» и этот шаг, мы пока сказать не решаемся. Но путь их ведет сюда. И они уже стоят на этом пути. Выбор пути уже сделан.

ЕЩЕ О «ВЕЛИКОЙ РОССИИ».*

Без ответа Струве остался главный вопрос мой о том, как разрешается противоречие между «верховным законом» бытия государственного: «слабый добыча сильного», топчи врага, — и верховным законом бытия всечеловеческого: сильный опора слабого, щади врага.

Нельзя выйти из противоречия абсолютного «да» и абсолютного «нет», не сделав одного из них относительным. Но Струве этого не делает. И едва ли достаточны ссылки его на статьи, написанные до революции; ведь по его же собственному признанию «ощущать и понимать, что такое государство», научила его только революция. Не имел ли я основания думать, что революция научила его и новому ответу на старый, вечный вопрос об отношении государственного национализма ко вселенской культуре? Новое понимание государства не предполагает ли и нового понимания культуры? До революции, когда он сам еще не знал, что такое государство, как мог бы он ответить на вопрос, поставленный, во всей своей жизненной остроте и силе, только теперь чудовищными проявлениями реакции с ее «зоологическим патриотизмом»?

Кажется, впрочем, ни вопрос, ни ответ не вскрывают всей глубины нашего разногласия — разногласия не столько в отвлеченных идеях, которые могут казаться мертвыми буквами, «прописями», по выражению Струве, сколько в реальных переживаниях, где эти мертвые буквы наливаются живою кровью. Мы думаем разное — это важно, но важнее

---

* Предлагаемая статья русского писателя и религиозного философа Д. С. Мережковского была опубликована в сборнике «В тихом омуте» в Петербурге, в 1908 году. Под названием «Еще одна великая Россия» эта статья в том же году была напечатана в газете «Речь» (16 марта) как часть полемики со сторонником Российской державности, известным философом П. Б. Струве.

то, что мы разного хотим. Струве не хочет революции, по крайней мере той, которая освобождение России ставит условием ее величия, а не наоборот, величие России — условием ее освобождения.

Отказываясь от революции снизу, он соглашается на революцию сверху. Формула «Великая Россия» принадлежит министру вн. д. Столыпину. Напомнив об этом в начале статьи своей, Струве замечает: «для нас эта формула звучит как лозунг государственности революционной». И кончает утверждением: «государство должно быть революционно».

Как же этого достигнуть? Кто и что заставит сейчас русскую государственность, погрязшую в реакции, сделаться революционной? Формула «Великая Россия», звучащая не только для Струве, но и для Столыпина, как лозунг революционный, — не только Струве, но и Столыпину революционер, — это невообразимо.

Превратить реакцию в революцию сверху — такое же чудо, как превратить камни в хлебы, змею — в рыбу. Революция без революции, пожар без огня, потоп без воды. В настоящее время советовать русскому государству: будь революционным — все равно, что советовать утопающему: вытщи себя за волосы.

«Возражая мне, Мережковский все танцует от печки «существующего» или «старого» порядка», — Да ведь не я один, а весь «петербургский период русской истории» от этой печки танцует. И куда от нее денешься? Попробуйте-ка не в теории, а на практике, не в должном, а в данном от какой-либо иной печки танцевать. Сравнение, впрочем, не совсем верное. Старый порядок — не печка, а сковорода, на которой все мы, как караси в сметане, жаримся и танцуем: откуда поджаривают, оттуда и танцуем.

Я считаю Струве человеком слишком умным и талантливым, чтобы заподозрить его в танцевании от печки, когда он решает, что русская интеллигенция просто «безбожна» — и дело с концом. Мне ли не знать этого «безбожия»? Не я ли на нем, можно сказать, зубы съел? Но неужели Струве не видит, что именно здесь, в «безбожии» русской революционной общественности, сейчас происходит исполинский сдвиг, клеточное перерождение всей умствен-

ной ткани. Не даром же старая «интеллигентская идеология рухнула», как справедливо замечает Струве. Религиозных идей еще нет; но ведь и прежних, позитивных, тоже нет. Ничего нет. Пустота. А в пустоте — хаос — мистический анархизм, индивидуализм, мифотворчество — и Бог знает, что еще, — да оно и не важно, а важно то, что этот хаос нет-нет да и вспыхнет религиозным отблеском, как далекая грозная туча зарницей. Пусть эти зарницы пока еще безгромные.

Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой

в смертном удушьи реакции. Такое удушие бывает только между двумя грозами. Нет, революция не кончилась — в этом, кажется, главная ошибка моего собеседника.

Доныне для русской интеллигенции революция была религией; от этого не далеко до того, чтобы религия сделалась революцией. В настоящее время вся русская интеллигенция проходит как бы из дверей в двери анфилады трех комнат — декадентство, мистицизм, религию. В первой комнате уже так тесно, что яблоку негде упасть; во второй — толпа редет; в третьей — почти никого нет. Можно остановиться или пойти назад, но вперед другого хода нет: кто не застрял в декадентстве, тот непременно перейдет в мистицизм; кто не застрял в мистицизме, непременно перейдет в религию. Может быть, я слишком спешу моими заключениями, но едва ли они ложные.

«Религиозная интеллигенция есть твердая жидкость, *contradictio in adjecto*», — полагает Струве. Но ведь жидкость становится твердым телом при замерзании. Если бы мы справились на метеорологической станции, то, может быть, нам ответили бы: сегодня оттепель, а завтра будет мороз. Опустится ртуть на два, на три градуса — и все воды русской интеллигенции превратятся в лед. Когда вода в сосуде замерзает, но еще не замерзла, то достаточно одного прикосновения, толчка, чтобы появились ледяные кристаллы: таким толчком для русской интеллигенции не будет ли первое движение новой революции?

Как бы то ни было, пусть только Струве сравнит то, что было в конце прошлого столетия, с тем, что сейчас, — и он,

может быть, почувствует правду моего утверждения: религиозного *сознания* нет еще у русской интеллигенции, но есть уже все более и более жадное религиозное *внимание*. Неодолимая тяга влечет нас всех, вольно или невольно, именно в эту сторону.

Внезапная стремительность движения иногда почти пугает, но не удивляет меня. Борясь с позитивною пошлостью, «хамством», «смердяковщиною» русской интеллигенции, я слишком хорошо знал, что она не просто «безбожна»; я знал, что под внешним атеизмом Иванов Карамазовых и Раскольниковых (не одни же Ракитины и Смердяковы — представители русской интеллигенции!) скрывается огненный антитеизм; под мнимым безбожием — истинное богоборчество. «Я верую, что Бога нет!» говорит типичный русский интеллигенту Достоевского. А вера в небытие Божие — тоже вера, тоже религия. Я хочу только сказать, что никогда не было у русской интеллигенции окончательного атеизма, как религиозного безразличия, нейтральности, а всегда была какая-то религиозная полярность: но ведь ежели есть могучее отрицательное электричество, значит, где-то рядом должно быть столь же могучее электричество положительное.

И вот что всего любопытнее для нас обоих, для меня и для Струве: прежде было так, что чем революционнее, тем атеистичнее, а теперь наоборот: чем революционнее, тем ближе к религии или, по крайней мере, к мистике. «Религиозный максимализм» все чаще идет рука об руку с максимализмом революционным, что гениально предсказал еще Достоевский: белое каление в мистике дает красное каление в политике. В этом отношении «мистический анархизм» — пошлая, грубая, но верная карикатура, если не на вчерашнее, то на завтрашнее лицо русской интеллигенции. Это — маленький нарыв, в котором действует прививка большой заразы.

Да не подумает Струве, что я всему этому огулом радуюсь: я отлично сознаю огромную опасность религиозно-революционного максимализма не только для него, но и для меня. Я сейчас не оцениваю, я лишь исследую и при этом не «улыбаюсь» по поводу возможного сочетания русской

революционной общественности с христианской эсхатологией. Ведь это уже было раз в истории: Апокалипсис сочетался с революцией у солдат-пророков, спутников того самого Оливера Кромвеля, которого и Струве «уважает», или у тех американских пуритан, от которых французская революция заимствовала свое откровение — «декларацию прав человека». Было раз — может быть, снова будет? О, конечно, если будет, то уж совсем иначе: история не повторяется, но голоса ее только и делают, что перекликаются.

Религиозный анархизм Л. Толстого, по мнению Струве, не связан с «безгосударственным духом» русской интеллигенции. Употребляя слово «интеллигенция» в кавычках, Струве, кажется, выбрасывает ее из русского образованного общества, из интеллигенции без кавычек. Но должна же существовать какая-нибудь, если не положительная, то отрицательная связь между этими двумя интеллигенциями, а следовательно, такая же точно связь должна существовать между религиозным анархизмом Л. Толстого и безгосударственным духом «интеллигенции» в кавычках. По толстовскому анархизму и родственным ему сектам — духоборчеству, штунде — нельзя ли заключить о том, что религиозно-революционный максимализм русской интеллигенции уходит корнями своими в глубину стихии народной. Может быть, именно в этом «безгосударственном духе» не русская интеллигенция «отщепилась», откололась от народа, а весь русский народ расщепился, раскололся великим расколомъ.

Тут возникает вопрос: насколько вообще государственный дух, гений государственного строительства, свойствен русскому народу?

Он создал огромную империю или, вернее, она создалась *на нем*. Но ведь эта империя — не крепкое правовое государство: она похожа скорее на полупризрачное тело химеры, в котором явь смешана с бредом, петербургский гранит с петербургским туманом, как в подножии Медного Всадника. В химерической государственности народ любит собственно одну только ослепительную точку — самодержавие. Но любит ли он и самую государственность? — Слишком долго вбивали в него эту идею татарскою

плеткою, немецкими шпицрутенами. Вот почему для него «государственность» значит «казенщина», а «казенщина» значит мертвая вода, которая на что ни брызнет, все мертвит. Спасая живую душу свою от мертвой воды, народ бежал в леса, в скиты, зарывался в землю, сжигался на кострах. Может быть, в этом религиозно-революционном максимализме есть большая доля изуверской дикости; может быть, когда-нибудь создаст русский народ высшую, более человечную государственность. Дай Бог! Я опять-таки ничего не решаю, не оцениваю — я только исследую.

Во всяком случае, если бы даже Россия оказалась малоспособною к строительству государственному, этого еще недостаточно, чтобы произнести над нею смертный приговор, к чему, по-видимому, склоняется Струве. Он устанавливает прямое соотношение между государственностью, с одной стороны, культурою и общественностью — с другой. Мы видим, однако, во всемирной истории примеры не только прямого, но и обратного соотношения между этими двумя началами. Средневековая церковь, в борьбе с государством, послужила культуре и общественности отнюдь не менее, а может быть, более, чем весь государственный феодализм. Древняя Греция, раздираемая анархией мелких политий, оказалась неспособною создать великое государство и создала величайшую культуру. А Македонская государственность понизила уровень эллинской культуры. Шиллер и Гете невозможны после Бисмарка в объединенной Германии. Анархическая Италия XIV и XV вв. создала культуру Возрождения. Китай прежде всех других народов вырастил на себе крепчайший костяк, череп государственности, но под этим черепом заостенела культура и общественность. Евреи, самый анархический из всех народов, дали миру сильнейшее бродило всей мировой культуры и общественности — христианство.

Я не анархист в политическом смысле. Я сознаю, что анархия может быть насилием злейшим, чем всякая государственность. Но мне и не нужно быть политическим анархистом, чтобы признавать государство лишь временным и относительным средством, а не вечною и абсолютною целью, сторожевым огнем земли, а не «путеводною звездою»

на небе, чтобы не делать государственного идеала идиолом, не проповедывать религию государственности. А что Струве это делает, — не мне одному кажется. В превосходной статье своей («Наброски» — «Речь») Д. Левин говорит:

«Государство не есть верховная ценность, которой должны подчиниться все прочие культурные ценности человечества — вот та позиция, которую занял Мережковский в споре со Струве. Ничего более он не утверждает, да ему и не нужно ничего более утверждать для того, чтобы вскрыть односторонний фанатизм религии государственной мощи».

Нельзя точнее выразить мою главную мысль: в беседе со Струве я именно только отрицаю государственность как религию, отрицаю религиозно-государственный «максимализм» Струве, ибо когда он приглашает меня «сквозь хищничество Бисмарка рассмотреть его религию», преклониться перед «величием Бисмарка», хотя бы даже «Зверя с большой буквы» (слова Струве), что же это такое, как не религиозно-государственный максимализм? Требуемое от меня безразличие в поклонении Богу или «Зверю» я отнюдь не могу принять, как освобождающий скепсис; ибо скепсис, доведенный до таких пределов, становится бессознательным, т. е. наиболее порабошающим, догматом.

Государство есть некий живой «организм», «соборная личность», — утверждает Струве. Здесь едва ли случайно, хотя, может быть, опять-таки бессознательно, слово «соборный» заимствовано из христианской церковной догматики. Государственность для Струве — «религия», государство — «церковь». В церкви Христовой воплощается лик Христа; а в «соборной личности» государственной — чей лик? Этого Струве не знает и знать не хочет. Хотя бы лик «Зверя» с большой буквы — ему все равно...

Нет, государство не «личность», не «организм», а механизм, и постольку оно праведно, поскольку оно механизм — железный рычаг, поднимающий тяжесть веков, железный плуг, взрывающий ниву истории, послушное орудие воли человеческой. Когда же не человек владеет орудием, а орудие человеком, то оно калечит и убивает его. Механизм, уподобляясь организму, становится автоматом.

Религия государственности и есть религия автоматизма. Некую тоже «соборную личность» или, вернее, личину, «искусственного человека», homo artificialis предсказывал еще Гоббс в «Левиафане». Как бы не оказалась «Великая Россия» этим страшным «искусственным человеком», автоматом, который задушит в мертвых объятиях живую Россию?

Царь Навуходоносор поставил золотой истукан и объявил: «Народы, племена и языки! когда услышите звуки трубы, свирели, цитры, цевницы и симфонии, падите и поклонитесь золотому истукану, а кто не падет и не поклонится, брошен будет в печь, раскаленную огнем».

Национальная симфония «Великой России» напоминает эту вавилонскую музыку, а религиозно-революционные «отщепенцы», как в русском народе, так и в русской интеллигенции — трех отроков, которые ответили царю: «Бог наш силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавить. Золотому истукану не поклонимся».

Навуходоносор за то, что велел поклоняться себе, как Богу, стал зверем. На этом смешении лика Божьего с ликом звериным, на старом порядке религиозном зиждется и старый государственный порядок. Нельзя перейти от старого порядка к новому, не преодолев этого религиозного смешения. Но Струве не преодолевает, а утверждает его, когда усматривает «сквозь хищничество Бисмарка его религию»: «Величие Бисмарка остается фактом, хотя бы мы к его имени приписали слово «Зверь» с большой буквы». — Не значит ли это, что религиозное величие государственности может являться и «в зверином образе»?

Мы на это ответим: будем гореть в печи огненной, но Великой России в образе зверином не поклонимся.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Марк Алданов

19 ФЛОРЕАЛЯ*

Были последние дни кровавого владычества Робеспьера.

Голод, грозный спутник революций, царил над полумертвой столицей. Каждый день к воротам Консьержери подъезжали за осужденными фургоны парижского палача.

19 флореалья II года у выхода из страшной тюрьмы стояла толпа. В этот день была назначена очень популярная казнь.

Революционный трибунал только что осудил на смерть откупщиков, столь ненавистных народу. Их обвиняли в утайке денег, в сношениях с эмигрантами и в отравлении населения: все они были миллионеры.

Радостный гул голодной толпы, ропот ненависти, брани и насмешек, приветствовал осужденных богачей.

Они шли к фургонам, не обнаруживая особого волнения: в ту пору люди умирали более или менее равнодушно.

— Хороши мои наследнички, — вполголоса сказал, поглядывая на толпу, откупщик-вивер Папильон д'Антерод, у которого только что в пользу революционной нации было конфисковано огромное богатство.

Откупщики, в большинстве очень старые люди, были бедно одеты и имели вид изнуренный. Не желая раздражать присяжных, в надежде на снисхождение суда, они с момента ареста надели простое платье и заказывали себе на стороне нищенские обеды по сорок солей.

---

* Этуд из книги русского писателя Марка Алданова «Огонь и дым», которая вышла в издательстве «Франко-русская печать» в Париже в 1922 году.

Четвертым в хвосте двадцати восьми осужденных шел человек, навлекший на себя особую злобу толпы. Он, по-видимому, принадлежал к высшему обществу и сохранил свой обычный костюм. Но кроме платья что-то еще в лице его, в глазах, устремленных кверху, выделяло этого человека из числа других осужденных.

Когда он подходил к воротам, из толпы шагнул вперед простолюдин, в лохмотьях и изможденный.

— Кровопийца, вампир! — прокричал он хриплым голосом. — Подавись по дороге народной кровью!

Четвертый откупщик повернул голову. Выражение ужаса мелькнуло на его лице. Он на мгновение остановился, поднял руку, точно защищаясь, и быстрее зашагал к фургону...

Какой-то лавочник в толпе, узнав в лицо четвертого откупщика, с радостным недоумением сообщал о нем подробности:

— Он живет на даче, на бульваре Мадлен, недалеко от моей торговли... Сказывали, ученый человек, алхимик, что ли... Кто же мог знать, что это такой негодяй, — говорил лавочник, оправдываясь в знакомстве.

— Если ученый человек морит голодом и отравляет народ, то ему мало гильотины, — сказал простолюдин в лохмотьях, глядя вслед фургону.

— Да он, вероятно, и колдун, — добавила стоящая рядом старуха. — Все они, алхимики, колдуны.

Над суеверием старушки посмеялись: гражданке следовало бы знать, что колдунов больше нет; последнего сожгли еще при тиранах.

Лавочник старался вспомнить имя четвертого откупщика: «Вуазен... нет, Дюбуазо... Ах, да, Лавуазье»...

— Палачу было достаточно минуты, чтобы отрубить эту голову. Природе понадобится столетие, чтобы создать другую такую же.

Голос Лагранжа дрогнул.

— Судом невежд, судом разбойников на казнь отправлен великий Лавуазье...

— Я не хотел революции. Вы с Монжем ее хотели, — угрюмо ответил Лаплас.

В маленьком кабинете, где под вечер 19 флореаля сидели два знаменитых мыслителя, разговор на мгновение замолк.

— Я достаточно знал лучшего из королей, Фридриха, чтобы сочувствовать республиканской идее, — сказал тихо Лагранж. — Но я не хотел той революции, которая посылает на эшафот гениальнейшего ученого в мире.

— Жаль, что произошла именно эта революция, а не та, какой вы хотели, Лагранж.

— Ах, да бросьте вы иронизировать... Я болен, меня бьет лихорадка...

Лагранж взял со стола бумагу и стал ее читать прерывающимся голосом. Это было предсмертное письмо Лавуазье. Спокойно, как истинный мудрец, он прощался с жизнью и с друзьями.

— Откупщики!.. Вот преступление, — сказал Лагранж устало. — Откуда этим невеждам знать, для чего деньги были нужны Лавуазье. Каких сумм стоили ему бессмертные опыты, установившие закон сохранения вещества! На одни исследования по агрономической химии Лавуазье потратил 120 тысяч ливров. Вот куда шло богатство этого откупщика...

— «Откупщика, заговорщика, дворянина и врага народа», так сказано в приговоре.

— «Враг народа»... Идиоты! Лавуазье был одним из самых передовых людей века. Во время голода в Блуа, он на свой счет кормил население город. Едва ли не первый во Франции, он высказался за эмансипацию евреев. А его проект по народному образованию! А книга по политической экономии, ныне прерванная смертью!.. Никто не сделал для народа больше, чем сделал для него Лавуазье.

— Вот его и отблагодарил народ, высший судья, единственный суверен и источник всякой мудрости, как говорил ваш глубокомысленный друг Жан-Жак, которого *тираны*, к сожалению, позабыли посадить в сумасшедший дом.

Лаплас рассказал подробности процесса. Лавуазье просил отсрочить казнь на четыре недели, чтобы дать ему возможность занести на бумагу несколько мыслей исключительной важности. Председатель суда отказал, заметив, что республике не нужно ученых.

— Кто этот болван? — спросил Лагранж, пожав плечами.

— Коффиналь. При последнем *тиране* он был прокурором Шатле, — предупредительно сообщил Лаплас. — Со своей стороны, я бы добавил, что и ученым не нужна республика. Правда, им не нужна и монархия... Если моей «Системе мира» суждено выдержать ряд изданий, то я намерен к каждому новому изданию давать новое предисловие, а в каждом новом предисловии посвящать книгу новым владыкам Франции. Могу с некоторым удовлетворением сказать, что все владыки Франции, прошлые, настоящие и будущие, в моих идеях поймут приблизительно одинаково. Но, может быть, при этом условии я не попаду на эшафот. Ведь маленькое *momento mori* мне уже объявлено.

Он вынул из кармана памфлет «*Les charlatans modernes*», в котором Марат, считавший себя гениальным физиком, опровергал научные теории «корифея шарлатанов» Лавуазье, а кстати требовал для него виселицы.

— Возможно, что именно эта книжка стоила жизни нашему другу. Но так как в числе шарлатанов значусь и я, то мне следует быть особенно осторожным. Я очень берегу свою репутацию доброго санкюлота. Надеюсь, мудрое правительство единой и нераздельной Франции назначит мне, за довершение дела Ньютона, десять тысяч ливров жалованья — ровно половину того, что получает парижский палач.

Беззвучно смеясь, он прочел несколько отрывков из брошюры.

— Лагранж, какой удар науке нанес кинжал Шарлотты Корде...

В это время на улице послышалась карманьола. Они подошли к окну. Мимо дома проходила, без большого, впрочем, воодушевления, толпа людей. Впереди на окровавленных пиках несли чьи-то головы.

Лаплас, внимательно смотревший на процессию, вдруг рассмеялся своим тяжелым, почти беззвучным смехом.

— Знаете ли вы, Лагранж, кто этот санкюлот впереди? Вон тот с пышной седой шевелюрой, похожий на провинциального нотариуса... Это гражданин де-Сад, бывший маркиз, теперь секретарь Секции Пик. Что? Ну, да, тот самый, автор «Жюстины» и «Философии в будуаре». Его недавно выпустили из Шарантона. Может быть, он скоро заменит Робеспьера, как вы думаете? Я посвящу ему тогда свою книгу.

Лагранж в изнеможении опустился в кресло.

— Так вот та революция, о которой мечтали лучшие люди поколения! Вот то, чему служить нас призывал Вольтер! Пантеон отведен останкам Марата, в общую яму сейчас бросают обезглавленное тело Лавуазье. Тупой невежественный адвокат, которого провозгласили богом, измывается над несчастной страной, звери ходят свободно по улицам Парижа... Казнен Бальи, отравился Кондорсе, зарезался Шамфорт!.. Цезарь, новый Цезарь, приди, спаси от гибели тысячелетнюю культуру Франции!..

Наступила тишина. Лаплас перелистывал книги на столе.

— «Ужин в Бокэре», диалог. Что это такое?

— Очередной якобинский памфлет. Беззастенчивое служение богу успеха.

— Кто автор?

— Какой-то молодой человек. Его зовут Наполеон Буонапарте.

— Наполеон? Разве есть такое имя? Впрочем, помню, я лет восемь тому назад экзаменовал на выпуске парижской военной школы мальчика, который назывался как-то в этом роде. Он прекрасно отвечал и вдобавок был совершенно уверен, что понимает математику гораздо лучше меня. Интересный был мальчик, но, по-видимому, не слишком воинственного духа. Помнится, он потом хотел открыть мебельную лавку. Теперь пишет памфлеты? Мирные занятия для нашего времени... Из королевских военных школ не выходили вояки...

— Вы ошибаетесь. Автор этой брошюры — офицер и недавно отличился при взятии Тулона. Он — протеже Монжа.

Который, вероятно, и дал вам эту дрянь?

— Да. Буонапарте написал еще другую диссертацию — о вреде честолюбия. А знаете ли вы, что говорит в беседах с верными людьми этот якобинский памфлетист: «Брюзжать против революции легко, понять ее труднее, овладеть ею очень трудно. Революция — это навоз, на котором вырастает пышное растение».

— Понимать в революции нечего: не велика, слава Богу, мудрость. А вот овладеть ею давно пора. Только каков будет интеграл от тридцати миллионов пигмеев? Что до пышного растения... Мы с вами не мальчики, Лагранж. Поверьте, ничего, решительно ничего не вырастает на этом скверном навозе. Чем дальше от революции и от политики вообще, тем лучше... Для мужчин парламентская трибуна то же самое, что для женщин — галлерей Палэ-Рояля: после политики, проституция самое грязное занятие в мире. Движение спутников Юпитера в тысячу раз важнее и интереснее всех революций вместе взятых, включая нынешнюю, великую, последнюю и окончательную...

Так говорил санкюлот Лаплас, будущий министр Консульства, граф Империи и маркиз Реставрации.

Д И А Л О Г

Лев Аннинский, Владимир Малинкович

О ДРУЖБЕ НАРОДОВ

Малинкович: Лев Александрович, вы — член редколлегии журнала «Дружба народов». Не кажется ли вам, что название этого журнала не совсем современно. Национальные конфликты настолько сегодня остры, что страна буквально раздирается межнациональными противоречиями, а журнал называется, как и в недобрые брежневские времена, «Дружба народов»?

Аннинский: Это название относится к более ранним временам, это из горьковских времен. Можно сказать даже — из сталинских времен, но поскольку все же Горький стоял у истоков, то это будет вернее. Что же я могу вам ответить? Даже если станет еще хуже, я буду настаивать на том, чтобы это название сохранилось, хотя бы в принципе, при том, что теперешняя ситуация по отношению к названию «Дружба народов» иногда кажется просто издевательской. Нужно иметь в голове Бога. Нужно помнить о том, что мы теряем. Поэтому, даже если будет еще хуже, повторяю, название должно сохраниться, потому что это — принцип. Я в этом вырос, я в этой ситуации сформировался, и так просто не отдам это. Ни дружбу народов как идею, ни «Дружбу народов» как журнал.

Малинкович: А не кажется ли вам, что дружба народов — это футурология? До дружбы народов дожить еще надо, это дело будущего. Сейчас следовало бы говорить о взаимопонимании, ведь пока нет даже самого простого взаимопонимания между народами. В связи с этим я хотел бы задать вам вопрос. Почему так случилось, что для очень многих московских, русских интеллигентов то обострение

межнациональной вражды, которое сейчас имеет место в Советском Союзе, оказалось неожиданным?

Аннинский: Потому что наше поколение интеллигенции, несколько поколений русской интеллигенции выросли совершенно в другой системе идей, где национальная вражда в будущем исключалась. Мы же верили, что если человеку дать счастье, если возникнет социум, где человек сможет реализовать себя как личность (мы называли это коммунизмом, можно было бы найти какие-то другие социальные формулы), то национальное, как нечто отдельное, должно будет постепенно преодолеваться, будет преодолеваться в общечеловеческом. Другой вопрос, что это не получилось, но мы выросли в этом и потому для таких людей, как я, для людей моего круга и типа, взрыв национальных чувств был, конечно, неожиданностью. Ведь нам приходится сейчас методом проб и ошибок искать выходы из этого положения, искать решение вопроса.

Малинкович: Не потому ли это произошло, что у вас слово *вера* в какой-то мере подменяло слово *знание*? Разве не трудно было увидеть, скажем, что в Эстонии относятся к тому факту, что она находится внутри Советского Союза, ну, скажем, с неудовольствием. Это было всегда видно — и десять, и двадцать, и тридцать лет назад. Не говоря уж об Узбекистане, где был совершенно иной стиль жизни. И где далеко не всегда пускали людей, приезжающих из России, в свою жизнь. То есть, не кажется ли вам, что русские смотрели на вещи со своей колокольни и оценивали всё с позиции своей идеологии или *веры*, как вы говорите.

Аннинский: Вы задели очень много интересных вопросов и больных точек. Я попробую коснуться всех. Эстония и Узбекистан — это принципиально разные ситуации. А то, что русские смотрят со своей колокольни, это очень большой и важный вопрос. Русские являются русскими именно потому, что они смотрят не со своей колокольни, а пытаются смотреть со всемирной колокольни, хотя у них это не получается. И Достоевский говорил о нашей всеотзывчивости не случайно. Если мы эту всеотзывчивость сейчас теряем, то это не значит, что не было этого порыва. Русский

интеллигент был готов к тому, что бы поверить в отмирание нации. Не каждый же поверит. Эстонский интеллигент в это не верил, вряд ли узбек в это верил. Вы говорите — Эстония и Узбекистан. Принципиально разные вещи. Да, эстонец всегда чувствовал дисконтакт, неудобство. Он терпел все то, что с ним произошло. В Узбекистане же всю войну принимали раненых, принимали беженцев с открытой душой. То, что произошло в Фергане, — это тоже снег с ясного неба для нас. В Эстонии можно было вычислить отношение к России. В Средней Азии — полная неожиданность.

Малинкович: У меня несколько иной опыт. Я тоже был в свое время в Самарканде и знаю, как относились к русским, скажем, на самаркандском базаре, и как относились узбеки к тем русским, которых они принимали у себя дома. Это совершенно иное отношение. У себя дома узбеки были совсем не такими людьми, какими их видели русские на улицах Самарканда, в большом городе. Я думаю, закрытость их общества от русских была всегда и сохраняется сегодня. Ведь вы посмотрите, представители среднеазиатских республик, как правило, голосуют за самые консервативные предложения в Верховном Совете или на съезде. А в жизни их подлинное отношение вдруг прорывается какими-то страшными явлениями, типа Ферганы. То есть недовольство есть и было. Другое дело, что его не видели, не замечали.

Аннинский: Я понимаю вас. Вы опять-таки задели массу болевых точек. Что на базаре относились к русским иначе, чем в семьях, так на базаре отношения вообще немножко другие, чем в семьях, везде. Что касается того, насколько узбекская, да и другие среднеазиатские культуры закрыты от России, то я бы хотел обратить ваше внимание на следующий момент. Нужно отделять опять-таки низовые слои от культурных слоев, которые очень многим обязаны русской классике, очень многое дали русской культуре уже в советском кругу. Тимур Пулатов все-таки существует в советской литературе. И Чингиз Айтматов существует, и Олжас Сулейменов.

Малинкович: Безусловно. Это все то, что получила от среднеазиатских культур русская литература. Не забудем, однако, что у населения Средней Азии советская империя отняла арабский алфавит. И в результате они просто не знают своей собственной культуры. Ведь этой культуре, настоящей культуре, настоящему среднеазиатскому интеллигенту, в мусульманском духе воспитанному, сильно помешали развиваться. Но мы немножко отвлеклись.

Аннинский: Мы отвлеклись в интересную сторону. Во-первых, потеря мусульманской культуры, которая была трагической для тех поколений, которые ее теряли вместе с арабским алфавитом, не совсем то, что эта же потеря для поколения Олжаса Сулейменова, который вырос уже внутри русской литературы и стал внутри нее казахом. Или для Чингиза Айтматова, который пишет по-русски, чтобы иметь выход в мировую культуру. То есть теперешнее поколение интеллигентов очень сильно связано с так называемой советской общностью.

Малинкович: Но нарушена связь времен. Нарушена преемственность среднеазиатской культуры, — узбекской или таджикской, в общем-то великой...

Аннинский: Таджикская — это немножко другое. Это иранская культура.

Малинкович: Да, совершенно иное, это великая, я бы сказал, культура. Важно, что нарушена преемственность этих культур именно в силу того урона, что нанесла им империя. И в силу русификации, которая проходила не только при советской власти, но и гораздо раньше. И в силу того, что остались эти народы без возможности познать свои культурные ценности, потому что их лишили арабского алфавита. Поэтому урон был колоссальный. И проблема заключается в том, что отдельные писатели, представители культуры этих народов, пусть даже очень талантливые, как бы приспособились к новым условиям и эти условия использовали с большим преимуществом для себя. Это, может быть, необходимость и даже победа лично для них, но поражение для их национальной культуры.

Возьмем Украину. Очень много сил, духовных сил, культурных сил, Украина отдала России. Гоголь — величайший *русский* писатель. Гоголь не мог стать *украинским* писателем в силу того положения, в котором находилась 150 лет назад украинская культура. Поэтому для него поездка в Петербург тогда — это выход в большой мир.

Вы задели самый важный, по-моему, вопрос. Вопрос о том, что есть своеобразная российская или русская ментальность, ментальность, связанная с мировыми ценностями, с попыткой чуть ли не осчастливить человечество. При этом вы сослались на Достоевского, но коснулись лишь той части его творчества, которая подтверждает эту истину. Но в конкретной политической действительности Достоевский занимал ультраправые позиции, ультраконсервативные.

Аннинский: Не ультра, а просто правые позиции.

Малинкович: Не ультраправые потому только, что были еще правее. Но с точки зрения демократического сознания, это ультраправые позиции — то, что мы читаем в его статье о евреях, в его статье о том, что Константинополь должен быть «наш», российский.

Не кажется ли вам, что именно в силу всеотзывчивости, как вы говорите, русского сознания (на мой взгляд — это просто пережиток цезаре-папизма в этом сознании, идущий из Константинополя) российской культурной среде несвойственно развитие индивидуальности. Интеллигент там вытесняет интеллектуала.

Аннинский: Понимаю. Опять-таки вы задели массу интересных вопросов. Я очень коротко выражу свое отношение к основным из них, немножко утрируя. Вы говорите, что Россия виновата в том, что среднеазиатские народы порвали со своим прошлым. Но и русские порвали со своим прошлым, может быть и не менее страшно, чем те народы, которые порвали с прошлым как бы из-за России. Разве Россия не порвала со своим прошлым? Трагическим образом. Мы же лишились всего религиозного наследия, сугубо русской философии, на какое-то время и классики лишились. Поэтому нужно говорить не о том, мне кажется,

что русские заставили, скажем, узбеков забыть свое прошлое. Вовсе нет! Был общий процесс советизации, который касался и русских, и узбеков, и всех. Сопротивлялись национальные элементы этому процессу каждый по-своему. Но думать, что это была русификация по программе, мне кажется, не правильно. Это была советизация, коммунизация. Это была мировая теория. Это была акция Мирового духа. Когда это стало оборачиваться в новое время признаками русификации, мгновенно возникло национальное противодействие, и мы имеем то, что мы имеем сейчас, — национальный бумеранг.

Малинкович: Ваш ответ позволяет мне понять, почему для московской интеллигенции весь этот нынешней процесс оказался неожиданным. Вы говорите, что это процесс советизации, а я утверждаю, что это процесс русификации. Он проходил и сто, и двести лет назад в Российской империи. И совершенно не случайно в феврале 1917 года, когда рухнула самодержавная монархия, во всех нынешних республиках были массовые национально-освободительные движения. Национальные движения еще до революции выступали против того режима, который ничего общего с советизацией и коммунизацией, естественно, не мог иметь. И тем не менее они выступали против империи, они требовали независимости. И, по существу, те движения сегодня просто в какой-то мере повторяются. Обратите внимание на Грузию, обратите внимание на Эстонию, на Украину. Там поднимают те же знамена, которые поднимались и в 1917 году.

Аннинский: Я понимаю вас. И тем не менее согласиться не могу. Что значит русификация? Теперь, в наше время, в 70-80-е годы XX века, этот термин более или менее понятен. Но в царской империи (а это была империя) была империализация. Русификация не была главным лозунгом. В Российскую империю включались другие народы. Они становились русскими не затем, чтобы стать национально особенными, а чтобы войти в имперскую культуру.

Малинкович: Они туда не входили. Их завоевали...

Аннинский: Кого завоевали, а кого нет, простите. Другие сами вошли. Кто грузин завоевывал? Был Георгиевский трактат. Да они турок, иранцев больше боялись, чем русских.

Малинкович: Я знаю, что был Георгиевский трактат, но, кажется, московская интеллигенция не очень хорошо представляет, как оценивают этот Георгиевский трактат грузины. И не когда-то, а именно сегодня. Георгиевский трактат не был соблюден, и Грузия была завоевана российскими войсками. Впрочем, как и Украина. В свое время была Переяславская Рада, было соглашение между двумя государствами, но после Петра и Екатерины, украинская государственность, которая предопределялась этим договором, была уничтожена. А позже, ни кем иным, как царем-освободителем Александром Вторым, в 1876 году в Эмсе, был запрещен украинский язык. Что же это, как не русификация?

Аннинский: Это не русификация, это опять-таки воздействие империи на ее окраину, чтобы был единый язык. Оказался русский. Мог оказаться другой язык, и он бы играл ту же роль. Это не было принципиальное противопоставление русских кому бы то ни было другому. Это был язык империи.

Советская империя (будем употреблять это странное слово) — унаследовала то имперское сознание. Но это было именно имперское сознание, а не отдельно национальное. Их завоевывали не русские, как отдельный народ. Кстати, русские, как отдельный народ, вспомните Ключевского, есть вообще плод смешений. Ну да, язык славянский, и то, как считают украинцы, несколько не коренной славянский, уже отошедший. Но тип государства был ордынский. И само население русское, оно смешалось из трех элементов. Это славяне, это угры, это татары. Возникло нечто, что называет себя русским. Но это не национальное содержание, а имперское. А это версия всемирного духа была.

Малинкович: Вероятно, это так. Здесь я спорить не буду. Я думаю, что это действительно имперское сознание.

Но проявляло оно себя конкретно русификацией, потому что насаждался все-таки русский язык, русская культура, а не какая-нибудь другая. Если бы была английская, то мы говорили бы о британизации.

Аннинский: Вы говорите о британизации Америки сейчас — ведь там английский язык? Нет, это американская версия мировой культуры на английском языке.

Малинкович: Я не могу сравнивать Советский Союз с Америкой в силу того обстоятельства, что Соединенные Штаты — страна иммигрантов. А Россия, бывшая Российская империя, а нынешний Советский Союз,—это страна, в которую входят другие страны и народы. И никак иначе. Они имеют там свою землю, родную землю. Истоки их культуры там, а не где-то за океаном. Россия эти страны объединила только при помощи меча и прямого давления. Что же касается типа государственности, то, на мой взгляд, это не столько ордынский тип, сколько византийский. И благодаря цезаре-папизму, который возник как идеология там, во Втором Риме, возникла в Москве несколько позже идеология Третьего Рима, которую, по-моему, вы сейчас в какой-то мере не то что оправдываете, но объясняете.

Аннинский: Византийская окраска ордынского государства, то есть религиозная византийская санкция ордынскому государству, не означает, что само государство было византийское. У нас окрас византийский. Но связать гигантские просторы можно было только традицией ордынской. Мы это и сделали.

Вы говорите, что Америка — страна иммигрантов, а в России коренные народы как-то иначе взаимодействуют. Нет, позвольте вам заметить, что русские как таковые получились в результате того, что в XIII-XIV веках на Восточно-Европейской равнине, по Ключевскому, смешались иммигранты, между прочим. С Карпат шли славяне, а тут уже сидели угры, в Москве сидел Кучка, а потом пришли татары. И все тут смешивались, так же как в Америке, только на полтысячелетия раньше. Русские—это те, что здесь смешались. В результате, вы правы, возникла русификация. Но в результате! Не было такого, чтобы какая-то одна

национальность поставила себе мировой целью подчинить другие национальности.

Позвольте мне вернуться к Гоголю. Украина подарила России Гоголя. Я с этим соглашусь. Но Гоголь ведь не остался на Украине. Он остался в лоне русской литературы, прекрасно понимая, что это не национально-русская литература. Это прежде всего литература, которая участвует в мировой истории. Конечно, она оказалась русской, она окрасилась национальным духом уже сейчас, в последние 20-30 лет. Но разве война, Вторая мировая война, которую вели русские против немцев, так задумывалась? Она была войной фашистов против коммунистов.

Малинкович: Она и не велась как война только русских против немцев. Такая оценка, по-моему, — результат того самого мышления, которое вы называете не русским, а имперским. Это была война действительно всех народов против немцев-фашистов. И абсолютно точно: воевали все народы. Иногда, правда, это идеологически оправдывалось византийской иконой.

Я хочу перейти к совсем конкретному вопросу. Сейчас, по-видимому, национальные проблемы, межнациональные трения в Советском Союзе привлекают внимание к целому комплексу других проблем. Прежде всего, возникает необходимость оценки русскими своего происхождения, своего государства, своих ценностей, в конце концов, своей ментальности. И мне кажется, что сегодня нет такого органа печати в СССР, который этими проблемами специально бы занимался. Ваш журнал действительно делает что-то в этом направлении, но межнациональные проблемы сегодня настолько острые, настолько важные, что он явно недостаточно это делает, в силу просто технических причин. Возможно, нужен еще какой-то всесоюзный печатный орган, где люди могли бы спорить вот так, как мы с вами сейчас, об этих проблемах. Ведь мы их только затронули, обсудить мы их здесь не сможем. А между тем каждый из этих вопросов требует детального обсуждения и спора. Может быть, такой орган нужен?

Аннинский: Опять-таки на серию вопросов я дам серию ответов. Воевали не немцы против других народов, воевала

группа народов, которую возглавила Германия, против группы народов, которую возглавила Россия. Как и в 1812 году, кстати. Сюда пришло «двенадцать языков», и были итальянцы, и были мадьяры, и были немножечко испанцы, и финны также были. Так что тут тоже все можно переосмыслить не с национальной точки зрения. Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба» показал, как в момент Сталинграда меняется социально-классовая идея на религиозно-национальную, и эти столкновения окрашиваются в национальный цвет. Сталин это почувствовал.

Теперь дальше. Вы задали очень важный вопрос: каким образом окрасилась в русские цвета коммунистическая идея? Это страшно важный вопрос для огромных философских штудий. Могу сказать только одно: большевизм не случайно на русской матрице возник. Русская рыхлость, русская недисциплинированность, русская эмоциональность, русская подвижность, невозможность поставить предел — она одновременно помогла русским склеить это невероятное единство там, где никто не мог считать себя коренным народом, где все кочевали, где гунны прошли насквозь как нож и стали венграми, и болгары прошли насквозь и стали болгарами, хотя не были ими с роду, а были где-то на Волге хазарами, и так далее. Поэтому здесь можно было склеить что-то общее только, если родился бы человек с невероятно широкой, дырявой душой. Он родился и назвал себя русским. Он родился из разных элементов, в том числе и из немецких, из татарских. Так все тут и склеилось. Поэтому то, что здесь происходило, происходило с опорой на широкую, мягкую душу. Достоевский, который написал такие ужасные вещи, как то, что писал насчет Константинополя и насчет евреев, Достоевский же внутренне не стоек и именно поэтому он же выражает эту соблазненность русской души крайностями. Ведь большевизм был попыткой русской души смирить себя жесткостью. Это все устроилось на почве марксистских теорий Запада. Могло быть на почве Бисмарка что-нибудь подобное, на почве «Москва — Третий Рим», на любой идеологической матрице должно было быть нечто подобное. То есть рыхлая, мягкая, податливая, широкая, любящая всех душа, с русской дурью, должна была внутри

себя выработать противовес, имя которому — большевизм. Она и выработала. Выработала для того, чтобы участвовать в двух мировых войнах. И участвовала, и страшной ценой она выиграла эти две войны. Не убежден, что себе на пользу. Как видите, теперь живем хуже всех побежденных.

Все эти вопросы, которые раньше решались как вопросы мирового духа, сейчас получили национальную окраску. Это для нас, для моего поколения, страшно неожиданно. Это для моего поколения почти катастрофическая перемена языка. Но нужно на этом языке говорить с людьми. Вы абсолютно правы — нужда есть огромная в прессе, в изданиях, где люди могли бы высказывать все эти идеи. Эти идеи непримиримы. Когда армяне и азербайджанцы сейчас высказываются, вы не можете себе представить, как трудно посадить их за один стол. Не только найти между ними общие идеи какие-то. Вы не представляете себе, а я наблюдаю, как трудно сейчас армянским и азербайджанским писателям, которые 50 лет дружат между собой индивидуально, которые уважают, читают друг друга, которые входили в общесоветскую культурную общность, как им трудно сейчас говорить между собой. Они боятся говорить между собой. Потому что за каждым из них стоит народ, который не простит ему то, что он говорит с теми, с другими. Ситуация очень страшная. И я имею к ней прямое отношение. Мне стоит больших трудов, и мне и моим товарищам по журналу, это делать.

Что мы делаем в журнале «Дружба народов»? Мы выяснили, что, во-первых, мы из принципа отказываемся менять название. Всегда какой-то свет нужен. Даже если полная тьма, где-нибудь в уголке свет должен гореть. Чтобы было ясно, где тот угол, где та печка, от которой мы танцуем. Нужно, чтобы люди говорили между собой. Поэтому существует журнал «Дружба народов».

Мы всегда печатали рядом с Окуджавой, рядом с Трифоновым, рядом с Шукшиным Чабуа Амирэджиби, Эно Ветемаа, Ионе Друце, Тимура Пулатова. Само существование этих культурных организмов в пределах одного журнала создавало университетский эффект. Эффект университетского двора. Но сейчас обнаружилась необходимость не просто культурно-практически это делать, а все время осмыслять ту

невозможную ситуацию, в которой оказались люди из-за их национальной несхожести.

Поэтому и придумана была, помимо нашей обычной публицистики, рубрика «Нация и мир» которую я сейчас редактирую. Кроме того, мы почувствовали, что даже этой рубрики, этой трибуны недостаточно. Нужны более широкие возможности для одновременного высказывания своих мыслей большим числом несогласных между собой людей. Даже не добиваясь согласия, даже не резюмируя, — просто это был бы форум, где люди могли бы выкричать свои чувства. Поэтому мы при журнале «Дружба народов» учредили Совет по межнациональным отношениям, куда вошли широко мыслящие люди, типа Льва Николаевича Гумилева, ученые, социологи, политологи, этнографы. И кроме того, представители определенных культурных регионов. И каждый раз, когда мы устраиваем очередной форум (мы его по типу Верховного Совета сессией называем), мы приглашаем тех, кто, нам кажется, выскажет наиболее непримиримые точки зрения. Конечно, в пределах того, что мы можем напечатать. У нас прошла первая сессия: «Национальный вопрос сегодня», где все наиболее остро мыслящие представители закавказских, прибалтийских литератур высказывались. Мы тогда дали возможность Кнуту Кениэску сказать больше, чем в ту пору говорила центральная печать. Мы все это опубликовали. Конечно, мы не можем решать проблем (вопрос о новом союзном договоре будут решать юристы и представители народов), но мы можем дать людям трибуну, чтобы они сказали то, что хотят.

Малинкович: То, что вы сказали о предопределенности возникновения российской нации и ее особых задачах в мире, кажется интересным, но все же далеко не бесспорным. Большинство проблем, которые мы сейчас затронули, пока еще не нашли своего решения, да и вряд ли это решение может быть скоро найдено. И мне кажется что, хотя журнал «Дружба народов», безусловно, делает свое дело, его журнального пространства все-таки недостаточно для обсуждения всех тех многочисленных проблем, которые сейчас возникли. И я надеюсь, что рядом с журналом

«Дружба народов» возникнет целый ряд других, где будет больше публицистики, больше социологии, философии. Надеюсь, будут и издания, реагирующие на проблемы более актуальные. Поскольку сегодня процессы межнациональные протекают столь быстро, что поспеть за ними трудно.

Май, 1990.

ДО СВИДАНИЯ, «ФОРУМ»

Сейчас читатель закрывает последнюю книжку журнала „Форум“. Более восьми лет выходил журнал в украинском издательстве «Сучасність» в Мюнхене. Нелегкими были эти годы. Атаковали «Форум» и справа и слева — за леволиберальное направление, за последовательную защиту принципа самоопределения народов, за антиимперские и антинационалистические тенденции, просто за то, что «Форум» при всех обстоятельствах оставался независимым журналом.

Первым из всех эмигрантских изданий «Форум» открыто поддержал перестройку и, боюсь, последним будет официально допущен к читателям в Советском Союзе. Именно в «Форуме» впервые высказана мысль о том, что СССР должен на деле превратиться в Союз суверенных советских республик. Это было тогда, когда слово «советский» в эмиграции было ругательством, а в Союзе выражение «суверенная республика» звучало не иначе, как в издевательском контексте.

Среди авторов «Форума» — много тех, кто известен своим сопротивлением тоталитаризму, и тех, кто оказался в авангарде перестройки в последние годы: Василь Стус и Милован Джилас, Лев Копелев и Ян Юзеф Липский, Збигнев Бжезинский и Бруно Калниньш, Георгий Владимов и Марью Лауристин, Булат Окуджава и Вячеслав Чорновил, Андрей Тарковский и Иван Драч... В журнале опубликовано немало

документов, исторических и литературных материалов, до тех пор либо вовсе не доступных читателю, либо скрытых от него десятилетиями.

Кто-то из классиков «единственно верного учения» безапелляционно заявил, что место либерализма «на свалке истории». Вот-вот книги этого классика будут навсегда сданы в архив, а либерализм все еще жив, хотя участь его никогда не была легкой. Я имею в виду не тех либералов, что горой стоят за неограниченное развитие частной инициативы (этим на Западе давно уже вольготно, да и в Союзе они сейчас в моде). Я говорю о тех, для кого свобода развития личности всегда была неотделима от общественной солидарности, необходимости защиты интересов слабых, о тех, кто отвергает насилие и возможность достижения цели любой ценой. Традиции их либерализма пытался в меру своих сил развивать журнал «Форум».

Сейчас «Сучасність» прекращает издание, но хочется верить, что такого же направления общественно-политический русскоязычный журнал вскоре появится в Советском Союзе. В период обострения межнациональных противоречий, в период становления суверенных республик-государств, во времена радикальной перестройки всех существующих в этой стране структур, потребность в таком журнале, думаю, огромна.

Покидая город, где века сохранили для будущих поколений форум Римской республики, гости бросают через плечо монету в фонтан di Trevi, надеясь вернуться — вернуться к тому, что было необходимо.

До свидания, «Форум». Хочется верить, что ты был и еще будешь нужен. Спасибо всем авторам «Форума», спасибо тем, кто делал журнал. Спасибо тебе, читатель.

1 июня 1990 года.

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 3 Рух. Украина в движении.
- 5 *Михайло Горынь*. Выборы в Верховный Совет.
- 10 *Иван Драч*. Европе нужна свободная Украина.
- 17 *Виктор Линчевский*. О задачах «Руха».
- 24 *Юрий Щербак*. Строить, а не уничтожать.
- 34 *Мыкола Горбаль*. Независимость — святое дело.
- 39 *Олесь Шевченко*. Украинское хельсинкское сообщество будет партией.
- 49 *Андрей Куликов*. Коммунисты отвечают за прошлое.
- 57 *Иван Салий*. Пройду путь до конца.
- 64 *Виталий Карпенко*. Перестройка в газете.
- 77 *Виталий Крюков*. Политическая ситуация на Украине: некоторые аспекты текущего момента.
- 87 *Михаил Погребинский*. Этап политического структурирования.
- 94 *Иосиф Зисельс*. Антисемитизм стал иным.
- 102 *Вадим Скуратовский*. Традиции и свобода.
- 120 *Юрий Бадзьо*. Исторические границы отечества или отчизна свободы.

ИСТОРИЯ

- 149 Два универсала Украинской Центральной Рады.
- 160 Право на самоопределение («Социалистический вестник», 1921 г.).
- 167 *Михаил Туган-Барановский*. Интеллигенция и социализм.
- 189 *Павел Милюков*. Безнациональность интеллигенции.
- 210 *Дмитрий Мережковский*. Еще о «Великой России».

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 218 *Марк Алданов*. 19 флореаля.
- 224 *Лев Аннинский* — *Владимир Малинкович*. О дружбе народов.
- 237 *Владимир Малинкович*. До свидания, «Форум».

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:
Англия — 3 фунта.
Германия — 15 н. м.
США — 7 ам. долл.
Франция — 40 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

**Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandstudien
e. V., für «Forum».**

**Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.**

**Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.**

Представители «Форума»

**В Англии   Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W9**

**в Израиле   Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 867451**